

№ 2

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР ГРИЧ – 70

Александр ГРИЧ. Скорый поезд «Баку – Лос-Анджелес»	101
Петр ЛЮКИМСОН. Поэт из города ветров	103
Александр ПОЛОВЕЦ. Не хлебом единым...	106

ПРОЗА

Николай ПОРОХОВНИК. Конечная станция перед вечностью.	
	Рассказ
	18
Алексей САПРЫКИН. Цугцванг	30
Елизавета КАСУМОВА. Яламинские заметки	93
Исмаил ИМАНОВ. Рассказы	114

ПОЭЗИЯ

Аладдин ЯГУБОВ. Стихи	27
Рафаил ТАГИ-ЗАДЕ. Стихи	77
Виктория БУЛАТ. Стихи	120
Элина МАХМУДОВА. Стихи	121
Ирина ЗЕЙНАЛЛЫ. Стихи	126

ПУБЛИЦИСТИКА

Чингиз ГУСЕЙНОВ. По следам коранических аятов, или	
	Глас вопиющего в пустыне
	3
Людмила ЛАВРОВА. Связи земные и небесные...	82
Рахман БАДАЛОВ, Тогрул ДЖУВАРЛЫ. Самое главное в этом мире –	
	вопрошать...
	128

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Выпускающий редактор	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелалия ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Подписано в печать 22.01.2015 г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

*Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

Чингиз Гусейнов – прозаик, доктор филологии, профессор, выпустил по означенной теме «Суры Корана, расставленные хронологически» (Москва, «Три квадрата», 2003, 496 с.), «кораническое повествование» о пророке Мухаммеде «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» (Москва, «Вагриус», 2004, 512 с.) и «Ме'радж» (Баку, «Ганун», 2008, 564 с.).

ПО СЛЕДАМ КОРАНИЧЕСКИХ АЙАТОВ, ИЛИ ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЬИНЕ

Есть очевидности, с которыми нельзя не считаться

На земле существуют в многообразии ответвлений монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам, и потому все вместе они, восходящие к единому источнику – Праотцу Аврааму, получили определение авраамические.

Начало единобожия коренится в недрах великой многовековой иудейской культуры, иудейской веры. Более, чем через три тысячи лет в ней вызревло христианство, образовав поначалу иудео-христианство – явление, скорее, культурно-историческое, нежели религиозное, точнее, важная составляющая иудейской веры: явление Мессии, чему отчасти призвана была служить Библия, составленная христианами из двух частей – отдельных книг иудейства под общим названием *Ветхий Завет*, не принятого, однако, как и вся Библия, иудеями, и *Нового Завета*. Впоследствии христианство откололось от своей первоосновы, стало ей противостоять. Было принято новое летоисчисление от Р.Х., *Рождества Христова*, или *нашей эры*, которым значительная часть человечества ныне пользуется.

Через три тысячелетия после зарождения иудейской веры и семь столетий после появления христианства возникла в мире третья авраамическая ветвь – ислам. К Корану вполне может быть применима трактовка христианами книг Библии, которые явлены через движимых Духом Святым «богодухновенных людей», чьи голоса были голосом Самого Всемогущего, и что любая фраза Библии всегда значит больше, чем составляющие её слова.

Ислам формировался в противостоянии, но уже к двум другим ветвям единобожия, повторив в какой-то степени опыт христианства по отношению к иудаизму. Мысль о том, что Коран, как сказано в нём, явлен для подтверждения истинности ранее явленного, в сущности, была потеряна. Важно при этом отметить, что Иисус был явлен исполнить, а не разрушать устновления Писания, как и озвученная Мохаммедом Божья воля сводилась к подтверждению, а не отмене книг единобожия.

Впоследствии муслимы, как называются на арабском *предавшиеся единобожию*, стали интерпретировать ислам не как последнюю по времени веру единобожия, а как единственную, отменяющую все прежние религии и их книги. Это обосновывалось тем, что Коран – непосредственное обращение Бога к человеку, и муслим обрёл статус единственного монотеиста. По интерпретации исламских богословов тот, кто не принимает Коран, автоматически зачисляется в неверные.

Хотя авраамические ветви, развиваясь и трансформируясь, фактически отгородились в конечном итоге друг от друга, само содержание религий (Святых писаний) не даёт оснований для их противостояния, ибо общность представляет собой более мощный пласт, чем расхождения: в основе этой общности – этическое ядро этих религий – заповеди.

В одном из рассказов о Мухаммаде иудеи, дабы испытать Пророка, спросили его о десяти заповедях на скрижалях. – Дело не в счёте, ответил Пророк, важно их соблюдать: (1) не признавайте иные божества, кроме Бога; (2) не проливайте невинную кровь; (3) не прелюбодействуйте; (4) не воруйте; (5) не занимайтесь ростовщичеством, (6) колдовством; (7) не доносите; (8) не убегайте с поля боя; (9) не оговаривайте честных женщин. – Умолк. – А десятая? – спросили. – Десятая, что вы постоянно нарушаете – запреты шабата! В Коране изложены заповеди Авраама: ни одна душа не понесёт чужую ношу; каждому воздастся за усердие; вознаградятся добродеяния, к Богу Единому возврат конечный, Он властен назначить смерть и одарить жизнью (53/37-48; ссылки по каноническому Корану: номер суры/айат).

Очевидно, причина противостояния религий – в политических и идеологических требованиях, в сущности, вытеснивших веру, верховенство истории над велениями, запросами современности, жёсткий диктат прошлого. В этом контексте исключительно важна деятельность двух Пап – Папы Римского Иоанна-Павла II, впервые в истории христианства принесшего извинения иудеям, назвав их *старшими братьями* по вере, и молившегося в знак примирения с мусульманами в мечети, и Папы Франциска I, который заявил, что «внутри каждого христианина сидит еврей», что ежедневно он молится словами псалмов Давида, как еврей, потом совершает обряд евхаристии, как христианин. Что в основе любого религиозного фундаментализма лежит насилие, а насилие *во имя Бога* – абсурд. Метафора *о братьях* в той мере и значении применима и к мусульманам – младшим братьям иудеев и христиан.

Честно признаюсь, мне не кажется, что эти идеи надо доказывать, для меня они очевидны, но, как всегда происходит в жизни, мои личные переживания заставили к ним обратиться.

Из собственного опыта

Так сложилось, что уже три десятка лет, начиная с 80-х годов, я иду по стопам строк-айатов Корана, который впервые прочитал как исторический памятник в начале оттепели, в середине 50-х,¹ когда в безбожные советские годы он был издан, но приобрести его можно было по списку-ходатайству с места работы, и восторг вызвали яркие поэтические айаты, стилистика потока сознания. Тогда же – и потрясение после прочтения Библии, изданной, естественно, до революции и припрятанной хозяевами снисаемой на лето дачи.

Возвращение к Корану, уже осмысленное, возникло в *перестройку* и связано со всплеском этнических противостояний и войн в форме чуть ли не религиозных. Тогда родилась потребность написать роман-протест о преемственности авраамических религий, против понимания ислама как веры варваров, но ещё больше – для резкой отповеди террору, который стал твориться именем Аллаха, он же – Всевышний.

В начале нынешнего века собрались в Москве культурологи и религиоведы, чтобы поговорить об интерпретации сакральных текстов, профетических, пророческих, понимая, что это – не только тексты в обычном смысле слова, а хранилища социально-исторических, духовных традиций. В духе времени были отмечены различные типы экзегеза²: склонность к герменевтике, когда истолкование или интерпретация сакрального текста впрямую соотносится с опытом сегодняшнего дня, и тем самым происходит инверсия акта интерпретации. Герменевтика(искусство толкования) при этом сопровождается деконструкцией, как способом анализа

¹ В детские годы набожная бабушка заставляла меня зубрить молитвы, не зная их смысла, они звучали как волшебное заклинание, надо было знать имена 12-ти шиитских имамов, восходящих к роду Али, чьей женой была дочь Мухаммада Фатима, а 12-й – Mahdi-messия, явится утвердить на земле справедливость и искоренить ложь-yalan. Это делалось, очевидно, в воспитательных целях. Когда приходили ко мне русско-еврейские одноклассники, угощала их чаем, а потом тщательно, отдельно от другой посуды, мыла стаканы неверных.

² Экзегетика (др.-греч. ἐξηγητικά, от ἔξηγησις, «истолкование, изложение») — раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты; учение об истолковании текстов, преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнён вследствие их давности или недостаточной сохранности источников.

структуры, когда текст подвергается демонтажу, что ничего общего не имеет с разрушением, а, напротив, преследует цель вернуться к истокам, или, как это было в моём случае, когда для понимания логики явленного возникла потребность восстановить первоначальный порядок аятов Корана. Впрочем, подобное, но без комментариев, было проведено в середине 19-го века с английским переводом Корана, в середине 20-го – с французским, начале 21-го – с турецким.

Возникла при встрече идея-догадка, поддержанная культурологами и начисто отвергнутая религиоведами, что Коран, как сказано в нём, ниспосыпался, прежде всего, для примирения книг монотеизма – иначе зачем было Богу восторг ранее ниспосланым книгам являть Коран?

Вмешательство в замысел Бога

Коран был собран при халифе Османе, спустя двадцать с лишним лет после смерти пророка, и тем было покончено с многими другими списками и разноточениями. Однако принцип отбора и расстановки сур оказался противоречивым и потому не мог не повлиять на интерпретацию Корана.

Прежде всего, произошло смешение божественного и человеческого, то есть явленного Богом и произнесённого пророком: к тексту Божественной книги, в сущности, были приравнены сунны-хадисы – рассказы современников о поступках и высказываниях Мохаммеда, что заметно усилило тотальное воздействие земных обстоятельств на трактовку *небесного*, что, естественно, не могло не породить всяческого рода домысливания того, чего в Коране нет. Замечу попутно, что выбор именно халифа Османа был обусловлен его ответом на вопрос выборщиков, что при руководстве уммой-общиной он будет следовать Корану и Сунне. Али, второй претендент на звание халифа, назвал лишь Коран. С тех пор и пошло разделение на суннитов, то есть тех, кто приравнивает сунны к Корану, и шиитов, или партию сторонников Али; кстати, его не привлекли к составлению Корана: в своде Али, якобы, сурь располагались в порядке их ниспосложения. В каноническом Коране 1-я сура стала 96-й, 2-я – 74-й, 3, 4, 5, 6-я – соответственно 68, 73, 111, 81-й и так далее.

Налицо принципиальное нарушение предписанного Богом, который не раз предупреждает пророка в Коране: *ничего лишнего, помимо явленного, не измышлять, что он всего лишь увещеватель* (38/65, 86), передатчик идей Бога, а не прорицатель (52/29), и если что либо от *Нашего имени присочинит, Мы его накажем крепко, схватим за правую руку, рассечём вену, питающую сердце, и не найдётся никого, кто б удар Наш сумел отвратить!*.. (69/44-47).

Для установления истинности воспоминаний о Мохаммеде, а это десятки томов, во много раз превосходящих по объёму собственно Коран, и собирались они в течение не одного поколения, была разработана теория достоверных, а также сомнительных или недостоверных суннитских хадисов.

Однако высказывания Пророка, в том числе и по разъяснению коранических аятов, переданные через кого-то или кем-то из современников, а то и их потомками, но с непременным условием ссылки на устный первоисточник, носили зачастую характер вмешательства в явленное, точнее, договаривания за Бога, и это не раз наблюдается в интерпретациях аятов Корана именно с опорой или ссылкой на хадисы.

Показательна в этом плане интерпретация аятов молитвы, предписанной муслымам, в заглавной суре *Фатиха*¹, которая явлена 50-й в мекканскую период: *Веди нас по дороге прямой, дороге тех, которых Ты облагодетельствовал Своей милостью, не тех, которые под гневом Твоим, и не заблудших...* – гнев Бога расшифровывается как неприятие иудеев, которые поклонялись золотому тельцу, а под заблудшими подразумеваются опять-таки иудеи, а также христиане, не принимающие Мохаммеда, как пророка, и ниспосланный Коран, и это стало определяющей линией в трактовке явленных сур. Однако в мекканскую пору Мохаммед не соприкасался ни с иудеями, ни с христианами, то есть принять или не принять Коран они никак не

¹ Фатиха, или Сура молитвы, по хронологии 50-я, с нею родилась молитвенная формула, частая в устах верующего, какое б дело не предпринимал: *Бисмиллах الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*, или Во имя Аллаха, Милости-вого, Милосердного, впоследствии предпосланная всем, за исключением одной, сурам Корана.

могли, а потому объектами гнева Бога, заблудшими, неверными были, скорее всего, язычники-сородичи, которые преследовали пророка и принудили его покинуть Мекку. Тенденциозная размытость важнейших понятий Корана понадобилась для разрыва с людьми Писания, объявленными неверными.

Возникли интерпретационные курьёзы: *возлюби ближнего* (42/23) трактуется на основании хадисов как призыв видеть в ближнем Бога, Мохаммеда, людей общины, даже... близких родственников пророка.

Смешение божественного и человеческого отразилось на исламском законодательстве, шариате, многие положения в котором – от сунн-хадисов, а не от Корана, а если учесть, что с ними вошли в правовое поле шариата и некоторые доисламские обычаи, то становится размытой не только сама структура, но и идея Корана.

Нельзя не учитывать, что Мохаммед, завоевав мекканко-едининскую «землю обетованную», создал государство (в Коране ничего о том, как править государством), издавал законы, вёл войны и заключал мир, вершил правосудие, другими словами, действовал и как политик, реагирующий, с опорой, впрочем, на посланническую миссию, на конкретные обстоятельства времени, сполна реализовывая собственную действенную волю¹. Произошло тем самым смешение Мохаммеда, получающего Божественные повеления, и Мохаммеда-деятеля с его суждениями вне Корана.

Было два этапа ниспослания аятов: мекканский (610-622), призыв к единобожию, отрицание язычества, сюжеты пророков, когда возглашаемое Мохаммедом язычники воспринимали как *сказки первых*, то есть иудеев и христиан; и едининский (622-632), когда Мохаммед, спасаясь от расправы родичей-язычников, грозивших его убить, бежал в Йатриб-Медину, и именно с этого периода началось летосчисление *хиджры* – это аяты, главным образом, законоведческие.

Составители нарушили хронологию сур, качественно изменив структуру, а с нею и логику идей-предписаний Корана, дабы, очевидно, окончательно размежеваться с верованиями единобожия, преемственность которых составляла основу аятов мекканского периода: поздние «едининские» суры, составленные путём искусственного соединения разных по времени аятов, оказались в начале, а ранние, так называемые «поэтические», ушли в конец.

При новой композиции утвердились доминирующее в едининских сурах узкое толкование ислама как новой веры, вопреки широкому толкованию в мекканских аятах, когда арабское слово ислам как единобожие и муслим как монотеист включали в своё понимание иудея и христианина.

Интерпретаторы получили возможность искусственно сузить изначально расширительное представление ислама в мекканских аятах, когда Аллах и муслим выступали в контексте противостояния языческому многобожию. В Медине Мохаммед впервые соприкоснулся с иудеями и христианами, и Аллах уже предстаёт как Бог ислама, а муслим-араб – как единственный монотеист. То есть, актуализируется хронологическое размещение аятов в целях объективной интерпретации Корана.

Последующее отменяет предыдущее?

Стала господствовать концепция, действующая в ортодокальном исламе, что *последующее*, или «едининское», отменяет *предыдущее*, «мекканское». В поздние времена утвердилось противоположное: *предыдущее*, продиктованное небом, отменяет *последующее*, привязанное к земным потребностям времени. В Коране сказано: *Не отменяем Мы и не велим забыть ни один ниспосланный аят, если взамен ему не являем лучший или равнозначный* (2/106). Но лучший и равнозначный следует, думается, понимать не как *отменяющий*, ибо Бог априорно не может противоречить Самому Себе, а более чётко выраженный, уточняющий. Впрочем, обе концепции подвергают текст Бога недопустимой оценочной характеристике.

¹ Бернард Льюис. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М.: Олимп-Бизнес, 2003, с. 110.

Возникшая путаница привела к тому, что утверждилось суждение, будто Коран – не книга с единственным содержанием, а сумма отрывочных аятов, читаемых по случаю, в коранистике возникла *ситуативная концепция*, когда к каждому айату ищется *причина ниспослания*, привязка к обстоятельствам жизни пророка, что упростило, totally утилизировало Божественное Слово, всеобщему был придан частный, конкретный смысл.

Айаты, зачастую совершенно ясные, интерпретируются в духе навязанной Корану конфронтации, противопоставления его всему миру, что наблюдается при трактовке нижеследующего: *Ведомо лишь Богу, когда какой айат Мы заменяем другим! (16/101). Бог стирает, что желает, и утверждает. У Него – мать явленного прежде (13/39).*

Речь о книгах, ниспосланных людям *Писания, əhləl-Kitab*, иудеям и христианам (в Коране немало ссылок на *Таврат-Тору, Инджиль-Евангелие, Забур-Псалтиль*), айат вписан в контекст обращений к пророку, на коего возложена миссия повторения услышанного, с запрещением что-то стирать, умалчивать, дописывать. Кстати, *Kitab*, Книга по-арабски, *Писание*, употребляется в Коране в единственном числе, и все книги – части единой *Матери-Книги*, которая находится у престола Бога, людям явлена лишь её часть. Айаты истолкованы так, будто Бог... *стёр явленное прежде*, подлинники книг иудеев и христиан хранятся у престола Бога, бытующее на земле ложно, это всего лишь фальшивки, сочинённые людьми, в отличие от Корана, где Бог непосредственно говорит от Своего имени. Так родилась пагубная идея, что Коран отменяет книги и основанные на них иудейскую веру и христианство¹.

Джихад как теракт

Прямолинейность трактовок Божественного текста привела к сформулированной программе джихада, которая подменила апофеоз жизни апофеозом смерти, стала оправдывать и поощрять теракты, совершаемые, якобы, во имя Бога-Аллаха. Общеизвестно, но вынужден повторить, что в исламе – три вида джихада: *малый*, война оборонительная, если на тебя напали, посягают на жизнь твою и твоих близких. Тут война нужна, каждый вправе сражаться с захватчиком, жертвовать жизнью. Но – на поле битвы, с войском, а не с мирными, ни в чём не повинными людьми:

«*Вам повеление сражаться на пути Аллаха, но с теми, кто напал, чтобы сражаться с вами, но никогда не преступайте, – воистину Бог не любит тех, кто преступает! И убивайте, где встретите, изгоняйте их оттуда, откуда они вас изгнали, но соблазн – хуже убийства!» (2/190,191).*

Это – своего рода кодекс войны на все времена.

Средний джихад, джихад Пера, это мужество говорить правду верховному правителю, никого и ничего не страшась. Но наиважнейший – джихад *большой*, заявленный во всех верованиях мира: постоянная, ни на миг не прекращающаяся великая война в самом человеке между Божественным в нём и дьявольским в нём. Это то, что в мировой традиции принято обозначать как самосовершенствование.

С понятием джихад связано *шахидство*, самопожертвование во имя Божественной идеи. Шахид – мученик, но лишь тогда, когда он гибнет за справедливость, воюя против захватчика. Коран, выделю это особо, как и другие веры, не приемлет, осуждает самоубийство: *Самих себя не убивайте! (4/29).*

В Коране Бог многократно предостерегает, что *большинство истины не знает (16/101)*, что *мерзки деяния большинства (5/66)*, оно *неблагодарно (2/243)*, но об этом ныне с умыслом умалчивается в связи с новой трактовкой джихада, ориентацией именно на теракты.

Ты думаешь, что большинство способно слышать, разуметь? Они ничем не лучше стада, даже больше, чем оно, сбито с толку! (25/44).

Если последуешь совету большинства, то будешь сбит с пути Аллаха, ведь большинство следует предположениям всяким, догадки измышляет разные! (6/116).

Такое впечатление, что Богу предвиделись популистские заигрывания с массами, их то-

¹Один из лидеров мусульман современной России так и заявил, что «истинной религией» считает ислам, «а все остальные – отменёнными».

тальное зомбирование.

Исламу приписан и фатализм, питающий неотвратимость и неизбежность джихада, предопределённого Богом:

Мы ведь предопределили: о, как прекрасно предопределённое! (77/23).

Не утайся от Него ничто, хоть будь оно на вес пылинки малой, (34/3), и неоднократно подчёркивается, что ничто не случится, если Бог не пожелает, если на то не будет воли Бога (11/33, 34).

Но в Коране есть и уточняющие айаты:

Если б Бог стал наказывать людей за дела их неправедные, на земле не осталось бы ни единого живого существа. Но до предела, Им определённого, Он всем даёт отсрочку (16/61).

За всё дурное сам человек ответственен, более никто (4/79).

То есть в Коране заложена идея выбора и личной ответственности, что затушёвывается арабским языком, непонятным для мусульман-неарабов. Но об этом – чуть ниже.

Восстановление утраченных имён

Хронология потребовала деконструкции больших «стоайатных», как их называли, сур. Отсюда возникла проблема их количества, более того, стала ясна необходимость определить названия для отпочковавшихся сур.

Замечу, что все три издания сур Корана в порядке их явления исходили из канонического количества, но оставили нетронутыми большие семь сур, хотя Мохаммед не мог просто физически услышать и повторить их враз, «за один ракат», как изначально определялся процесс восприятия. Во 2-й, к примеру, суре Корова, искусственно, бессистемно объединены 285 аятов 9-ти разновременно ниспосланных сур. Подобное мы наблюдаем и с 3-й сурой Семейство Имрана, 4-й Женщины, 5-й Трапеза и так далее.

Выстраивается, таким образом, не канонические 114, а совсем другое число – 133 суры, и это цифровое различие бросает свет на существенное наблюдение: 114 делится на число 19, священное в единобожии, что отражено и в Библии (Нав. 19/38; 4 Цар. 25/8; Иер. 52/12; см. также 1 Пар. 24/16, 25/26), при делении получается 6, тогда как при количестве сур 133 – 7, что более всего соответствует цифровому полю Корана, в котором многократно присутствует эта цифра и ни разу – 6: семь путей небесных, семь повторяющихся (айаты сур Фатиха), семь притч о ранее явленных пророках, наказаний отвратившимся народам; семь ипостасей Бога: Живущий, Знающий, Желающий, Способный к действию, Видящий, Слышащий, Говорящий; людям дарованы семь благ: стать, речь, способность мыслить, мимика, жесты, письмо, владение ремёслами. В первой хронологической суре 19 аятов, во второй 57, что делится на 19; подобное, очевидно, просматривалось, высажу догадку, по всему тексту Корана и на каком-то этапе было утрачено.

Замечу, что в цифровом обозначении посланий Бога налицо следование Торе и древнему ивриту, в котором, как и в арабском, буква ещё и число. Более того, исторические события, запечатлённые Торой и её языком и цифровым обозначением несут предопределённость и доказывают неизбежность случившегося события. Этой трактовке числа как судьбы составители Корана старались следовать. И там, где это им не удавалось, видна рука человека, но не Бога.

Для того, чтобы оправдать вмешательство людей в композицию Корана, существует, по крайней мере, три объяснения: якобы, такая структура установлена Богом через Джабраила-Гавриила (это называется *tawqifiyy*), но если такая установка действительно была, то почему это не отражено в тексте Корана – вряд ли себе можно представить, чтобы посланец утаил ниспосланное ему Богом; второе оправдание, что, дескать, сам пророк желал подобного расположения, но и этого никак нельзя принять, ибо Мохаммед – не автор Корана и не вправе предлагать подобное; третье оправдание, что это результат дерзания (*ijtiad*) сподвижников, иначе говоря, признаётся, что это произвол составителей.

Хронология выявила существенные различия между восстановленным, так сказать, Ко-

раном и каноническим, высветив, впрочем, лишь частично логику ниспосланного, хотя, вне сомнения, тайна текста осталась неразгаданной даже в приближении: для этого требуется работа не одиночек, а деятельности большого коллектива лингвистов-арабистов, текстологов, философов, коранистов, специалистов по иудаике, библейстов, что сегодня неосуществимо – и не только по причине запрета вторгаться в структуру божественного текста. Мой опыт оказался в той же мере продуктивным, как и, признаюсь, половинчатым, следовательно – малоубедительным.

Названия сурат давал, как правило, Мухаммед – для облегчения, очевидно, запоминания. При этом, отражая с большей или меньшей точностью содержание сур, заглавия, как и предпосланная им формула *Бисмилла'*, не вошли в общее число аятов.

При изучении системы заголовков Корана вызвало недоумение отсутствие в нём, вопреки логике ниспосланного, трёх, по крайней мере, названий сур, которые диктовались, напрашивались содержанием аятов: сюжеты есть, а соответствующих им названий нет!

Особое сакральное место в Коране занимает сюжет, в котором повествуется о сражении в местечке *Бадр* малочисленного отряда Мухаммеда после его побега из Мекки в Йатриб-Медину над численно превосходящим его воинством сородичей-язычников, и победа Мухаммеда с последующим захватом Мекки символизировала окончательное утверждение единобожия в ареале Мекка-Медина. В Коране, по логике заглавий, непременно должна была быть сура *Бадр* (по хронологии она 107-я мединского этапа), но сюжет дан в 3-й мекканской суре, когда ни о какой битве речи быть не могло: очевидно, в условиях позднейшего обращения в ислам сородичей-мекканцев составителям не хотелось, не выгодно было напоминать об их позоре, выставляясь бывшими врагами Мухаммеда, и заголовок исчез.

В Коране, в связи с пророческими сюжетами, есть суры «Пророки», а также суры, носящие имена пророков *Нуха-Ноя*, *Ибрахима-Авраама*, *Йусифа-Иосифа*, *Йуниса-Ионы*, арабского пророка *Худа*, даже *Мухаммеда*, но вызывает полное недоумение отсутствие в названиях сур имён двух наиважнейших, основополагающих посланцев Бога: *Мусы-Моисея* и *Ильи-Иисуса*, и это при том, что в тексте наличествуют подробные рассказы о них. Решаюсь высказать догадку, что Коран собирался в пору конфронтации с иудеями и христианами, а потому эти названия, которые прежде наличествовали, были просто изъяты составителями: вот они, аяты *Иса-Иисус*, спрятанные в канонической суре 36-й *Йа Син*, в которых излагается в назидание мекканцам история в Антиохии, куда к язычникам прибыли ученики Иисуса – апостолы Варнава, Павел, Пётр, и говорили слово Божие, дабы отверзнуть дверь веры язычникам; а вот сура *Мусы-Моисей*, она 20-я, опять таки названная буквами арабского алфавита *Та Ха*.

Каково же было моё изумление, когда в книге богослова 15 века Джалаладдина ас-Суоти я нашёл подтверждение догадке, что сура «*Та-Ха*» имеет и название «*Муса*». Здесь же, со ссылкой на современника Мухаммеда, знатока Корана ал-Хазраджи, утверждается, что первоначально 38-я сура «*Сад*» (тоже буква арабского алфавита) называлась именем иудейского пророка *Давида-Дауда*, а 27-я «*Муравей*» называлась *Соломон-Сулейман*. Ушло название 98-й суры «Люди Писания», то есть иудеи и христиане¹.

Чей язык, арабский язык Корана: Бога или пророка Мухаммеда?

Бог, известно, ниссыпал аяты пророку тремя путями: Мухаммед, как правило, их слышал,² осваивал нутром, ибо, в отличие от рядовых людей, «обладал единственным в своём роде сердцем, способным вместить подобное откровение и высказать его на человеческом языке»,³ а то и видел текст, то есть в пророческой миссии участвовали его уши, душа и глаза.

¹ См.: ас-Суоти Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. Учение о своде Корана. Москва, изд. «Муравей», с. 48, 42, 44.

² Так, о явлении одной из первых сур Мухаммед рассказывает: «... Меня окликнули. Вперёд посмотрел, назад, направо, налево – никого! Ещё раз окликнули, оглянулся – никого! В третий раз, и вдруг вижу: ангел в воздухе! Меня охватила дрожь, поспешил к жене Хадидже: «Закутай меня!» Было услышано: «О, завернувшийся!»

³ Д.В. Щедровицкий. Сияющий Коран. Взгляд библейста. М.: Оклип, 2005, с. 31.

Примечателен и поучителен хадис о том, как явлены были первые айаты: *Джабраил-Гавриил развернул перед Мухаммадом ослепительно-яркий шелковый свиток и повелел: Читай! Воззови во имя Создателя!* (96/1).

В растерянности Мухаммад воскликнул: *Не могу это прочесть!*, что породило устойчивое суждение, что он был *неграмотным*, то есть не умел ни читать, ни писать, был как бы *чистым*, не обременённым никакими побочными или отвлекающими знаниями, почему и был избран Богом посланцем, рупором Его идей. Но замечу, что вряд ли *неграмотный* в таком толковании смог бы не только понять, но даже повторить и запомнить услышанное, а уж тем более сочинить, в чём его обвиняли, сложные айаты Корана с многообразием речевых фигур, интонаций, декламационных приёмов с инверсией, риторическими вопросами, стилистическими отступлениями и возвращениями, дистантными и контактными повторами (есть в каноническом Коране «повторяемые суры», следующие за «стойкими сурами»), ассоциативным сцеплением образов. И *не могу прочесть* имеет не столько земной, сколько *небесный* смысл, то есть неграмотный в истинной вере Единобожия, и в сей миг, под воздействием Духа святого прозревший как пророк, дабы выразить и воспроизвести увиденное повеление.

Немаловажно и принципиально заметить тут же, что арабское слово *Аллах*, как *Всевышний*, или в данном случае *Единый Бог*, появляется в коранических айатах не сразу, а много позже – в первых сурах Он *Создатель, Творец*, и это произошло из-за того, можно предположить, что в Каабе в языческие времена джахилии, или *невежества*, почтился мекканский идол по имени *Аллах*, и три его дочери-богини были жёнами Хубала, главного идола Каабы. Много позже, в мединский период, явился в Коране и связанный с именем *Аллаха* молитвенный айат верующих в ислам – *Бисмиллах الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*, или *Во имя Аллаха, Всемилостивого, Всемилосердного*, так и *шахада*-«*свидетельство*», или формула-пароль единства Бога и посланника – *Ла-Илла-Ильялла Мухаммад расуль алла*, то есть *Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Его*.

Эти основополагающие заслуги являются утверждением-констатацией бесспорного факта единобожия и отрицания языческого многобожия, и что Мухаммад поистине избран Богом в качестве пророка, и ничего иного не означают, не содержат утверждений, что Мухаммад – единственный истинный пророк, и что единственное имя Бога – *Аллах*.¹

На вопрос об арабском языке Корана в божественном тексте сказано:

И да услышится ниспосланное на родном (12/2);

Айаты услышаны на языке родном, который ведом (41/3);

Нашей волею содеяно, что в уразумение ниспосланное Нами слышится на родном языке (43/3), то есть Бог, избрав пророка из среды арабов, облегчил ему восприятие и повторение ниспосланного на арабском языке.

Но есть и другой ответ, с опорой на Писание (что подтверждается рассказом Мухаммеда о явлении первых айатов): язык Бога – это *знаки и символы*, и способностью расшифровывать их наделены лишь те, кто причислен Им к пророкам, и они, именно этим своим особым даром отличаясь от обычных смертных, как бы *переводят* язык Бога на свои родные языки, так что Коран озвучен Мухаммадом на арабском. Для Бога, очевидно, все языки, на которых говорят люди, созданные по Его образу и подобию, священны. Так что арабский – родной язык не Бога, а пророка Мухаммеда, и это не противоречит суждению, что каждый человек слышит Бога на родном языке, и Бог слышит каждого человека на его родном языке: *Как же мы... слышим нашими языками говорящих о великих делах Божиих?.. Это есть излиянное от Духа Его!*¹

Из вышеизложенного проистекает предположение, что в Коране все понятия-термины имена даны с учётом закономерностей арабского языка. Отсюда и арабское обозначение имени Всевышнего – *Аллах*, и арабское же обозначение единоверца как *муслим*, то есть предавшийся

¹ Аллах – арабское обозначение Единого Бога, поэтому следует, на мой взгляд, дабы не возникало для политиков от религии представления, что в исламе свой особый Бог, отличный от Единого Всевышнего, переводить Аллах как Бог, распространяя это правило и на Его посланцев, называть их так, как принято в языке, на который Коран переводится, к примеру, русский: не Нух, а Но́й, не Ибра́гим, а Авраа́м, не Му́са, а Моисе́й, не Иса, а Иисус и так далее. Иначе – поощрение конфронтационных концепций.

единому Богу.

Тем самым тезис: *Арабский язык Корана – язык Бога по-своему нашёл свое отражение в интерпретации Корана, породив ряд лингвистических ловушек, из чего родилось неукоснительное повеление всем называть Бога Аллахом, и что истинный муслым лишь тот, кто знает, читает и вершит молитву на арабском языке Бога*. Тем самым из мусульманства как бы выводятся те, кто не пользуется арабским языком, а подавляющее большинство верующих его не знает, не понимает смысла, механически вызубривает произносимое. То есть поощряется бездумное начётничество, а не проникновение в суть и смысл текста. Отсюда – лёгкость внушения, безговорочного принятия.

Не случайно возник и действовал многие века строжайший запрет переводить Коран на языки даже народов, принявших ислам – тюркские и фарси. Запрет, объяснимый, может, на каком-то этапе, пагубно отразился на распространении Корана, переводы способствовали бы углублению в дух и смысл Книги, тем самым ускорив процесс их постижения. Термины, имена и понятия арабского языка Корана, объявленного языком Бога, автоматически были перенесены на все другие языки мира, заменив бытующие в них обозначения и Бога, и единобожия, обособив, разделив и противопоставив муслимов друг другу. Явилось повеление исламских богословов, что отныне все верующие в единого Бога иудеи и христиане должны называть Бога не иначе, как Аллах, а себя – лишь мусульманами, и если они этому противятся, то тем самым зачисляют себя в ряды неверных.

Муслим, как сказано, монотеист по-арабски, и пророк Мохаммед в системе родного арабского языка услышал Бога, назвав единобожца *муслимом*, который, однако, на других языках называется иначе: *христианин, хачперест, иудей, мусави, исави* и так далее.

Были вызваны и другие односторонние интерпретации явленного, приведу из множества доказательств лишь два:

Воистину единый вы народ, и Я – ваш Бог Единый, поклоняйтесь Мне! Но разделились, раскололись! (21/92, 93).

Это комментируется как озабоченность Бога расколом лишь среди приверженцев ислама, в то время как, если следовать логике ниспосланного, Бог тревожится даже не о том, что расколились авраамические веры единобожия, а что разделились верования всего человечества.

А вот мекканские айаты, также интерпретируемые тенденциозно:

Быть может, от Нас защитят их боги, коим поклоняются? (язычники-мекканцы). Но эти боги даже не смогут самим себе помочь!.. Дали Мы им и праотцам их пользоваться благами земными, оттянули жизненный предел им. Но разве не узрят: Мы их земли суживаем, сокращая по краям, – нет, не достанется победа им!

 (21/43, 44).

То есть очевидно, что речь идёт о язычниках, и суживание их земель в контексте победы над ними – всего лишь метафора, что пространство язычества на земле будет уменьшаться. Но договаривается за Бога, что Он предсказывает конечную победу на земле не вообще единобожию, а именно исламу, сужено трактуемому, и, если это угодно Богу, то процесс расширения мирового пространства ислама, противостоящего всем *неверным*, можно действительно ускорить, приблизить, отсюда – оправдание экспансии, агрессии и насилия, начисто отбрасывающее многократно заявляемое в Коране, что *Нет принуждения в вере!* (2/256); что *невозможно принуждением заставить людей уверовать* (10/99).

Редко или лишь в привязке к узко понимаемому исламу вспоминается и основополагающий призыв, обращённый к монотеистам опережать друг друга в совершении благих дел:

Всякому из вас Мы устроили дорогу веры, праведный дав путь. Если б захотел Бог, сделал бы вас народом Он единственным, чтобы испытать на верность вас всему тому, что даровал Он вам. Страйтесь же опередить друг друга в праведных делаах. К Богу – конечный ваш возврат, и сообщит Он вам, в чём разногласили! (5/48).

Существенно при этом отметить, что мысли эти даются в контексте сотворения мира, когда ещё и речи не было о верованиях: *Во испытание вас создал, дабы состязаться вы могли в деяниях добрых* (11/7).

Порождённый композицией разрыв в понимании ислама и муслима явился в позднейшие времена основанием для отрицания целостного характера всего Корана, при котором ис-

тинно Божественными признаются лишь мекканские айаты, а мединские объявляются спорными, ибо в них, якобы, заметны следы вмешательства людей.¹

Однако и при сочетании широкого и узкого смыслов в понятиях Аллах и муслим, целостность Корана, как и связь между книгами единобожия не нарушается, сохраняется:

Не препирайтесь, – читаем в мединских айатах, – с людьми Писания не иначе, как им доводы разумные являя, не оспаривайте тех из них, которые неправедны [упрямы]. Скажите им: Уверовали мы в то, что нам ниспослано, но и в то, что было прежде вам ниспослано! И наш Бог, и ваш Бог – Бог один и тот же, предаёмся мы Ему! (29/46,47).

Коран сюжетно, по темам, заповедям, ипостасям Бога непосредственно связан с книгами иудаизма и христианства, без них его не понять и, за малыми несущественными исключениями, он не противоречит им, отличия, главным образом, стилистические.

Повествовательная инаковость Корана связана с тем, что Мохаммед постигал Бога точнее, иначе – Бог облегчал ему постижение явленного в способах выражений, основанных на традициях высокоразвитого арабского языка, богатого образностью, метафорическими фигурами. Особенность Корана в том, что он не повторяет сказанное ранее, а как бы возвращает к нему единственной фразой или системой взаимосвязанных айатов. При этом кажущиеся повторы варьируют прежде явленное, призваны оттенить грани заповедей, запретов и разрешений.

Специфичность повествовательного дискурса Корана позволяет усилить эмоциональное его воздействие, чему также служит многообразие интонаций, речевых фигур, инверсий, приёмов декламации с риторическими вопросами, наличие форм описательной, воскликающей, эмоционально-восторженной, недоумевающей, вопрошающей, утверждающей. Известное прежде поэтически дополняется и повторяется, а также внедряется в человека экспрессивно, порой дидактически, обращение звучит как угроза, чтобы уразумели кару, ждущую не верующих в знамения, осознали всемогущество Бога, укрепились в вере. Важно отметить, что сотворённое вызывает у Бога эмоциональное удовлетворение.

И увидел Бог, что это хорошо! сродни в Коране Его восхищению сотворённым, выражено экспрессивно: Да восхитимся луной! Ночью уходящей! (74/33-35); движущимися, текущими и скрывающимися, и ночью, когда темнеет, восхитимся, и зарёй, когда лишь задышала! (81/15-18). Узри, как славит Бога всяк на земле и небе, даже птицы, стаями летающие! И каждому своя молитва ведома, знает свой язык, которым славит Бога! (24/41) и так далее. Замечу, что метафора достоверности в Коране уксими переводится буквально клянусь, хотя клясться чем-то и кем-то – удел язычников (клянусь сохранилось, очевидно, в силу приверженности Мохаммеда к традициям бедуинской поэзии).

В Торе: *Не приноси клятву именем Господа!*

В Евангелии: *Я говорю вам: не клянитесь вовсе ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землёй, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным (Мф., 5/33-36).*

В Коране: *Не клянитесь именем Бога! или иначе: Не превращайте имя Бога в предмет ваших клятв! (2/224).²*

Содержательное единство и стилевое различие текстов Писания можно, в частности, проследить на сюжетах создания Им человека, кому осветил Он познание прежде неведомого (96/5), породил в прекраснейшем сложении (95/4). Не Мы ли пред ним воздвигли две высоты [добра и зла]? (90/10). И даровали сон в отдохновение, Ночь покровом содеяли! (78/9-10), а также семи дней творения, но без чёткого и системного их перечисления, как в иудейском Пятикнижии: Коран не повторяет, а напоминает явленное прежде, указав, однако, что Бог сотворил за шесть дней, а потом на Троне утвердился (32/4); и пропитание равно для всех

¹ См. Самир Алескеров. «Великий пардокс, или два почерка в Коране». М.: «Квазар», 2005, 496 с.

² А.С. Пушкин в «Подражаниях Корану», изумлённый, что Бог клянётся четой и нечетой, называет клятвы странным риторическим оборотом, особенно – клятву копытами кобылиц. В Коране этого нет, было, очевидно, в русском переводе М. Верёвкина (1790) с французского перевода дю Рие, которым поэт, очевидно, пользовался при вольном переводе фрагментов тридцати трёх сур Корана.

нуждающихся и просящих, принял потом за небо, установил на небе семь рядов...И раз-
украсил Он ближайшее из них светильниками – чтоб небо охраняли (41/9-12), звёзды сотворил,
чтоб во тьме ночи на путях морских, земных дорогах не заплутали (6/42); сотворение ваших
языков, различие, разнообразие цветов, дал сон в пору ночную, а днём – поиск милостей Бо-
жиих, молнию являет вам в устрашение, но и надежду, ниспосыпает с неба воду, оживляя ею
землю после её смерти, и держатся по повелению Его и небо и земля. Он Тот, Кто, сотворив пер-
вичное, его воссоздаёт (30/22-27).

Познавательно заметить, что в Коране дни недели конкретно не названы, с первого по
день шестой, и особенно седьмой, или шабат у иудеев; у христиан шабат-суббота предшествует
воскресенью, утратив характер завершающего дня творения, ибо идёт иной отсчет недели, от
воскресения. У мусульман, при том, что тоже есть обозначение шабата-шанба и сохранились как
пережитки иудейского календаря лишь элементы отсчёта дней недели в связи с шабатом, к
примеру, среда-чаршанба у персов, или День четвёртый после шабата, а у турок – паршамба,
т.е. День пятый после шабата. Но главный день – пятница-джума, четверг при этом называется
Вечер перед джумой, а суббота – День после джума. Впрочем, различия в обозначении главного
дня, хоть и принципиальные, но – ритуальные и не могущие быть источником или причиной кон-
фронтаций.

Почему был явлен Коран, или каков его концептуальный объём?

Первая идея: *Скажи: Он, Бог, един!* (112/1), и это многократно повторяется, призван-
ная включить в единобожие новый обширный ареал язычников-арабов, многоплеменную,
частью кочевую, частью оседлую, семитскую ветвь, восходящую к Измаилу-Исмаилу, сыну
Авраама-Ибрагима от Агарь-Хаджар, и одно из первоначальных названий тех, кто объединён
в единобожии, – агаряне, покончить, внедрив единобожие, с их раздробленностью, внутрен-
ними расприями.

Дивится, что явился к ним (мекканцам) увещеватель из них самих. Молвили неверные:
Ну да, колдует он, обманывает нас! Множество богов возжаждал обратить в единственного
Бога, – вот удивительное чародейство! И удалились, говоря своим: Храните верность к боже-
ствам!. Услышанное чуждо нашей вере! (38/4-7).

Ты, кажется, готов себя убить от горя, что никак не удаётся убедить их [мекканцев]... Не
веди с ними пустые споры, а молви то, что в откровениях тебе ниспослано (18/6).

Вторая идея: Коран встроен в ряд прежде ниспосланных Богом книг иудаизма и хри-
стианства.

Писание Моисею Мы дали, о Нашей встрече с ним ни на миг не будь в сомнении! И Книгу,
данную Моисею, мы руководством сделали для всех сынов Израила (32/23).

Скажи: О вы, неверные (в вышеназванных контекстах это, естественно, не иудеи и хри-
стиане)! Не стану поклоняться я тому, почему вы поклоняетесь! У вас – вера своя (многобожие),
а у меня – вера моя (единобожие)! (35/1-6).

Моисею был Нами путь прямой указан, сынам Израила в наследство дали Мы Писание,
чтоб руководствовались им (40/53).

Сынов Израила спасли Мы от рабства Фараона... Избранны Нами, возвышенные знаниями
над народами другими... явили Наши им знамения... (44/30-33).

Сынам Израила Мы дали Книгу, мудрость, дар пророчества, их наделили благами, и над
мирами их превознесли (45/16).

Воистину, ниспосланное [Коран] – Писание! (26/192, 196).

О том начертано в свитках первых – Ибрагима и Мусы (87/18, 19).

То есть, утверждается концептуальное единство Книг иудаизма, христианства и ислама,
Коран обретает всеобщий смысл, а не закрепляется за одной лишь ветвью единобожия, про-
тивостоя другим.

Третья идея: Бог разъясняет пророку, и первостепенное значение при этом обретают
айаты, очевидно, по логике, одни из первых, которые, однако, хаотично разбросаны по всему

тексту: *То, что Мы тебе явили, – истинно и подтверждает истинность того, что прежде являли* (35/31).

Ниспоспал Бог тебе Истину, чтоб истинность того, что прежде до тебя было ниспослано Им, подтвердить. Ведомо тебе, что ранее Им были явлены Таврат (Тора) и Инджиль (Евангелие) (3/3).

И эта Книга, что тебе Мы ниспослали, на пророчество благословив, подтверждает истинность ниспосланного ранее (6/92).

Четвертую идею, очевидно, могла бы составить вытекающая естественно из третьей, о чём было выше, что *Мы ниспослали Писание, чтобы истинность прежде явленного подтвердить*, и тут же добавляется нечто существенное и полное тайн, никогда ни до, ни после уже ни разу это не повторяется как причина ниспослания Корана: *и для охраны* (5/48).

Два важнейших взаимосвязанных утверждения: Коран явлен для подтверждения истинности прежде явленного; Коран явлен для охраны.

Но что это – охрана?

Охранять, подтвердив истинность, книги иудаизма и христианства? Такая великая миссия по хранению, охране, сохранению Писания? Торы, Евангелия, Псалтиря?

Вот как звучит примечательный аят в популярных переводах Корана (внедрено при этом, что текст Бога непереводим, и предложенное – переводы лишь смыслов, то есть подстрочки):

Игнатий Крачковский: Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из Писания, и для охранения его (или, как в одном из ранних переводов Корана, выполненных Гордием Саблуковым: и охраняющее оное).

Валерия Порохова: Мы Книгу в истине тебе послали для подтверждения того, что прежде из Писания пришло, для охранения его. Тут же добавлено в скобках как бы уточняющее с опорой на ранние, очевидно, интерпретации, т.е. для охранения от всяких искажений – уровень охраны понижен.

Эльмир Кулиев: Мы ниспослали тебе Писание с истиной в подтверждение прежних Писаний (во множественном числе, что противоречит тексту Корана, исчезает понятие целостности всего Писания, он всегда в единственном числе) *и для того, чтобы оно предохраняло их – опять-таки Писание дробится, но дело не в этом: в скобках даются пояснения, что под охраной имеется в виду, чтобы Коран как новое Писание свидетельствовало о них или возвысились над ними, то есть устанавливается иерархия Писаний, Бог как бы ставит Коран выше явленных прежде писаний, что противоречит духу и букве ниспосланного, является, хоть и распространённым, но – домыслом.*

А вот признанный учёными перевод Магомед-Нури Османова: *Ниспослали Мы тебе Писание это как Истину для подтверждения того, что прежде было (сказано) в Писаниях чтобы предохранить их (добавлено: от искажений, и в примечании уточнено, что имеются в виду искажения того, что было сказано в Библии), при этом излагается общепринятая в коранической традиции интерпретация, согласно которой иудеи и христиане исказили Тору и Евангелие, и Коран был ниспослан для восстановления и увековечения первоначального смысла Священного Писания. Интерполяция по Байдави ,т.е. отсыл к знаменитому средневековому иранскому богослову 13 века, чьи интерпретации канонизированы по сию пору).*

Так что же всё-таки имеется в виду под неразгаданным словом охрана?

В Коране, утверждают богословы, есть два рода аятов: очевидные, то есть понимаемые каждым, каким бы невежественным он ни был, они могут быть истолкованы арабом на родном языке, а также учёным-богословом, и неочевидные – аяты или отдельные слова, смысл которых ведом лишь Богу. Аят с охраной, таким образом, если отталкиваться от противоречий в вышеприведенных интерполяциях, по всей вероятности, относится к неочевидным, и можно строить догадки, к примеру, что новообращенным в единобожие поручена охрана явленного Корана; или Коран, как завершающее Послание, призван оберегать, защищать, хранить книги иудеев и христиан, явленные Им прежде.

Первое – само собой разумеется, иначе и быть не может; но ближе к истине, думается, второе, хотя оно никак не согласуется с навязанной Корану интерпретацией, что он отменяет

все прежние книги, а потому резонен вопрос: как можно охранять то, что как бы отменено самим Кораном?

Лишний раз доказывается важность видеть в тексте Корана то, что в нём есть, следуя при этом приоритету намерений: вписать ли Коран, в духе его идей, в состав Писания или противопоставить Писанию, придерживаясь интерпретаций, идущих от прошлого и конфронтационных в своей основе.

«Ветхий завет + Новый завет + Третий завет»?

Отрадно, что духовные иерархи трех ветвей авраамических религий стали говорить о едином источнике Божественных Текстов. Глава Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин озвучил идею, что Коран представляется ему Третьим Заветом, а представитель Федерации еврейских общин России Борух Горин заметил важность понимания мусульманами истоков ислама, «которые находятся в вере Авраама», что «для иудея Ветхий Завет – совсем не ветхий, а единственный и вечно действующий завет», что «для христианина в понятии Нового Завета заложена мысль о том, что он был дан, чтобы дополнить прежний», и что люди, не принимающие Нового, в представлении христиан, Завета, не до конца понимают и Ветхий, – всего лишь обмен любезностями, или, как заметил с публицистической запальчивостью глава Совета муфтиев России, «к сожалению, пока со стороны христиан и представителей иудаизма размышление по этому поводу нет. Христиане, возможно, пока недопонимают смысл моих слов».

Сопротивление идеи «Коран – Третий завет» не беспочвенно: прежде следовало бы во имя установления первичного согласия осмыслить результаты искажения буквы и духа Корана, на базе которого творится именем ислама террор. Есть, помимо всего прочего, и иные причины, мешающие тому, чтобы представить под одной обложкой, пусть и виртуальной, три книги единобожия. Даже сама Библия – книга христиан, и она не принята иудеями¹, которые лишь ныне согласились признать Иисуса пророком, но не считают мессией. Однако немало случаев крещения евреев, есть движение «Евреи за Христа», наблюдаются переходы православных и католиков в ислам, а т.н. восточных людей в бывшем СССР, причисляемых к представителям ислама – в христианство и иудейскую веру.

Не могу при этом не заметить, что методология, применённая христианами при соединении книг иудаизма и христианства в Библии, вполне могла быть пригодна и в случае Библия + Коран. В поисках следов Христа в книгах иудаизма христиане, как и исламские богословы, озабоченные поиском следов Мохаммеда, ссылаются на одно и то же – пророчество Моисея, что Бог воздвигнет «пророка из среды братьев их, такого, как ты, и вложу слова Мои в уста его, и он будет говорить им всё, что Я повелю ему; А кто не послушает слов Моих, которые пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу» (Втор. 18, 18-19).²

Камень преткновения, или Примирающая фигура?

Трактовка образа Иисуса в Коране, в целом, соответствует христианской, хотя при этом наличествует парадокс: Иисус, высочайший образ, но верующие в него считаются, по надуманной интерпретации Корана, неверными; то же с Моисеем, наиглавнейшим в Коране образом – верующие в него иудеи причислены по той же причине к неверным.

В Коране часто встречается слово, применяемое только к Иисусу: *Спаситель, то есть Месих*, арабский вариант иудейского *Мashiах*, в русском варианте – *Мессия*. Иудеи утверждают, что Спаситель в мир ещё не явился, а мусульмане приход Иисуса признают, коль скоро назван в Коране Месихом.

¹ В этом контексте употребление словосочетания «бibleйские сюжеты», внедрённого, в сущности, христианами, по крайней мере некорректно, антиисторично: сюжеты, в основном, иудейские.

² См.: Д. Б. Кельдани. «Мухаммед в Библии» (не указаны город и изд-во, перевод с англ., 1999). Автор – бывший католический священник, который принял ислам, а также новое имя Абдул-Ахад Дауд; Д. В. Щедровицкий. «Сияющий Коран». М.: Оклик. 2005, с. 48 и далее.

Но что вкладывается в понятие Мashiах-Месих-Мессия в Коране? Увы, ясного и чёткого ответа он не дает, как не объясняет, почему лишь к Иисусу применяется понятие Месих. Иудеи – в ожидании Мессии (это отдельная тема и требует особого рассмотрения), для христиан Мессия явлен в лице Иисуса, а мусульмане, называя Иисуса Месихом, исходят из представления о Христе, совпадающего с трактовкой христиан. И не случайно мусульмане приравнивают Даддакала к Антихристу, которого трактуют в его духе, то есть « тот, кто против Мессии ». В одном из хадисов Мухаммед даже утверждает, что победить Даддакала не смогут ни Авраам, ни Моисей, ни даже он, Мухаммед, – это под силу лишь Иисусу.

Единственное в Коране женское имя – Марьям-Мария, о ней прямо или косвенно говорится 33 раза (не скрыт ли в цифре возраст Иисуса?), признаётся факт *непорочного зачатия* (4/156) и *необычность* рождения Иисуса. Более того, здесь не раз встречается упоминание его имени в единстве с именем Марьям, его родившей: *Иса ибн Марьям*, или *Иисус сын Марии*. То есть женское имя употреблено как отчество, вместо мужского, что totally по всякой традиции не принято, это уникально и не встречается нигде. В исламе, правда, существует трактовка, почему женское имя в таком качестве употреблено, и она столь наивна, что не заслуживает сколь-нибудь серьёзного обсуждения: мол, в исламе так велико уважительное отношение к женщине, что её имя употреблено как отчество.

Воистину Иисус для Бога сродни Адаму, из праха созданному... Бог молвил: «Будь!» – и стал он (3/59). Это трактуется как опровержение христианского догмата о Божественной природе Иисуса: мол, подобно Адаму, возникшему без отца и матери, лишь по повелению: «Будь!», так же, на сей раз без отца, сотворён был Иисус.

Представляется, однако, что уподобление в Коране Адаму именно Иисуса и никого другого, предполагает, очевидно, что лишь они оба имеют отличное от всех иных людей рождение – в «первого Адама» вдунут Его дух, а «второй Адам» рождён посредством Духа Его, и это – в плюс к тому, что в Коране неоднократно говорится: *Мессия Иисус сын Марии, посланник Бога, Слово Его, Дух Его, чем одарил Он Марию* (4/171). Не отсылает ли это к ранее явленному Завету, где Иисус назван «вторым Адамом» (1 Кор. 15: 47, 49)?

В Коране говорится, и это впрямую соотносится с христианским учением о Троице: *Веруйте в Бога и Его посланников, но не говорите: «Три»* (4/171); кстати, в некоторых переводах Корана на русский «Три» передаётся как «Троица». То есть, не говорите «Три Бога». Богословы ислама, оспаривая понятие христианской Троицы, с уважением причисляют Иисуса к посланцам Бога, сводят, однако, понятие Троицы на бытовой уровень семьи (отец, мать, дитя), разрушая сам тринитарный принцип, сложный и многозначный. Подобное спрямление даёт обыденно мыслящим вполне оправданный повод обвинить христиан в многобожии. Три лика Единого Бога фактически подменяются тремя богами, отсюда – прямая дорога к многобожию и «языческой» Троице. Хотелось бы попутно заметить, что на иврите «лик» (*panim*) – множественного числа, и уже одно это позволяет на языковом уровне разглядеть будущее учение о Троице. Да, в Коране отрицается понятие Троицы, если следовать обыденной, общепринятой трактовке «святого семейства»: Бог-отец + Иисус-сын + Мария как жена, но не отрицается, если понимать Троицу не в языческом контексте, а метафорически: Единство Бога в трёх ипостасях, при котором Иисус – не «сын» в языческом понимании, а Слово, Которым Бог говорит о Себе, избравшем впоследствии Мухаммеда тем, кто несёт людям новое Его Слово.

Опять-таки: если рассматривать суры хронологически, то ясно, что айаты эти явлены на этапе борьбы с идолами, с их жёнами, детьми-дочерьми; не случайно в Коране не раз говорится, что Бог не может иметь детей, и упоминаются дочери одного из идолов. Впрочем, вопрос о Троице непрост, является по сей день предметом споров и между христианами, требует глубокого научно-богословского осмысления, и прямолинейное объяснение здесь неприемлемо. Я лишь призываю к отказу от категоричности в суждениях, когда толкователи, интерпретируя Божественный текст, в том числе Коран, зачастую упрощают его, договаривая за Бога, и тем самым лишают Его идеи великой Тайны.

Завершение как Начало

Из письма, полученного мной:

– Ты пишешь в своём ф/б: «Снова ракеты арабов летят в Израиль из бункеров-туннелей, и минные обстрелы ведутся из установок, сооружённых под мечетями, школами, больницами, жилыми домами». Не кажется ли тебе, что разумнее видеть это не как войну арабов с евреями, а как столкновение разных политических позиций и интересов в регионе, как и в случае с Холокостом следует не сводить его к войне немцев против евреев, а исследовать в аспекте гражданской войны внутри разных европейских стран?

– Нет, не кажется: уничтожение Израиля и евреев – официальная концепция предводителей арабов, подстрекаемых «сообществами» арабских и неарабских государств, с которой они выступают с высоких трибуn на протяжении жизни трёх поколений. А что до «исследований» по Холокосту, то они нужны при непременном условии чёткого отношения к «печам», к «геноциду», изрядно ныне девальвированному, думаю, сознательно: столько их вдруг объявились, чтобы, очевидно, утопить единственно истинный!.. А теория «гражданской войны» – способ «научно» дезавуировать «печи». Сегодня массовый террор на почве искажений буквы и духа Корана, оправданный, может, в средневековье с «разящим мечом ислама», инквизицией, гонениями на евреев, нетерпим.

– Ты даже утверждаешь, что Бог наказывает арабов за их вероломство!

– Более того: террористы оскорбляют Аллаха, прикрываясь Его именем, искажая явленный Им Коран!

– А новые формы «крестовых походов», вполне применимые к западным карикатурам на Мухаммеда?

– Удивлю тебя: карикатуры были по искажённому фанатиками исламу! Мухаммед, изображенённый с бомбой в голове, был по террористам: именно они её вложили в его голову! Корану чужд террор! Или Мухаммед, который раскинул руки у врат рая и говорит длинной очереди из черных точечек террористов-самоубийц: «Нет вам в рай дороги, ваша дорога в геенну огненную, в ад, ибо запретно в Коране убиение живой души!..» Понимаю, что искоренение террора путём просвещения – сизифов труд. А главное, мир молчит! В страхе заигрывает с агрессией черни! Капитулирует перед разрушительным порывом фанатиков. Не свидетельство ли это кризиса современной демократии? Или оживает дух многовекового антисемитизма?

– Не обобщай отдельные его проявления!

– Примечательна формула Черчилля, объясняющая отсутствие в Англии, как ему представлялось, антисемитизма: «Англичане не считают себя глупее евреев».

– Но акты сожжений Корана!

– Да, есть дикость, тут я с тобой полностью согласен.

Баку – Москва – Иерусалим

5775-й еврейский год

2014-й Р.Х.

1435 хиджры

НИКОЛАЙ ПОРОХОВНИК

КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

Рассказ

«Великий человек – бедствие для общества»

Китайское изречение

Часы на перроне этой станции, круглые, с римским циферблатом, в чугунном обрамлении, стоят уже много лет. Другие часы в зале ожидания, в узком длинном шкафчике со стеклянной дверцей, также много лет показывают одно и то же время, шесть часов пять минут. Когда-то, на исходе тусклой осенней ночи, он здесь умер, и остановилось его время.

Сам зал ожидания маленький, как на всех подобных станциях, обычно пролетающих мимо окон торопливых поездов. На стенах висят две картины. Одна – его портрет, а на другой – он за плугом, причем, – хотя это и репродукция картины Ильи Репина «Пахарь», – здесь она кажется аляповатой. В свое время во многих кабинетах и гостиных висела эта картина, более известная как «Пашущий Толстой».

Он пахал всю жизнь, но поле было нескончаемым...

Оказался я в этих местах в конце зимы. Как только мы с моим спутником выехали на машине из областного центра, перед нами сразу открылись белые поля под чистым до синего блеска небом. Дорога радостно устремилась к далекому горизонту. Земля здесь, впрочем, не ровная, поэтому горизонт впереди то близко поднимался над нами, когда мы спускались вниз, то уходил в даль, когда мы высакивали наверх. В эту пору избы на дальних косогорах казались сиротливо прильнувшими к земле под ликующим небесным пространством. Машина прытко неслась по асфальту, я смотрел в окно на безмолвные поля с почерневшими проталинами на взгорьях и чувствовал небольшое волнение. Словно я ехал к нему, к живому Толстому.

И вот появился указатель к станции, мы свернули с шоссе. Пейзаж вокруг был прежним, взгляду было просторно между небом и землей, но появилось ощущение, что край здесь не оживленный, и дорога сузилась, и машин стало меньше.

Почему он умер именно здесь, думал я, он – один из великих людей не только своего времени, но и тех времен, что придут, умер в этом тихом kraю, на незнакомой железной кровати начальника небольшой станции. Пусть бы даже не в Ясной Поляне, откуда ушел всего за несколько дней до этого, но на первой остановке своего пути в благословенной Оптино Пустыни, что как будто и готовилось ему свыше, или, в конце концов, в монастыре у сестры, где он остановился после Оптины, и где ему было так хорошо. Нет, он и там не задержался, чтобы уже на третьей, вынужденной остановке, остановиться навсегда. Да, он убегал от жены, которая стала невмоготу нервно подозрительной, беспокоясь, что он оставит без должного наследства детей, да и старость пришла, от которой тоже хочется куда-то деться, и еще не давало покоя совестливое чувство барской жизни среди бедных людей, и осознание неизбежной смерти («Пойду куда-нибудь, чтоб никто не мешал», – даже в бреду повторял он, желая умереть, как это

делают животные или птицы: в глухом месте), – но это все же явные причины, думал я. Тут, мне казалось, должна быть какая-то невидимая причина, из того, другого мира. Мы ведь понимаем, иногда и чувствуем, что случайного ничего нет. Значит, в духовном мире тоже идет движение, касающееся каждого из нас и соединяющее нашу волю с высшей и, возможно, определяющее наш дальнейший путь. И я пытался словно заглянуть туда, за край, чтобы понять кончину Толстого именно здесь.

– Подъезжаем, – сказал мой спутник и, не отрываясь от руля, кивнул в сторону:
– А вот там станция.

Ее издали было видно. Рядом с ней над низкими домами возвышалась старая водонапорная башня. Такие башни уже почти везде посносили, но здесь все осталось, как было при нем: перрон, станция, эта округлая башня.

Дорога раздвоилась, мы повернули на железнодорожный переезд. Он был закрыт, мы стали ждать, когда перед нами медленно проедут два сцепленных тепловоза. Но тепловозы остановились точно на переезде и тоже чего-то стали ждать. Наконец, их расцепили, они медленно чуть разъехались и тут же остановились. А в просвете между ними показался гроб, который медленно несли несколько человек. Активен и подвижен был только один долговязый человек в темной железнодорожной шинели без головного убора, который руководил маневрами тепловозов. За гробом тянулась печальная процессия. Когда гроб приблизился, тепловозы дружно загудели. Но на переезд между этими тепловозами процессия не пошла, повернула в сторону. Видимо, где-то там было местное кладбище, и туда несли упокоившегося человека, чтобы зарыть в землю. И я невольно подумал, что из всех разнообразных тайн этого мира есть одна, которую хотелось бы узнать каждому человеку. И каждый узнает ее, но лишь тогда, когда наступает последняя минута жизни. Прежде срока узнать нельзя: где придется помирать и когда... Впрочем, нам не только будущее неизвестно, но мы и самих себя толком не знаем.

«Биограф знает писателя и описывает его! Да я сам не знаю себя, понятия не имею, – говорил Толстой. – Во всю длинную жизнь свою только изредка, изредка кое-что из меня виднелось мне».

Наконец шлагбаум подняли и, переваливаясь с боку на бок, мы медленно перебрались через разбитый переезд, покатили к станции. Водонапорная башня впереди нашей дороги укрупнялась, вырастая над домами. С ходу выскочили на площадь и машина, взвизгнув тормозами, остановилась.

Асфальтированной дорожкой мимо какого-то невзрачного забора мы пошли к станции. Сначала я увидел скверик, где был бюст Толстого и современные фонари, а потом уже все сразу: близкую водонапорную башню, здание станции, а рядом какой-то домик при станции, на который я бы не обратил внимания, если бы не мемориальная доска на нем. Я не предполагал, что это у самой железной дороги. Домик с палисадником, где летом, наверно, ярко цветут цветы.

Открыли калитку, подошли к крыльцу. Но я почему-то еще сомневался, что все случилось в этом доме, словно мы в гости к кому-то решили зайти. За дверью оказалась небольшая комнатенка, где мы надели музейные лапти, и уже оттуда вошли в другую комнату с одним окном. И сразу засуетилось прошлое время: тревожные пожелтевшие телеграммы на стенах, старые фотографии, вырезки из газет.

Мы переходили из одной небольшой комнаты в другую, называемые музеиными залами, и различные экспозиции, рассказы экскурсовода постепенно разворачивали прошлую жизнь и могучую природу в ней...

Сейчас даже представить трудно силу его влияния на всех и вся в то время, силу

его слова, мысли, и не только в России. Уже после первой мировой войны известный немецкий писатель Томас Манн даже так написал: «...и в дни, когда бушевала война, я часто думал о том, что она вряд ли посмела бы разразиться, если бы в четырнадцатом году глядели еще на мир зоркие и пронзительные серые глаза старца из Ясной Поляны».

«Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой, – записал в своем дневнике в 1901 году издатель и публицист А.С. Суворин. – Кто из них сильнее? Николай ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии».

Но эта сила настолько обоядоострая, что ее порой трудно обуздить внутри себя. Такую душу, наверно, враг рода человеческого обкладывает со всех сторон.

Обер-прокурор Синода Победоносцев писал еще Александру III в ноябре 1891 года: «Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных, извращенных понятий о вере, о Церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от Церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы...».

Каждое новое публицистическое произведение Толстого, каждая его новая статья или открытое письмо горячо обсуждались в обществе. А кто только не бывал в Ясной Поляне! Приезжали из острова Ява и Австралии, из Японии и Америки, включая кандидата в президенты США, приезжали политики, ученые, деятели культуры, крестьяне из близких и дальних мест...

Людям нужен великий человек. Читая его или слушая, каждый вместе с ним становится выше себя, в душе отзывается нечто подспудное, и радостное, что ты можешь понимать, сопереживать с ним. И как важно, когда великий человек чувствует ответственность перед миром, когда он нет-нет да «остужает» себя.

Каждое слово Толстого особенно жадно впитывали молодые люди, еще не устоявшиеся в мире, не обладавшие жизненной мудростью.

А Толстой метался внутри себя и вне себя. Ему было многое дано. Ему не давали покоя художественное и философское, не давали покоя люди внутри него, различные события, даже картины природы, не давала покоя многогранная жизнь, которая через него рвалась к воплощению в слове. В то же время он так хотел изменить общество, со всей своей страстью обрушиваясь то на государство, то на Церковь!

Он тряс Россию и, судя по дневникам, параллельно шла огромная внутренняя работа, где себя он тоже не щадил.

Еще в середине 80-х Толстой провидчески написал: «Рабочая революция с ужасом разрушений и убийств не только грозит нам, но мы на ней живем уже лет 30 и только пока, кое-как, разными хитростями на время отсрочиваем ее взрыв».

Но позднее, в годы работы над романом «Воскресение» он же скажет: «Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим: уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим».

22 января 1892 года в газете «Московские ведомости» была резкая статья против него: «Письма гр. Толстого... являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнuzzданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».

Позднее, в январе 1905 года, когда он, докапываясь до истины, в очередной раз изменил даже тон своих суждений, ему сказали, что «Московские ведомости» посчи-

тали, что он с позицией газеты теперь заодно. На что Толстой ответил: «Моя линия – кривая, и по пути она пересекает линию «Московских ведомостей», чтобы после пересечь линию крайне радикальных партий».

Кто мог выдержать, идя вслед за ним?! Единицы. Хотя пробовали многие. То же известное всем о прощении графа Толстого – это же сильнейший волевой акт.

Толстой в 33 года встречался в Брюсселе с известным социалистом Прудоном, который убеждал его, что собственность – это кража (*la propriété est vol*).

Но более всех на него повлиял Жан-Жак Руссо.

«Я прочел всего Руссо, все двадцать томов, включая «Музыкальный словарь». Я не только восхищался им; я боготворил его: в пятнадцать лет я носил на груди медальон с его портретом как образок». И еще: «Руссо и Евангелие – два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь. Руссо не стареет». Известно, что Толстой ходил по стопам Руссо у Женевского озера, проводил в жизнь педагогические взгляды,озвученные с идеями Руссо, но еще более по Руссо боролся за социальную и политическую справедливость.

Сын, Л.Л.Толстой, выступивший против отца со статьей «Отрицание или самосовершенствование», писал: «Как Руссо был подготовителем французской революции, так Толстой был зажигателем русской. Тот и другой были врагами существующих государственных и общественных организаций своего, да и всякого времени».

Толстой хотел революции, но революции нравственной.

«Ведь Левочка какой человек-то был! Совершенно замечательный! – говорила о нем его сестра Марья Николаевна. – А как интересно писал! А вот теперь, как засел за свои толкования Евангелий, сил никаких нет! Верно, всегда был в нем бес».

В марте 1855 года, когда ему было 27 лет, Толстой записал в дневнике: «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле».

Спустя сорок шесть лет, 24 февраля 1901 года, Толстой написал своей дочери: «Писать хочется одно: об отсутствии в нашем мире религии. От этого все ужасы нашей жизни».

И в тот же день в «Церковных ведомостях» было напечатано «Определение» Синода – с «посланием верным чадам православной греко-российской церкви о графе Льве Толстом».

В «Исповеди» Толстой признался, что «с 16-ти лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть». Он стал верить в самоусовершенствование, стремился стать лучше не перед собой или Богом, а перед другими людьми. «Из сближения с этими людьми я вынес новый порок – до болезненности развившуюся гордость и сумасшедшую уверенность в том, что я призван учить людей, сам не зная чему». Разум возобладал над детской верой. Тот же характер ума был и у толстовских героев, ищущих истину путем мысли. На «гордость мысли» как на большой грех указывала князю Андрею Болконскому княжна Марья.

Архимандрит Леонид (Кавелин) после долгой беседы с Толстым в 1879 г. в Троице-Сергиевой Лавре поделился своим впечатлением: «Заражен такою гордыней, какую я редко встречал. Боюсь – кончит нехорошо». Старец Иосиф после памятной для Толстого встречи сказал Марии Николаевне о брате, что «у него слишком гордый ум, и что, пока он не перестанет доверяться своему уму, он не вернется к Церкви».

«В наши дни, – говорилось в «Определении» Синода, – Божиим попущением явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей его матери, Церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный от Бога ему талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви».

Хотя Синод говорил об «отпадении» Толстого от церкви, это решение было воспринято современниками как «отлучение». Но Синод действовал осмотрительно, текст «анафемствования», без которого нельзя было провозгласить в церквях проклятия, не был составлен.

Что преследовал Синод и его обер-прокурор Победоносцев, понятно, после «Воскресения» уже не было возможности терпеть. Но что это была ошибка, Победоносцев понял, видимо, сразу. В августе того же 1901 года по настоянию родных и врачей Толстой отправился в Крым. Там он жил в Гаспре, в доме, к которому примыкала действующая домовая церковь. И когда зимой Толстой по болезни оказался в критическом состоянии, – в Англии даже вышла газета с некрологом, – Победоносцев, как пишет близкий к Толстому Беланже, отдал распоряжение местному духовенству, чтобы священник, по возможности, на смертном одре исповедал и причастил Толстого. Но главное, чтобы вышел и объявил всем, кто столпится у ворот, о покаянии перед смертью и возвращении Толстого в лоно православной церкви. Но как позднее в Астапово, так и в Крыму, даже некоторые члены семьи твердо стояли на страже, чтобы не допустить священника. Впрочем, могучая натура Толстого тогда победила болезнь.

Это решение Синода, – а это было и решение власти, так как обер-прокурор был государственным чиновником, не членом Синода, – способствовало глубокому расколу российского общества. Раскололись буквально и царствующая семья, и высшая аристократия, и поместное дворянство, и интеллигенция, и разночинские слои, и простой люд. Внутри многих людей поселилась душевная смута, которая не утихала со временем.

Даже через три года, в 1904 году, в предисловии издателя «Миссионерского обозрения» было отмечено, что послание Синода не «утишило», а возмутило умы: «Как известно, этот знаменательный акт Церкви разделил все мыслящее и читающее общество на два враждующих лагеря».

И эта вражда удобряла почву, на которой уже вызревала революция 1905 года, как начало распада великого государства.

Он не хотел этой революции, распада России, но распад его использовал.

В газете «Пролетарий» 11 сентября 1908 года выходит статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Мало кто знал тогда Ленина, и тот решил притянуть великого Толстого к своей безбожной революции. Статей будет несколько, в этой первой он напишет, что «толстовское непротивление злу» явилось «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании». Причем, в черновике сначала было слово «одной» (из причин), а потом заменено «серьезнейшей», дабы впредь революционерам неповадно было колебаться в применении насилия.

...И вот мы прошли несколько комнат и оказались у той, вход в которую перегораживала ленточка.

Простая железная кровать у стены, рядом столик с медикаментами, сбоку ширма, легкое кресло, диван.

Путь из Ясной Поляны к этой кровати длился четыре дня. Четыре дня...

Они поспешили выехать ночью 28 октября 1910 года.

Вечером прибыли в Оптину Пустынь. Утром 29 октября Толстой пошел к скиту. И хотя старец Иосиф был болен, но когда ему доложили, что здесь Толстой, он сказал: «Если придет, примем его с лаской и почтением и радостно, хоть он и отлучен был, но раз сам пришел, никто ведь его не заставлял, иначе нам нельзя». Потом послали келейника посмотреть за ограду. Тот увидел Льва Николаевича и доложил старцам, что он возле скита близко ходит, то подойдет, то отойдет. Старец Иосиф сказал: «Трудно ему. Он ведь к нам за живой водой приехал. Иди, пригласи его, если к нам приехал». Но келейник опоздал, Толстой не смог себя пересилить, ушел. Гордыня сопротивлялась, не позволяла ему произвести операцию над собственной душой: вытащить ее, эту занозу.

Днем уехали в монастырь к сестре, в Шамордино. У сестры он попросил «Круг чтения». 30-го искал избу в Шамордине для жилья, в версте от монастыря.

Во время этой последней встречи со своей сестрой-монахиней на ее вопрос, почему он не побывал у старцев, Толстой ответил: «Да разве, ты думаешь, они меня примут? Ты не забудь, что истинно православные, крестясь, отходят от меня; ты забыла, что я отлучен, что я тот Толстой, о котором можно... да что, сестра!..» Этот разговор был записан со слов Марии Николаевны. По ее мнению, ответ Льва Николаевича ясно доказывал, что «он сознает свою ошибку в жизни». После продолжительной беседы с Марией Николаевной Толстой сказал ей: «Завтра я еду к отцам в Скит; по твоим словам я надеюсь, что они меня примут». И добавил, обращаясь к Д. П. Маковицкому: «Итак, доктор, завтра мы в Оптийной ночуем».

Однако пришла весть, что за ними отправляется в погоню Софья Андреевна. Но это была все та же видимая причина, которая гнала Толстого к чужой железной кровати. Суть в том, что гордыня еще крепко сидела внутри него, ведь он здесь хотел остаться при условии, что не надо будет ходить в церковь.

И снова 31 октября в 4 утра начали собираться на вокзал. В поезде совещались, куда ехать. Ему стало плохо. В 6ч.35 минут вечера приехали в Астапово. Начальник станции на просьбу принять его к себе сразу согласился.

«Сколько напрасных тяжелых ожиданий смерти и мрачных мыслей о ней пережил Лев Николаевич во всей своей долголетней жизни. Трудно перенестись в этот вечный страх смерти, и объяснить его можно только тем, что редко в ком приходится встретить такую силу и полноту жизни – физической и моральной, – какая переполняла все существо Льва Николаевича и которая инстинктивно не могла не ощущать предстоящее ей неизбежное разрушение» (С.А.Толстая, «Моя жизнь»).

...Он здесь умирал. В комнатах хлопотали родственники, близкие, врачи. Прибыл спецпоезд с семьей. Станция была переполнена, дежурили около 30 корреспондентов, пили, разговаривали и ждали. Он умирал.

И навечно застывал, отражаясь словами на бумаге, его огромный мир, где отныне уже ничего никогда не изменится...

Душан Петрович Маковицкий, домашний врач, секретарь и друг Толстого, записал: «7 ноября. Ночь. Л.Н. больше не говорил...

В 5.20 вошла Софья Андреевна, сидела в трех шагах от кровати, шепталаась с Усовым, который сидел слева от нее.

Между нею и кроватью стояли Никитин и я. Если бы Л.Н. очнулся и она хотела бы подойти, мы загородили бы ей путь. Побыла минут восемь, поцеловала темя Л.Н., потом ее увеличи. Присутствовали Сергей Львович, все дети. Елизавета Валерьяновна, доктора.

Потом пришли прощаться Буланже, Гольденвейзер, Сергеенко, В.Н.Философов, И.И. Озолин, его семья.

В 5.30 другая инъекция – 175 гр.NaCl в левое и правое бедро. Л.Н. реагировал на боль. Еще пускали Oxidon. Л.Н. дал знак, что не желает. Стал все труднее дышать и нижней челюстью работать. В 5.45 часто – 50 раз и чаще – поверхностно дышал. В 6.03 – остановка первая. Потом еще минуту дышал. В 6.04 остановка вторая. После минуты в 6.05 еще один вздох – последний. Смерть».

...Он за жизнь получил около 50 тысяч писем. Сам он написал ответов 8312, кроме того 3536 писем были написаны близкими ему людьми по его конспектам и указаниям. А сколько разных людей со всего мира стремились к нему, душевно общались! Мы знаем его великие романы, повести, рассказы, но его трактаты и статьи, в целом, это словно еще один своеобразный роман «Война и мир». Полное собрание сочинений составляет 90 томов, включая многолетний «Дневник», – никогда, видимо, и уже никем не пре-взойденное повествование о долгом пути человека внутрь себя, к душе.

Известно 10 вариантов начала «Казаков», 15 – начала «Войны и мира», десять – «Анны Карениной», одиннадцать «Воскресения», 33 варианта незавершенного романа из истории Петра... «Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, как бы ее не испортить, не захватить дурным началом», – писал он.

Изначальную мысль, определившую его движение в этом мире, зародил в его душе старший одиннадцатилетний брат Николенька: «Так вот он-то, когда нам с братьями было – мне 5, Митеньке 6, Сереже 7, – объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезни, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все люди будут любить друг друга...». И «эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня».

«И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что в людях есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

...После констатации смерти доктор Маковицкий далее пишет: «Стали расходиться. Сыновья ушли из дома. Владимир Григорьевич, Сергеенко, Александра Львовна и Варвара Михайловна стали торопливо укладывать вещи, чтобы поспеть к поезду.

Софья Андреевна начала разыскивать и укладывать вещи Л.Н. Мы с Никитиным раздели и с помощью фельдшерицы обмыли мертвое тело Л.Н. и переложили на другую кровать. Я подвязал Л.Н.-чу бороду. Потом одели в холщовую рубашку, в нитяные чулки, суконные шаровары и в такую же темную блузу (ремень оставили)».

Тело похоронили там, где он завещал, в лесу Старый Заказ на краю оврага...

Царь Николай II записал в дневнике 8 мая 1918 года: «Читал 4-ю часть «Войны и мира», которую не знал раньше».

Он успел прочитать эту четвертую часть с эпилогом уже в Тобольске, нездолго до расстрела. Мог ли он что-либо изменить, предотвратить распад России? Возможно, некое утешение он получил, прочитав в эпилоге «Войны и мира»: «Только отрешившись от знания близкой понятной цели и признав, что конечная цель нам недоступна, мы увидим последовательность и целесообразность в жизни исторических лиц».

Еще ранее, в марте 1918-го, в день печальной годовщины отречения Николай II с горечью записал в дневнике: «Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде! Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема внутренними и внешними врагами? Кажется иногда, что дальше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!
Да будет воля Его святая!»

Но Толстой в эпилоге, завершив многолетний гигантский труд, – великий роман, который он писал так, что, казалось, если он остановится, то и мир рухнет, – Толстой сам себя спрашивает и пытается найти ответ, что же движет народами, считая, что «это старая привычка – видеть божественное участие в делах человеческих». (Помните? «Два царя у нас...» Извечное для России). Так что же? Власть, случай, гений, воля масс? Он рассматривает со всех сторон, пробует на зуб эти движущие силы истории, и приходит к закону о необходимости, а затем к законам «пространства, времени и причин, которым подчиняется личность, хотя трудно отказаться от непосредственного чувства независимости своей личности».

О, если бы в этом была суть надписи на зеленой палочке, суть тайны счастья людей, не утопические теории, не кровавые революции, не новые религии!

«Главное, почему я не боюсь, потому что то, что я написал, особенно в эпилоге, не выдумано мною, а выворочено с болью из утробы».

И вот в последние дни жизни, уже не в силах писать, он диктует дочери 31 октября для дневника: «Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве».

И.А.Бунин, начиная свою книгу «Освобождение Толстого» цитатой из «Поучений Будды»: «Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено», приводит тут же слова Толстого о том, что вся наша жизнь есть все большее и большее подчинение пространству, времени и причине и потом опять освобождение от них. «Астапово, – пишет Бунин, – завершение «освобождения», которым была вся его жизнь, невзирая на всю великую силу «подчинения».

Заканчивает Бунин книгу отрывком из письма к нему старого друга ялтинского доктора И.Н.Альтшуллера, который сидел один ночью возле тяжело больного Толстого в Крыму, в Гаспре. «Мы, врачи, тогда почти потеряли всякую надежду, и сам он, по-моему, убежден был в неизбежности конца. Он лежал и, казалось, был в полузыбтыи с очень высокой температурой, дышал очень поверхностью, – вспоминает Альтшуллер, – и вдруг слабым голосом, но отчетливо произнес: От Тебя пришел, к Тебе вернусь, прими меня, Господи, – произнес так, как всякий просто верующий человек».

Возвращались мы из Астапово уже на исходе дня. Сумерки...

Я ехал в машине и, размышляя, видел как себя самого, так и себя во времени и в пространстве, во времени зимних сумерек и в заснеженных пространствах полей по обе стороны дороги. Я был свободен и в то же время подчинен и времени, и пространству. Но насколько я могу быть свободен, если только являюсь проявлением Бога во времени и в пространстве?

И пытаясь соединить эти мысли Толстого, я неожиданно вспомнил встречу с настоятелем Оптиной Пустыни архимандритом Венедиктом. Он тогда с ходу задал, наверно, свой любимый вопрос, спросил, как вы считаете, Вселенная конечна или бесконечна? Бесконечна? Но кто это может утверждать, кто добирался до бесконечности?.. Конечна? Опять-таки, кто видел эту границу? А что за границей?..

Я молча смотрел на настоятеля и в то же время за окном его небольшого дома видел жизнь Оптиной. «Вселенная создана Богом, – продолжил архимандрит, – но границы у творения есть. Они в Слове. «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог». А еще сказано: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец...».

И я понял, почему мне это сейчас вспомнилось. И мы, и время, и пространство имеют начало и конец. Они в Создателе всего. А Бог непостижим. Толстой же пытался

Его постичь всю жизнь. Мощь Толстого подогревалась гордыней, он не верил до последнего часа, что не сможет постичь. Он, Толстой!

«6 ноября, – пишет Маковицкий. – Около 2-х ч. дня неожиданное возбуждение: сел на постель и громким голосом, внятно сказал присутствующим:

– Вот и конец!.. И ничего!»

Сколько же в этом «ничего» выражено! Какое отчаяние вырывается из него, потому что даже на смертном одре ему не открывается истина, ему, всю жизнь стремившемуся к познанию, ему, отвечавшему многим, учившему многих во всем мире.

…«Чтобы жизнь имела смысл, надо, чтобы цель ее выходила за пределы постижимого умом человеческим»…

Потом, когда доктора ушли, остались только дочери, Татьяна и Александра. И тут случилось, может быть, самое важное. Он им четко, осознанно сказал:

– Только одно советую вам помнить: на свете пропасть людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва.

И облегченно вздохнула душа. Заноза гордыни из нее вышла. Только теперь он был готов. И Господь словно ждал этого, чтобы его принять.

Это были практически последние осмыслиенные слова Толстого в нашем мире.

…Где теперь эта великая мятущаяся душа, душа Льва Толстого? Обрела ли покой, познав истину, или по-прежнему познает ее в неких иных мирах, иногда, возможно, чувствуя нас, наши бессмыслиенные войны, нашу бессмыслицу ненависть? А возможно, что ей хочется закричать, оглушая этот маленький, из Божьих далей, земной шар…

Руссо как-то сказал: «Я непригоден к жизни в гражданском обществе».

Великий человек всегда вне общества, он не стремится стать своим среди общества, зачастую идет наперекор многим, и в этом, наверно, его историческая роль. Великий человек – это не только беда для общества, не только.

В свои последние дни он читал «Круг чтения». В этой книге он собрал мудрые мысли многих писателей и расположил их на каждый день по различным темам.

Но как это объяснить (и надо ли объяснять?), что на день своей будущей кончины, 7 ноября, он в свое время расположил несколько мыслей о бессмертии? И завершается эта подборка словами самого Толстого:

«Мы неправильно ставим вопрос, когда спрашиваем, что будет после смерти? Говоря о будущем, мы говорим о времени, а умирая, мы уходим из времени».

АЛАДДИН ЯГУБОВ

У памятника Шаху Исмаилу

*Я ныне правитель любви!
Тоска и беда – вот визири мои.*

Хатай

**О чём задумался великий Исмаил,
За суетой мирскою наблюдая?..
В безмолвии на троне восседая,
Какие мысли в сердце затаил?**

**Какими думами окутано чело
Воителя, и шаха, и шаира?
Тебе принадлежала четверть мира,
Но сердце в мир прекрасного звало.**

**О чём задумался великий Севефи?
Холодным камнем на людей взирая,
Эфес меча ладонью прикрывая,
Не к бою ли зовешь строкой любви?..**

**Бесстрашный воин и создатель песен,
И грозный меч, и нежное перо...
Со злом, увы, соседствует добро.
Быть может, оттого ты так невесел?**

**Не оттого ли, что Страна Огней
Не может залечить кровавой раны?
Ты в думах о родном Азербайджане,
И меч готова сжать рука сильней.**

**Поэт и Шах. Поэт и Повелитель.
Разящий меч и нежная газель.
Стрелой и слогом поражавший цель,
Властитель мира, душ людских властитель.**

**Певец любви и царь в едином камне
Соединились под резцом умельца.
И сердце тюрка – пламенное сердце,
В нем биться никогда не перестанет.**

**О чём задумался великий Исмаил,
На мир взирая с каменного трона?..**

Если б...

**Если б кто-то сказал: будет в мае Победа –
Я бы в пекло не лез на рожон,
Я живым бы остался под Веною где-то,
И домой бы вернулся на Дон.**

**Если б кто-то сказал: будет в мае Победа –
Я б к окопам промерзлым прирос.
В блиндаже отлежался бы я до рассвета
И не встал бы под пулями в рост.**

**Если б кто-то сказал: будет в мае Победа –
Я бы, может, себя поберег,
И дождался бы теплого, мирного лета,
И к любимой вернуться бы смог.**

Все я вру!..

**Даже зная, что в мае – Победа,
Я пошел бы в атаку в метель.
Я погиб бы еще в феврале, до рассвета,
Знай, что будет победным апрель!..**

Если б кто-то сказал...

**Если знать бы мне только,
Что все дело таилось во мне –
В сорок первом году я б погиб от осколка,
Преграждая дорогу войне!..**

Лейтенант

**Тот, поймавший тебя на прицел,
Прикрываясь зеленою листвой,
Был доволен: «Опять офицер!»
И нажал на крючок спусковой.**

**И летела свинцовая смерть,
Свой беззубый оскал показав.
Этой песни тебе не допеть,
И лежать тебе в зелени трав.**

**В первый раз на позиции ты,
А кругом полыхает весна,
А кругом полевые цветы.
И не верится в то, что – война!..**

**Юный тот лейтенант, офицер,
И любви-то еще не познал.
Но поймавший тебя на прицел
Без раздумий по цели стрелял.**

И конверт на груди не спасет
Со словами: «Мы ждем тебя, сын...»
Краску черную смерть разольет –
И померкнет небесная синь.

Но пока тот свинец долетит –
Улыбайся, безусый юнец!
Сердце азбукой Морзе стучит:
Точка-точка-тире... И – конец.

И растают, как дымка, мечты.
«Как же так?..» – удивленно спросив,
Упадешь в полевые цветы.
Не познав...
 не допев...
 не дожив...

Звезда

(Посвящение детям Ходжалы)

Мы дети, мы играли у скалы,
И рисовали мелом пап и мам.
Но опустилась ночь на Ходжалы...
Рассвет не довелось увидеть нам.

Застыли в страхе ледяном сердца,
Творец вознёс нас к белым облакам.
Спросили мы у дедушки-Творца:
«А как мы будем здесь без наших мам?...»

Смахнул Творец украдкой с глаз слезу,
Дал куклу мне. Сказал: «Бери. Играй».
Взял на руки сестричку Фирузу
И тихо нас повел в какой-то «рай».

Ой, мамочка, а там красиво так!..
И птицы здесь волшебные поют...
Нам дедушка сказал:
 «Забудьте страх!
Здесь больше вас ни разу не убьют».

...Но только, мама, я к тебе хочу –
Ты так добра была ко мне всегда.
К тебе я, мама, ночью прилечу,
Ведь я теперь, родная,
 лишь звезда...

АЛЕКСЕЙ САПРЫКИН

Ц У Г Ц В А Н Г¹

Не имея возможности полностью опубликовать воспоминания о гарабахской войне Алексея Сапрыкина (а это целых три части, две из которых уже изданы отдельной книжкой), мы предлагаем читателям лишь некоторые отрывки из них.

Одним очень хорошим поэтом и мудрым человеком Станиславом Рыжовым было сказано: «С войны не вернулся никто...» Действительно, с войны не возвращаются, она остается в воинах навсегда.

Воспоминания Алексея Сапрыкина носят документальный характер, читатели могут встретить в них своих родных, близких, знакомых, и, видимо, поэтому автор не стал пускать свое произведение по канве сюжета, то есть – вносить надуманное. В войне свой сюжет, в ней в одной упряжке: героизм и трусость, глупость и прозорливость, удачливость и смерть. Автор описал войну, такой, какой увидел ее (в воспоминаниях сам автор – Старый, это по-зывной), описал своих боевых товарищей. В его повествовании они продолжают жить, пусть уже далеком времени конца восьмидесятых, начала девяностых годов, но жить...

От редакции

Часть 3

Для того, чтобы понять, что такое война, есть только один способ – надо пройти через неё.

* * *

– Значит, мы договорились, начальник? Двухкамерный «Чинар» и кондиционер БК-2500.

– Не волнуйся, все будет нормально. Главное, чтобы ты нас не подвел. Если что-нибудь получится не так, мы тебя найдем. Можешь не сомневаться. И тогда тебе уже ничто не поможет.

– Я и не сомневаюсь. Я же сказал – пятьдесят человек. Только пятьдесят. И тогда всё получится. – Невзрачный мужичок небольшого роста затушил «бычок», натянул папаху на самые уши и, попрощавшись, тихо выскользнул за дверь, где и растворился в темноте.

– Ну, что скажете? – после непродолжительного молчания обратился к присутствующим один из трёх старших офицеров, сидящих за столом.

– Что касается моих, – проговорил Колдун, – то здесь всё нормально. Пусть этот «абрек» проведёт, как обещал, пятьдесят человек, остальные восемьсот пятьдесят пройдут сами по их следам.

– А что касается моих, – ответил Вэтэн, – меня немного беспокоит процесс слаждивания. За отпущенное время очень трудно организовать нормальную бригаду из

¹ Цуцванг, положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведёт к ухудшению его позиции.

тех частей, которые для этого выделены.

– Других всё равно не будет, так что придётся работать с этими, – отрезал главный.

Офицеры, думая каждый о своём, стали сворачивать карты. На улице было темно и холодно. Луны не было видно, только редкие звёзды мёртво мерцали высоко-высоко. То на одном, то на другом краю деревни начиналась беспорядочная стрельба, и в небо уносились разноцветные трассеры.

– И вот из этого контингента я должен создать слаженное подразделение, способное выполнять такую важную задачу! Как тебе это нравится? – обратился Вэтэн к Колдуну.

– Да уж. Говорить нечего, – отозвался тот.

«Вэтэн» было позывным этого плотного полковника невысокого роста, лет тридцати шести-тридцати восьми, обладающего знаниями и опытом, полученными в аудиториях академии и в окопах на переднем крае. Он помогал батальону и в Физули и Губадлы, каждый раз вставая на сторону батальона в вопросах его профессионального использования. Может быть, поэтому он не был в фаворе у больших начальников. Вот и сейчас ему поручили очень ответственное дело, но дали на это очень мало времени. Сформировать и подготовить бригаду за неделю практически невозможно, тем более с выделенным для этого контингентом. Но, тем ни менее, он всячески старался создать боеспособную часть. Он ежедневно проводил дневные иочные занятия по ведению разведки, рекогносцировке, наблюдению, тактике и даже чтению карты и ориентированию на местности с офицерами среднего и нижнего звена. Казалось, он вообще никогда не спит. Задача, поставленная бригаде Вэтэна и батальону Колдуна, была очень сложной, но в случае успеха могла принести хорошие плоды. Суть её заключалась в том, что в установленное время батальон Колдуна должен был через территорию Ирана пройти в тыл армянам и по команде начать «шуметь» навстречу перешедшей в наступление вновь созданной бригаде. И вот теперь Вэтэн чувствовал, что не укладывается в сроки. Колдуна было проще, потому что его батальон был слажен к этому моменту, и сложнее, потому что такая задача была в новинку. Нужно было всем батальоном пройти в тыл противника на несколько километров и большую часть пути преодолеть по территории иностранного государства, да ещё так, чтобы не быть никем обнаруженным. Хорошая проверка профессиональных навыков.

Вся эта история началась некоторое время назад. Получив боевой приказ на выход, комбат собрал совещание офицеров.

– Через двое суток батальон выходит на боевые. Выходим все. В ППД остается только группа, необходимая для поддержания жизни в части. Идём в Тертер. Объявить это в подразделениях.

Офицеры удивлённо посмотрели на командира. Обычно место назначения никогда не доводится до личного состава. Хотя рано или поздно, но солдатская почта узнавала и разносila по подразделениям информацию о месте назначения. А здесь с самого начала нужно довести информацию до всего личного состава?!

– Мало того, я требую, чтобы на всех возможных остановках колонны на привалы об этом узнавало как можно больше местных жителей. Чем больше народа узнает об этом, тем лучше.

Кто-то из офицеров, «въехав», заулыбался, кто-то непонимающе смотрел на командира, ожидая разъяснений. Командир, выждав несколько минут, продолжал:

– Как многие уже догадались – это дезинформация. Чем больше людей будет знать, куда мы идем, тем скорее армяне об этом узнают. Что нам и требуется. На данном этапе это задача номер один. Об истинной цели нашего выхода я сообщу вам по прибытии в Тертер. Командирам подразделений к пятнадцати ноль-ноль завтрашнего дня сдать в разведотдел все необходимые списки по личному составу, вооружению и технике. Все недостающее получить на складах. Командиры подразделений – свободны. Управлению – остаться.

Когда командиры подразделений вышли, комбат продолжал:

– Всем начальникам служб доложить о готовности к шестнадцати часам завтрашнего дня. Доцент, много говорить не буду: связь, связь, связь и связь! Работайте.

В кабинете комбата остались начальник штаба, зам.командира, разведотдел и секретчик.

– Ну, что ж, господа. Задача сложная. Идем на Тертер с расчехлёнными знамёнами и транспарантами. Но это, как я сказал, деза. Основная цель – Физули. Приходим в Тертер с шумом, гамом и зажжёнными фарами. Затем тушим топовые огни – и на цыпочках в Бейлаган. Там должны сформировать бригаду. Бригадиром должен быть Вэтэн. Я думаю, вам его представлять нет надобности. По готовности работаем с двух сторон. Бригада – с нашей стороны, мы – с тыла. Да-да, именно с тыла. Детали обсудим на месте. Самое главное, наконец-то есть возможность использовать батальон в полном составе по назначению. Заодно проверим, чему и как мы научили наших парней. Задача непростая, поэтому всем нужно отнестись к этому очень серьёзно. Секретка, если у нас нет необходимых карт, срочно заявку в управу. Закажи два-три лишних комплекта. Естественно, разные районы. Времени предельно мало, поэтому переходим на «казарму». Перед выходом дам пару часов на то, чтобы съездить домой, если, конечно, все будет готово. Если вопросов нет – все свободны.

И работа закипела. База «шуршала», как растревоженный муравейник. Взад и вперёд сновали люди, машины. Что-то привозили, что-то грузили, что-то разгружали. Все были заняты делом. Есть в этих сборах что-то, будоражащее душу. Начинает в другом ритме работать сердце, поднимается адреналин в крови, включается и второе, и третье дыхание. Куда-то далеко загоняется усталость, все жаждут приключений, порой себе на жопу. Тем не менее, все как будто начинают светиться изнутри. Впереди ждёт работа. У этих мальчишек ещё играет детство в одном месте и они порой просто не понимают, что оттуда, куда они так рвутся, можно вообще не вернуться. Но они об этом не думают и им от этого легче. Вот «старикам» это гораздо сложнее – они понимают, куда и зачем идут. И что их там может ожидать. Но все мы таковы после тридцати: любое событие, затрагивает ли оно весь мир или только мир наших чувств, требует некоторой театрализации – для того, чтобы оно пошло нам на пользу или просто дошло до нас. Но, слава Богу, все приготовления, в основном, были закончены. Оставались мелочи, которые должны были доработать офицеры штаба.

Важность предстоящего выхода лишний раз подтвердил приезд генерала Аллахярова. Он появился как-то незаметно, как говорится, «в рабочем порядке». Побеседовал с командиром, неназойливо и без выпендрёжа поинтересовался работой штаба, давая весьма ценные и полезные советы. Не зная, кто он, нельзя было и подумать, что он генерал, так просто и по-человечески он общался с офицерами, не имеющими военного образования, но выполняющими свою работу на высоком про-

фессиональном уровне. И это не рисовка, дело действительно обстояло именно так. Жаль, что таких генералов было очень мало. Уже в зоне боевых действий в батальоне узнали, что этот далеко ещё не старый генерал умер, отравившись рыбой! В это не хотелось верить. Генерал остался доволен ходом подготовки батальона к выходу на боевые.

Рафик был одним из тех людей, которые безвозмездно отдавали своё время, силы, нервы, знания и опыт обучению бойцов работе на сложной технике. Худощавый, но очень крепкий, как будто вырезанный из ствола орехового дерева, длинноволосый молодой мужчина родом с улицы Советской. За его нестандартную, вечно взлохмаченную шевелюру в батальоне его прозвали Хиппи. В нём сохранилась живость и своеобразный колорит старой улицы. Он ни секунды не мог находиться в покое, постоянно что-то доставая, придумывая, проводя занятия. И он был не просто заводной парень, он был специалистом суперкласса гражданской авиации: отличный лётчик, штурман, водивший гражданские воздушные суда во многие страны мира, уникальный специалист навигационного оборудования. Мало того, он был ещё и действительным преподавателем нескольких зарубежных академий гражданской авиации. Они дружили с Седым, работали вместе, и когда Седой вступил в батальон, Хиппи стал всячески помогать ему. Это он нашёл на складах министерства обороны компактный прибор спутниковой навигации «Транспакт». Эта коробочка размером с арахисовый торт, ориентируясь по спутникам, врачающимся вокруг Земли, могла выдавать точную информацию о нахождении оператора в данный момент, указать на отклонение от заданного маршрута и дать ещё массу необходимой информации. В управе толком не знали, что это за прибор и для чего он нужен, но когда Рафик стал отбирать приборы, большие начальники решили, что раз это кому-то понадобилось, значит, эти приборы лучше придержать, да и цена одного прибора тянула на миллион! С большим трудом удалось «выбить» едва ли третью часть необходимого количества. Для работы на этой аппаратуре Рафику была отобрана группа толковых ребят, с которыми почти круглые сутки проводились занятия. Месяц напряжённой работы не прошёл даром, бойцы научились не просто нажимать кнопки, но и относится творчески к любой задаче, выполняемой на «Транспакте». Результаты были налицо, и часть операторов, успешно сдав экзамены, стали ездить по командировкам и обучать старших офицеров различных частей работе на «Транспакте».

Когда через полчаса в разведотделе появился командир, всё уже было готово к скромному семейному ужину. Ужин прошёл в тёплой дружеской обстановке, хотя в воздухе и висела какая-то грусть и тревожное ожидание чего-то неизбежного. В самом конце ужина в дверь постучали, затем просунулась голова Джалила, и он спросил:

– Сто грамм здесь живёт?

Увидев командира, он попытался ретироваться, но комбат остановил его.

– Заходи, раз пришёл.

Самый «маленький» сержант Джалилов Джалил или, как его звали, Пух, вырос в семье, где было пять девочек и только один сын. Забратский парнишка рос забиякой, драчуном и сорвиголовой. В свои двадцать пять лет он был ростом под два метра и весил больше ста килограммов, оставаясь при этом лёгким и прыгучим. Комбат несколько раз выгонял его за неуставные отношения, но каждый раз его уговаривали взять Пуха обратно. Он был классный водитель и один из немногих операторов ПТУРСа, но, главное, при всех своих закидонах это был нормальный, честный мужик.

Когда все расходились, Джалил вдавил в землю в цветочном горшке два лимонных зёрнышка.

– На счастье. Вырастит – будем пить чай со своим лимоном.

Джалил не знал тогда, что лимонное деревце вырастет и даже будет плодоносить, и этот лимонный куст так и будет жить в разведотделе. Он оказался прав, вот только он уже этого никогда не увидит...

* * *

Утро выдалось не по-зимнему доброе. Голубое небо было высоким и чистым. Без единого облачка. Колонна автомашин вытянулась больше, чем на километр. Передние стояли на самом спуске у поворота на «голубой дом», а задние – у дальней стенки автопарка. Люди были охвачены приятным волнением, адреналин был в голову подобно хорошему, лёгкому шампанскому. Истекали последние минуты перед началом движения. Есть минуты, когда нас не тревожит роковая гроза жизни. Наконец-то поступила команда, и колонна, соблюдая интервалы, двинулась вперед. Это было потрясающее зрелище! Казалось, что ожил весь серпантин дороги – от вершины и до самого переезда. Играя бликами на стёклах, этот «автоудав» медленно сползл вниз. Очевидно, это зрелище понравилось не только участникам, но и сторонним наблюдателям. Поскольку уже в Тертере мужикам рассказали, что буквально на следующий день в «Вестях» показали кадры спускающейся автоколонны, снятые с очень близкой точки, скорее всего, из камышей, растущих на берегу небольшого озерка прямо напротив переезда. Дикторша за кадром очень эмоционально рассказывала о том, что «шестьдесят три машины азербайджанского суперспецназа выдвигаются в сторону Тертера! Спасибо «Вестям» за помощь! Колонна двигалась по графику, единственным изменением было то, что на этот раз привалы делались в населённых пунктах, в местах наибольшего скопления местных жителей, где всем любопытным и нелюбопытным сообщалось, что колонна идёт в Тертер. Когда стемнело, машины врубили фары, и колонна стала похожа на свадебный кортеж. Не хватало только непрерывных звуков клаксонов и красных ленточек.

* * *

Последние минуты перед выходом. Впереди неизвестность, глубокая чернота ночи, волнение и дикое желание выполнить поставленную задачу. Выполнить как можно лучше. И да поможет нам Бог! Больше всех волновался, пожалуй, Доцент. Все его связисты уходили в бой в составе рот, а он должен был оставаться на КП. И хотя в армии он был уже не первый год, он всё равно больше был гражданским человеком, чем военным. В самом хорошем смысле этого слова. И поэтому он не разделял мнения о немедленном, быстрым наступлении. Ему многое было непонятно. Он считал, что на подготовку было отведено слишком мало времени и грех бросать ребят в эту мясорубку. Где-то внутри у него свербела мысль: «Мы потеряем людей! Ведь если мы сядем в оборону, мы сможем измотать армян». Но, во-первых, лучшая защита – это нападение, а во-вторых, приказы не обсуждают, и вышестоящие командиры владеют более полной информацией. Они-то и принимают решения. Правда, не всегда верные... Но это уже другая история». Кроме всего прочего, у Доцента в этот день был день рождения. А в таком возрасте у людей часто бывает подавленное настроение, и находит дикая хандра именно в этот день. И вот сейчас он внимательно вы-

искивал своих радиостов, ещё и еще раз проверяя, всё ли они взяли с собой и не забыли ли чего-нибудь. Последним в строю стоял связист маленького роста – Алексей Михайлук. Доцент всегда относился к этому бойцу с каким-то особенным, отцовским чувством. Это был умный и исполнительный парень, постоянно стремящийся узнать что-то новое и ещё лучше освоить средства связи. Начальник связи ещё раз всё проверил и не очень громко спросил:

– Сынок, не боишься?

Тот вспыхнул было, но понимая, что Доцент просто волнуется, может быть, даже больше, чем сам солдат, ответил ему на азербайджанском:

– Bu nə sözdü?

Он был родом из Саатлы, и это был его второй родной язык. А как он пел! Не зря он был запевалой роты. Как он пел песню «Qara, qaragözlü yar, şirin, şirinsözlü yar»! Благодаря ему рота связи постоянно завоёвывала первые места в смотрах строевой песни.

Сразу после боя Доцент стал разыскивать своих бойцов. Рота связи понесла потери. Погиб Хикмет Амрахов, Заур Назаров попал в переделку. Когда рота, которой он был придан, стала отходить, он вышел в эфир с просьбой прийти и забрать его! На все предложения выйти в определённую точку он продолжал звать на помощь. Это было так не похоже на него, что, сверившись с картой, ротный понял: радиост работает под контролем. Дав свои координаты, радиост подтвердил это предположение. Наших там не было. Как это ни горько, но в данной ситуации командир не мог вызволить бойца. Он понимал, что роту заманивают в засаду. Рисковать остальными он не имел права. И всё-таки Зауру повезло. Во время обстрела он сумел улизнуть от перепуганных охранников. Отсидевшись в какой-то заваленной яме, он через двое суток появился перед бойцами грязный, голодный, перепуганный, но живой. Удивительное дело – судьба может являться к нам в самом недостойном или заурядном обличье...

Михайлук в этом бою был ранен, и его отправили в госпиталь. Ранение было в шею, но считалось лёгким. Доцента успокоило то, что Алексей вышел из боя «на своих двоих», сдал автомат и только потом отправился к докторам. Значит, всё будет нормально! Спустя две недели пришло сообщение, что Алексей Михайлук... умер в больнице на десятые сутки, в день своего рождения! Это не укладывалось в голове. Как может умереть человек с лёгким ранением в госпитале на десятые сутки?! Как?!! Выяснилось, что во время боя ему смазали рану йодом, перевязали. Ничего страшного. Лёгкое ранение. Отправили в госпиталь. А на пятые сутки у него произошёл шок. Вот только тогда ему сделали рентген. До этого, видно, не было необходимости. Или не хватило времени, а, может быть, потому, что никто не стоял около врачей с пачкой купюр? Подумаешь, легкое ранение, оклемается. А нет. Рентген показал, что у него в шейных позвонках сидит металлический предмет: то ли пуля, то ли осколок. Операцию делать не рискнули, решили подождать, пока парень не придет в себя. Но не оправдал парень «доверия» эскулапов. На десятые сутки, не приходя в сознание, он скончался. А парню было всего девятнадцать лет! Девятнадцать! Позже Доцент со своими бойцами навестил семью Михайлuka. В Саатлинском военкомате никто ничего толком не знал. Пришлось наводить «шорох» во всех официальных учреждениях. Почему никто из чинуш никогда не думает о простых людях? Я понимаю, что это наивный и даже, наверное, глупый вопрос. Да и лет мне уже немало. Но всё равно, иногда приходит в голову такая мысль.

На кладбище из своей «бешеной» зарплаты бойцы заказали каменный поребренник, который сделали довольно быстро, и произвели воинский салют из своего оружия. С тяжёлым чувством уезжали парни из Саатлы. Разные мысли роились в головах: «А если меня убьют, будет так же? А может, ещё хуже? Неужели нельзя по-человечески? Ведь, защищая Родину, мы защищаем и этих козлов. Они что, этого не понимают?» С той поры Доцент взвалил на себя в какой-то мере и обязанности замполита. Скорее, даже не замполита, а отца. Может, это громко звучит, но это так, ибо делал он всё не по штатному расписанию, а по-человечески. При малейшей возможности он посещал госпиталя, чего-то требуя, кому-то угрожая, кого-то упрашивая и объясня员, пытаясь любыми способами облегчить участь раненых мальчишек в «храмах здоровья». Но это всё будет потом, а пока...

Основной удар армян пришёлся на роты Чёрного и Комиссара. Это было далеко не слабое место в нашей обороне, но армяне почему-то решили, что здесь они смогут сбросить вниз наших бойцов быстро и без особых хлопот. Самоуверенно и весьма неразумно. С первым и вторым взводами был Чёрный, с третьим и четвёртым – Алитус. Все чётко знали свою задачу и работали грамотно и экономно. Импульсивный Саиб всё время что-то приговаривал: то ли ругался, то ли комментировал свои действия, то ли давал указания своим бойцам. Пока не было работы для ПТУРСа, Джалил вместе со своим расчётом переквалифицировался в автоматчика и весьма успешно справлялся с поставленной ему задачей, стараясь выбивать в цепи наступающих офицеров. На фланге работал Абдулла с группой молодых бойцов:

– Спокойно, ребята, спокойно, не суетитесь. Аккуратно выбирайте цель и бейте наверняка. Головы, головы! – крикнул он, когда кто-то из солдат высунул голову больше, чем надо. – Запасных голов у нас нет. Береги свою – ещё в жизни пригодится.

Обычно Абдулла никогда не надевал броник, а в этот раз он его почему-то надел. Что-то его угнетало. Первый раз в жизни ему не хотелось ехать на боевые. Вот не хотелось – и всё! Может быть, он что-то предчувствовал, а может, просто понимал, что на этот раз всё будет гораздо сложнее. Не знаю. И теперь уже никогда не узнаю... Кто-то из великих сказал: «Заранее никогда нельзя знать точно, что с тобой случится». Это так. Но предполагать можно всегда. Однако бывают ситуации, которых человек панически боится и избегает даже думать о них. Это просто какая-то мистическая боязнь. Словно с одной только мыслью можно накликать беду. Но рано или поздно такая ситуация складывается, и тогда тот, кто боялся, оказывается беспомощным перед ней.

Комиссар чётко организовал оборону и сейчас спокойно и грамотно этой обороной руководил, изредка давая указания своим офицерам, а те в свою очередь – бойцам. На одном фланге работал Краснокожий со своей группой. Стройный молодой человек. Возраст в районе двадцати пяти. Лезгин по национальности, прекрасно владеющий азербайджанским и русским. Когда он смущался, нервничал или сердился, его лицо принимало красноватый оттенок, и он становился похожим на северо-американского индейца. За это его и прозвали Краснокожим. Со временем Краснокожий трансформировался в Красного. В батальон он пришёл уже опытным бойцом, поскольку начинал в ОМОНе. В том, первом ОМОНе, который здорово воевал с армянскими бандитами ещё до начала широкомасштабной войны. Брал Чайкенд. Лично уничтожил несколько бандитов. Но самое уникальное было то, что он, действительно подобно тем самым индейцам, был потрясающим следопытом. Без карты, компаса,

«Транспакта» он мог выйти в любую точку и всегда вовремя, ориентируясь по одному ему известным приметам и ориентирам. Прошагать пятнадцать, двадцать километров по пересечённой местности в любое время года и суток в кратчайшее время было для него детской забавой. Со временем у ребят сложилось впечатление, и притом весьма обоснованное, что если Красного десантировать где-нибудь в пустыне или джунглях без воды, пищи и навигационных приборов, он доберётся до места назначения целым и невредимым вовремя, бритым, сытым и еще, наверняка, подшофе и даже с трофеями. Он практически никогда не кричал на солдат, но его тон и выразительный шёпот были красноречивее любого крика. На занятиях он был беспощаден настолько, насколько заботлив о солдатах во время выходов в тыл противника и активных боевых действий. Появлялся он всегда неожиданно и так же неожиданно исчезал. И если он хотел от кого-то склониться и «уходил в подполье» – найти его было практически невозможно. И сейчас, под этим свинцовым дождём, он, переходя от одного к другому, кому-то делал замечание, кого-то подбадривал, кому-то помогал огнем своего автомата.

Чуть дальше вели бой бойцы Кришны. Азад Газиев был родом из Сальян. Немногословный, серьезный паренёк получил свой позывной из-за увлечения восточными философиями, в частности, учением Кришны, что абсолютно не мешало ему в жизни. Улыбался он редко, бойцов гонял по полной программе, но при этом был добрым и сердечным парнем. К моменту вступления в батальон он уже обладал неплохим боевым опытом, полученным в спецподразделении, оказывающем «дружескую помощь» одному из «братьских» народов в одной из отдалённых частей света, и поэтому его группа была одной из лучших в батальоне. Но когда его всё-таки доставали разными глупыми вопросами, он на секунду закрывал глаза и говорил: «Если тебе нужны морские ракушки – пойди на берег моря».

Однажды Старый стал случайным свидетелем философской беседы Кришны и Ходжи:

- Твоя суть в том, чем ты являешься, – говорил Кришна.
- Чем ты занимаешься? – переспросил Ходжа.
- Нет, чем ты являешься. Ты должен использовать свой дар, чтобы понять свою суть. Если ты не используешь свой дар – значит, ты предаёшь себя. А это самое страшное. Но ты делаешь то, что ты есть на самом деле. Если не можешь изменить суть вещей – измени своё отношение к ним.

- Да, но я всегда говорю то, что думаю.
- Когда говоришь, что думаешь, надо думать, что говоришь.

И после недолгой паузы изрёк:

– Будда говорил: «Единственное, что следует изучать всю жизнь – это собственный ум». Так что – учись быть умным.

Стараясь не шуметь, Старый ретировался.

Армяне в очередной раз навалились на четвёртую роту. И молодые запихнули. Создалась угроза окружения. И тогда Айдын Манеров и Рафаил Ахмедов подняли бойцов в контртаку. Схватка была короткой, но очень жестокой. Рафаил был сражён очередью из пулемёта. Он так и не понял, что с ним произошло. Темнота. И лёгкая боль, а может, и не боль, просто дрожь, словно в черепе болтается клубок тяжёлой, как свинец, нити.

Айдын уложил троих, экономно расходуя патроны и следя за бойцами. Краем глаза он заметил, как здоровенный бородатый армянин целится в молодого бойца.

Айдын успел развернуться и выпустить длинную очередь. Капля пота стекла с его виска и побежала, обжигая, в угол правого глаза. Он смахнул её прочь. И тут получил страшный удар подмышку, как раз под обрез бронника. Боль скрутила его тело в гигантский болт. Айдын падал. Нет, скорее, летел в невесомости, в бесплотной желтизне, сладкой, как мёд, и тёплой, как янтарь. Его раскачивали на огромных нежных ладонях, его убаюкивали ласковыми прикосновениями. Мир был напоён теплом и покоем, в нём не осталось места для страха или боли. Приветливые голоса шептали что-то доброе, напевали бесконечную гипнотизирующую мелодию. Призрачные тени стремились к нему, повинувшись едва осознанным мыслям. Тело словно разрасталось, заполняя собой весь этот нереальный мир, превращаясь в прозрачный солнечно-жёлтый, пахнущий лимоном и мятым дымом, в облачко апельсиновой пыли, бриллиантовый дождь, падающий на огромный золотистый круг.

– Командира ранили! – закричал Аластун Мехтиев, он же Дикий. Он был из беженцев, и у него было своё отношение к армянам.

Отбив атаку, наши вернулись в свои окопы. Надо было перевести дух и подготовиться к отражению следующей атаки. Айдина перевязали. У него была перебита ещё и нога, и его положили на плащ-палатку на дне окопа.

– Потерпи, стариk, всё будет нормально. Скоро спустим тебя вниз, а потом в госпиталь. Потерпи чуток. Если будет хуже, вкатим тебе ещё промидол. Держись!

Только сейчас Ковбой заметил, что ранен в левую руку осколком гранатомётного выстрела. Погиб Эльчин Мамедов. Он попал под тот же выстрел и ему не повезло. Поступила команда на отход. Стали выносить раненых. Нужно было добраться до палатки оказания первой помощи. Айдина выносили на плащ-палатке Нияз Алиев из Сальянского района, Гара Гасанов из Геранбайского района и ещё двое ребятишек. Жаль, не помню сейчас их имён. Сержант Сверчок, Шахисмаил Мамедов, получил несколько пулевых ранений, его перебитая правая нога еле держалась на лоскутке кожи. Ему наложили жгут, сделали укол и стали спускать вниз. Выносили его связист и Фариз Гахраманов. Шахисмаил бредил и повторял:

– Не оставляйте меня здесь, мужики. Не оставляйте.

– Всё будет нормально. Сейчас быстренько донесем. Еще станцуешь!

Не донесли.

Умер боец от потери крови.

* * *

Часть вернулась на базу. Комбат, дав указания начальнику штаба, отбыл на «ковёр» к начальству. Люди были измотаны настолько, что едва успели добраться до классов, в которых располагались. Только немногие решили позавтракать. В большинстве своём бойцы, даже не выпив горячего чая, укладывались спать. Спать, спать. Командиры, разобравшись со своими подразделениями, собрались в штабной машине. Усталые и грязные офицеры молча курили. Дым стоял коромыслом. Все думали об одном и том же – чем закончится визит командира к начальству. Все прекрасно понимали, чем заканчивается невыполнение приказа, а тем более на войне. Все понимали и поэтому молчали. Говорить было не о чём.

Сидя в машине, везущей его к заму по направлению, Колдун прекрасно всё понимал и был готов к самому худшему, поскольку батальон практически не выполнил поставленную задачу. Войдя в кабинет полковника, он, как положено, представился и сказал:

– Я готов отвечать, часть задачи не выполнила.

Старший вышел из-за стола, подошёл к комбату, обнял его за плечи и сказал:

– Мужик, ты вообще соображаешь, что ты сделал, что сделала ваша часть? Я не надеялся, что вы это сделаете. Все были уверены, что вас раздолбают ещё на подходе. По моей информации, армяне собирались переходить в наступление. Кстати, вот текст перехвата. – Комбат взял бланк перехвата и прочитал: «Тридцатого января начинаем наступление. Тер-Тер взят. Дорога на Гянджу открыта».

– Ну, как? – спросил полковник. – Насыщенность их войск на этом участке была в два-три раза больше, чем у нас. И вы шли на них снизу, без артподготовки, без поддержки, без ничего. То есть, практически перед вами стояла невыполнимая задача, и вопрос стоял так, что мы всех положим, но армяне понесут хотя бы какой-нибудь урон, и мы сумеем остановить наступление, предотвратить которое уже не может никто. Так что поблагодари от меня своих ребят.

Потом он достал из шкафа бутылку, пару стаканов, плеснул в них водки и проинёс:

– За тех, кого с нами нет.

Они молча выпили, Комбат получил приказ перебазироваться в Сахлабад и занять оборону на трёх направлениях.

С утра начальник штаба с начмедом отправились в госпиталь. Это был последний начальник медицинской службы. Он был единственным начмедом, принявшим непосредственное участие в боевых действиях. Джабир был высоким молодым человеком из интеллигентной семьи. Он закончил стоматологическое отделение мединститута, но война быстро учит человека уму-разуму. И он научился всему, что должен знать и уметь врач в экстремальных ситуациях в зоне боевых действий – от оперирования пулевых и осколочных ранений и лечения кожных заболеваний до правильного заполнения сопроводительных документов, выбивания необходимых медикаментов и транспорта.

Пока доктор занимался бумагами, начштаба навестил раненых бойцов. Поговорив с ними, он вышел на крыльце и, оттягивая тягостные минуты, медленно выкурил сигарету. Свежесколоченные гробы из толстого дикта стояли двумя рядами во дворе морга. К смерти на войне привыкаешь быстро, но каждый раз, когда приходится сталкиваться с её пакостями в упор, душу наполняет горечь, боль и всепоглощающая пустота. Тем более, если этих ребятишек ты знал лично и довольно близко: Шахисмаил, Чингиз, Руслан... Тела уже были обмыты, одеты, и лица бойцов были того самого трупного землистого цвета. Вот только Абдулла... Старый несколько оторопел, подойдя к его гробу. Лицо Абдуллы было живого цвета. Было ощущение, что он не умер, а просто прилёг отдохнуть и сладко заснул. В голове не укладывалось одно: почему он спит в гробу?! У Старого возникло желание как можно тише отойти от гроба, чтобы не разбудить Абдуллу. Шиза какая-то! Только появление санитаров с очередным «грузом 200» вернуло начштаба к действительности. Он больше не мог здесь находиться и, развернувшись, поспешил к машине.

* * *

Привет, любимая.

Как дела? Что нового? У меня всё нормально. Только очень по тебе скучаю. У нас недавно была большая прогулка. Погуляли. Сейчас нам дали время на отдых. Не-

давно мне на глаза попалась одна книжонка без обложки. Взял почитать и не смог оторваться. Это сказки. Мне понравилось, надеюсь, понравится и тебе. Слушай.

«Странная это была планета. Она не крутилась так, как наша Земля: день с солнцем, ночь с луной, хотя и солнце, и луна у неё были. Планета умудрялась крутиться так, что одна её сторона была повёрнута только к солнцу, а другая – только к луне.

И на этой, лунной, стороне жили люди...

Они жили здесь много лет и никогда не видели солнца. Но человек не может жить без солнца, и потому люди считали солнцем свою луну.

Они всё делали при луне – и работали, и любили. При луне они воспитывали своих детей и учили их стремиться к свету. Ведь они не знали, что свет их – вовсе не свет, а только отражение света.

Люди были маленькие и незаметные в полумраке. Но зато тени их, как всегда бывает при луне, вытягивались на целый квартал и поднимались до крыш зданий. Тени ходили по городу, знакомились, обменивались новостями. Тени провожали друг друга и целовались у подъездов, и после этого рождались маленькие тени, которые потом вырастали, и всё начиналось сначала. Людям казалось, что они живут в царстве теней, и они были осторожны и подозрительны.

Так жили лунные люди. Им был дорог их полусвет, он тешил их получувства. И полумечты людей не простирались дальше своей, лунной половины планеты. «Ничто не ново под луной», – упорно твердили старики. Но выросли их дети и захотели нового.

Вышли дети на большую дорогу и пошли, куда глаза глядят, а за ними потянулись старики, потому что им казалось, что дети их всё ещё маленькие и нуждаются в присмотре.

Далеко ушли лунные люди от родных домов, и пришли туда, где кончалась луна и начиналось солнце.

Это было удивительное зрелище. Старики отступили и прикрыли руками глаза, а молодые шагнули навстречу солнцу.

– Вот это – солнце! – сказали они. – Это настоящее солнце, и только под ним стоит жить!

А старикам поздно начинать жить – им ли на старости лет менять себе солнце?

– Нет, это не солнце, – сказал один из них и бросил в солнце камень. Но камень до солнца не долетел, он вернулся обратно и убил старика.

Отошли старики в сторонку и стали думать, как быть.

Старикам думать легко: у них и опыт, и знания. Они могут такое изобрести, что молодым и во сне не приснится.

И решили старики взорвать солнце. Тогда вернутся их дети домой, и снова будет всё, как прежде.

За дело взялись самые мудрые учёные и самые учёные мудрецы. Они работали, не зная сна, потому что при солнце не научились спать, и ещё потому, что, как все старики, страдали бессонницей. Вероятно, их усилия были небезуспешны: вскоре вселенную потряс такой взрыв, что теперь никто не может сказать, куда девались и эти учёные, и эти мудрецы, и вся их планета. Существуют, конечно, догадки, что, дескать, была планета. А дальше – никаких подробностей.

Но если подумать, и о подробностях можно догадаться.

Взорвали планету лунные старики, которые замышляли взорвать солнце.

Разлетелась планета на мелкие кусочки, и полетели эти кусочки на другие планеты, чтобы всех предупредить: нельзя идти против солнца.

И на нашу Землю падают эти кусочки – только мы не всегда придаём им значение».

Вот такие дела. Пиши. Люблю. Целую.

* * *

Сахлабад представлял собой весьма крепкое поселение с капитальными домами, чёткими садами и огородами, но с отвратительными на удивление дорогами. Такие дороги бывают разве что на автомобильном полигоне для испытания внедорожников. Комбат по роду своей профессиональной деятельности был разрушителем. Но я думаю, что если бы он выбрал другую профессию, то это было бы созидание. И эта внутренняя потребность созидания находила выход при малейшей возможности: будь то строительство автопарка, дома, озеленение территории, но особенно – ремонт дорог! Это было любимое занятие. Не зря эта проблема была на особом контроле у командира – как в пункте постоянной дислокации, так и на новой базе. Начав оборудовать позиции батальона по всем правилам боевого устава, он не меньше времени уделял и ремонту дорог через деревню на базу. Каждый свободный момент использовался для доставки речного гравия, благо речка была рядом, и там почти каждый день работал экскаватор. Вскоре добираться до базы через деревню стало сплошным наслаждением: ни бугорка, ни ямки. Ровненько, без грязи даже в самые сильные дожди! Да и на базе стало значительно чище. Проложили дорожки между «казармами», засыпали площадку перед штабом, перед столовой, соорудили КПП со шлагбаумом. Вот только жители этой деревни были немного странными. Они радовались, когда батальон расположился в саду, но ни один из них не предложил бойцам и командирам расположиться в их домах. Даже медсанчасть, и та не удостоилась такой чести, хотя треть домов была оставлена и стояла совершенно пустая. А ведь по законам военного времени командир части, расквартированной в населённом пункте во фронтовой полосе, является военным комендантом этого населённого пункта. Однако командир не стал взваливать на себя ещё и эти обязанности. Ведь не зря говорят: «Инициатива наказуема». Приказа от начальства не было, да и война-то не была объявлена. А в поведении как местных жителей, так и больших начальников так и пробивался наш менталитет. А вы как думали? Все прикрывались высокими словами: «Конституция! Закон!». Но ведь не зря кто-то из мудрых сказал: «Конституция, законы, демократия – это контракт, а контракт всегда можно переделать». Вот это сейчас и делалось. Ну да Бог с ними! Рано или поздно всё встанет на своё место. Но самая главная задача состояла в том, чтобы силами батальона прикрыть три самых танкоопасных направления. Бойцы буквально зубами вгрызались в промёрзшую землю, оборудуя окопы полного профиля по всем правилам фортификационного искусства. И так поднаторели в этом, что в наставление по инженерному делу любой оборудованный ими окоп мог войти как образец. Бойцы местных батальонов табунами приходили глазеть на то, что должно было быть и у них, и с удивлением и восхищением долго цокали языками и качали головами: «Вот бы нам такие!» Что вам мешало, родные? Взяли бы и откопали – вместо того, чтобы ахать и охать. Но они обходились ямками с парой кубиков и куском шифера между ними, гордо называемыми окопами.

* * *

По информации, полученной от зама по направлению, на «Лесоповале», где в своё время был сталинский лагерь, армяне организовали базу снабжения с вертолётной площадкой, куда из-за отсутствия автомобильных дорог перебрасывались боеприпасы, амуниция и прочие грузы. Через Гаранлыг Мешя грузы развозились в направлении Гюлистан, Талыш. Была поставлена задача провести разведдиверсионную операцию с целью уничтожить базу, обеспечить переход батальона на организованную базу. Выловить вертолёты, если таковые имеются, действовать на направлении Сарсанг – Атерк.

Всё благоприятствовало намеченной работе. Не было ни ветра, ни снега, ни луны. Тишина и темень. Задача была очень сложная, поэтому, ещё раз уточнив задачу, зам. по направлению сам вышел напутствовать бойцов, уходящих в глубокий тыл противника. Он умел говорить, и даже Старый почувствовал, как в какой-то момент у него по спине пробежали мураски, и в горле встал комок. А что было говорить о тех мальчишках, которые сейчас стояли в строю? Кроме основной группы, выходила группа из двенадцати человек – для выставления трёх постов по маршруту до цели. Командовал этой группой Красный. На этих трёх постах бойцы должны были вести разведку и корректировку движения основных сил батальона на маршруте к «Лесоповалу». Красный сам отобрал толковых ребят и проинструктировал их. Старшими на постах были назначены сержанты Нурулла Алгаев, впоследствии получивший офицерские звёздочки, Алексей Цикалин и Шайн Лятифов. Непосредственно с Красным шли сержант Азад Рамазанов и связист Эльнур Азизов. У Красного была самая сложная задача: добраться до «Лесопovalа», расставить посты и, находясь на втором посту, обеспечивать безопасность всех проходящих групп. А на дворе-то – не лето. Хотя никто и не сомневался, что Красный, как всегда, справится со своей задачей на отлично. Выпустив группу, Колдун со Старым отправились на КШМку, развёрнутую на Дастиагире.

В потьмах подниматься было ещё труднее. Но всё кончается, кончился и этот подъём. В награду в радиике их ждал горячий ужин и горячий крепкий чай. Попыхивая традиционными после еды сигаретами, они завели неторопливый разговор, одним ухом прислушиваясь к радиостанции. Но та молчала.

– Что-то ты сегодня невесел, – проговорил Колдун, посматривая на Старого.
– Надоело всё, – изрёк тот, помолчав.
– Не понял? Тебе что, надоело воевать?
– Да нет же. Я не говорю о службе. Я говорю о домашних проблемах.
– Уже легче, – вздохнул Колдун. – А дома что за проблемы?
– Да нет, не легче, а гораздо сложнее. Сам знаешь, опять нам зарплату задерживают. Позавчера звонил домой. Денег нет, жрать нечего. Весь «огромный» золотой запас уже продан. Жена детей раздала по друзьям, чтобы как-то их прокормить. А ты говоришь...

– Это всё временные трудности, Старый.
– Ни фига не легче. Ты сам прекрасно знаешь, что у нас ничего не бывает так постоянно, как временные трудности.

Они помолчали, думая каждый о своём. А потом Старый сказал:

– Вся беда в том, что когда дома проблемы, начинаешь отвлекаться от работы, а это уже ни в какие ворота. Сейчас надо думать о выходе, а я ловлю себя на том, что всё время думаю – а как обстоят дела дома. И, главное, ничем не могу помочь.

Ладно, ну их всех к дьяволу.

Старый ненадолго задумался, помолчал, закурил и, встрепенувшись, проговорил:

– Слушай, а может заключить с ним сделку?

– С кем? – не сразу понял Колодун.

– С рогатым. Знать бы только, как это делается, как его вызвать на контакт.

– Ну, ты даёшь. По-моему, у тебя точно крыша поехала.

– Ты можешь предложить что-нибудь другое?

– Предложить я, к сожалению, ничего не могу, но связываться с ним – это не серьёзно. Ты знаешь, какую цену он берёт за это?

– Насколько я знаю, в обмен на какие-то определённые блага ты продаёшь ему свою душу.

– Всё дело в том, что расплачиваться за это будут твои близкие.

– Как это? – не понял Старый,

– А вот так, душа душой, а вот твоим близким может быть очень плохо в самый неподходящий момент.

– Нет, подожди, если сделка заключается со мной, то и расплачиваться должен я. А иначе какой смысл? И потом, это просто нечестно.

– Ты как дитя малое. О какой честности ты вообще говоришь?

– Ну уж нет. Такой вариант меня не устраивает, – возмутился Старый.

– А я тебе о чём толкую? Ладно, давай отбиваться. Уже поздно.

После разговора с комбатом Старый долго не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок, а в голове метались какие-то страшные мысли, лохмотья ночных кошмаров, обрывки мистических историй, летала какая-то пернатая сволочь и давила всякая чушь. Он ненадолго задремал, но когда в его мозг, в его душу, в его сердце заползло какое-то черное бесформенное пятно, он резко проснулся. На пульте радиостанции горели красная и зелёная лампочки, и Старому показалось, что эта беспокоящая его чернота испускается именно этими лампочками. Его как будто подбросило пружиной. Он сел на топчане и огляделся. На соседнем топчане, заложив руки за голову, спокойно спал Колодун. Старый помотал головой.

– Привидится же такое, чёрт побери!

Сердце бешено колотилось и казалось, готово выпрыгнуть из груди. Начштаба вытащил сигарету. Руки противно подрагивали. Он накинул на плечи бушлат и, открыв дверь радийки, спрыгнул на снег. Из-за машины вынырнул часовой.

– Что-нибудь случилось, командир?

– Да нет, просто не спится. Решил подышать свежим воздухом. Всё нормально.

Старый подошёл к небольшому костерку, ловко замаскированному под бугром. Один из радистов подвинулся, освобождая ему место на снарядном ящике.

– А вы что не спите? – спросил Старый у радистов.

– Да вот, земляк в гости зашёл, – отозвался один из них.

– Гости – это хорошо, – проговорил Старый и, закурив сигарету, уставился на пламя костра. И снова ему показалось, что красные языки пламени с редкими зелёными прожилками окружены густой липкой чернотой. Это притягивало, как, собственно, всегда притягивает огонь. Дремлют в нас дикие инстинкты с тех далёких чёрных времён. Старый поднял голову, но из-за света костра и густых веток деревьев не увидел неба. А именно его ему сейчас и не хватало. Он чуть-чуть отошёл от радийки. Под ногами поскрипывал снежок, и морозец приятно покалывал лицо. Старый

задрал голову. Только зимней ночью может быть так много звёзд. Только холодной февральской ночью их можно видеть так отчётливо, словно это – сверкающие серебряные гвоздики на чёрном бархате. Сколько их смотрит на нас из холодной чёрной пустоты! Если смотреть на Большую Медведицу, то рядом с яркой звездой, той, что на переломе ручки ковша, можно разглядеть совсем маленькую звёздочку. Она, может быть, совсем не маленькая, просто она очень далеко. Может быть, это громадное светило с десятками огромных планет вокруг. А может, это Галактика с миллиардами светил. И, может быть, где-то на самом краю этой Галактики есть маленькая планета. И сейчас, в этот момент, какое-то такое же чудо стоит, задрав голову, может, квадратную, может, треугольную, а может, и круглую, и смотрит своими двумя огромными глазищами, а может, десятью маленькими глазками в небо, наполненное всей этой липкой чернотой. И ему так же хреново... Тыфу ты, чёрт! Так можно совсем с катушек съехать! Всё-таки пора спать. А то чем дальше в лес, тем ну его к чёрту! Нечто подобное произошло со Старым через много лет после войны:

Странная это штука – сон...

Не зря кто-то из великих сказал: «Сон – смерти брат».

Он проснулся от дикого Ужаса. Сердце бешено колотилось. Казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Холодный пот стекал по лицу, как после душа, руки и ноги были скованы, и всё тело как будто вдавлено в матрац какой-то страшной силой. Открыв глаза, он увидел, как откуда-то из-за телевизора поднимались волны красно-зёлённого Ужаса. Они медленно клубились под потолком, беззвучно заполняя его весь. И были похожи на струи огня из фильма «Адвокат дьявола». Время всё шло, а он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Нужно прочитать какую-нибудь молитву. Но какую? Ведь он толком не знал ни одной. Где-то в мозгу всплыла когда-то слышанная молитва. Точнее её кусочек. С трудом, взяv свинцовой рукой крестик и зажав его в кулаке, стал повторять: «Помилуй мя, Господи, и во благости своей прости мне прегрешения». Ужас продолжал струиться. «Возьми себя в руки», – мелькнула мысль, пробивающаяся откуда-то из глубин головного мозга. И хотя Ужас продолжал давить, появились какие-то робкие мысли: «Почему? С чего? Как всё это началось?» И вдруг он всё вспомнил. Это был сон. С него всё и началось.

Он увидел себя в старой квартире, в галерее, на подоконниках которой в изобилии стояли горшки с цветами. Но единственным, всепоглощающим его чувством было чувство дикого Ужаса. «Он здесь!!!» – завопили все клеточки его мозга. «Он здесь !!!». Сделать шаг к окнам стоило больших трудов. В этот миг, заслоняя всё, над ним медленно проплыла большая чёрная тень, напоминающая гигантскую летучую мышь с огромными крыльями. Не меньших трудов стоило сделать ещё один шаг налившимися свинцом ногами, медленно поднять голову и посмотреть вверх.

В верхнем окне застеклённой веранды он увидел... ЕГО!!! Что-то большое и страшное приковало его к месту, не давая ни двинуться с места, ни вздохнуть, ни оторвать взгляд. Он сидел на стекле за окном в позе Человека-Паука. Отполированный череп цвета слоновой кости, на скулах и подбородке – золотые пластины с узорами, как у римских легионеров, на голове же – золотая корона. Пустые глазницы зловеще светились потусторонним красным светом, излучая плотные волны Ужаса. За плечами беззвучно, как в немом кино, полоскался и трепетал огромный чёрный плащ с ярко-алым подбоем. И над всем этим – мёртвая тишина. Неимоверным усилием всей

своей воли он сумел отвести глаза от НЕГО и повернуться спиной. Теперь нужно было заставить себя двигаться. К счастью, ему это удалось. Он шёл через комнаты, чувствуя на затылке прожигающий взгляд этих пустых глазниц, и с трудом сдерживался, чтобы не заорать благим матом и не побежать. В одной из комнат дочь занималась каким-то делом. Он даже не разглядел, чем. То ли что-то складывала, то ли переносила на другое место.

– ОН здесь!!! – проговорил он непослушными губами.

– Кто? – спросила дочь, не отвлекаясь от своих дел.

– Да ОН же, ОН !!!

– Кто? Подожди, папа, не мешай.

Он понял всю бессмысленность своего поведения.

«Она же его не чувствует. Она его просто не видит», – мелькнуло у него в голове.

Пройдя дальше, в другую комнату, он увидел жену.

– Ты представляешь, ОН здесь! – с трудом вымолвил он.

– Чего же ты хочешь? Скоро пятое число. ОН же знает, что у меня скоро день рождения, – ответила ему жена, продолжая заниматься своими делами. Его почему-то не удивило её спокойствие. Оно просто заставило его попытаться взять себя в руки. Тяжелейшим усилием он сконцентрировал всю свою волю и... проснулся.

Тараща глаза на зелёно-красные волны, он почувствовал, что Ужас по-прежнему вдавливает его в постель.

«Ты же дома, чёрт побери! Встань! Ты же мужик. Это просто сон. Да, страшный, но всего лишь сон».

Сделав несколько глубоких вздохов, он постарался восстановить дыхание. Получилось. Сердце немного успокоилось и уже не выскакивало из груди.

– Чудненько. Теперь встанем и покурим. Посидим на скамеечке, стоящей около входной двери.

Ни за какие ковриjки на свете он бы не признался даже самому себе, что он просто старается спрятаться, убежать, хотя бежать было некуда от этого страшного товарища. Может быть, здесь тот кусочек, где ОН не достанет его хотя бы визуально. Не выскакивать же за дверь в это ещё не проснувшееся утро.

Он уселся на скамеечке, стоящей около входной двери. Присмолил сигарету и пару раз глубоко затянулся, чтобы скорее оклематься. Помогло. Во всяком случае, руки уже не дрожали. Ещё несколько глубоких затяжек и Ужас отступил. Но не до конца. Ужас забился куда-то вглубь, но ещё был здесь, где-то глубоко в мозгу. Минут десять он сидел, курил, ещё и ещё раз прокручивая в голове свой сон. Прошло ещё немного времени, и он почти успокоился. Решил было докурить и лечь спать дальше, как неожиданно за дверью, в их маленьком дворике на троих соседей, сначала затяжал, а потом завыл какой-то зверь. Вроде собака, а вроде нет. Непохоже. Кто же это? Ну, явно не кошка. Постой, постой, да это же... шакал?! Да-да, именно шакал! Он узнал этот голос, точнее, вой. Так получилось, что противник пользовался голосом этих созданий для подачи сигналов в общении между собой на фронте. Первая мысль была, что это всё ещё сон. Но в этот моментвой повторился. Сомнений не было, всё это было реально. Здесь и сейчас. Прошло ещё несколько минут, и, как бы в подтверждение реальности, зверь завыл ещё раз. Догоревшая сигарета обожгла пальцы и он, затушив её, послюнявил пальцы. Так и сидел он, обалдевший, пытаясь разобраться, где же был сон, а где реальность. Он прошёлся по квартире, не зажигая

света, всё было сонно и спокойно. Он опять усился на скамеечку и снова закурил. Было что-то похожее в том, что с ним произошло. И он вспомнил. Странно было, что он вообще мог это забыть. Такой Ужас забыть невозможно. Он понял, что всё это был не сон, а реальность. Он уже просыпался от этого Ужаса. Тогда точно также из-за телевизора величаво поднимались зелёно-красные волны этого Ужаса, переходящие в стелящиеся под потолком клубы чёрно-красного огня. И точно так же этот Ужас вдавливал его. Но тогда он просто постарался заснуть, чтобы избавиться от этого наваждения. И, к счастью, тогда это ему удалось. Означает ли это, что то был знак свыше? Наверное. Теперь остаётся ждать третьего раза. Быть может, тогда всё встанет на своё место? Он посмотрел на часы. Было двадцать минут шестого. Немного успокоившись, он пошёл досыпать. Заснул он сразу, как будто провалился в глубокую чёрную яму...

Странная это штука – сон...

«Над землёй повисло небо – просто воздух. И зажглись на небе звёзды – миф и небыль, след вселенского пожара, свет летучий... Но закрыли звёзды тучи – сгустки пара. Слышишь чей-то стон и шёпот? Это ветер.

Что осталось нам на свете? Только опыт.

Нам осталась непокорность заблужденью. Нам остался вечный поиск – дух сомненья.

И ещё осталась вера в миф и небыль. В то, что наша атмосфера – это небо. Что космические искры – это звёзды...

Нам остались наши мысли – свет и воздух».

* * *

Снег, лес, сопки, речка.

На одной стороне наши в маскхалатах, на другой – армяне в чёрных бушлатах. Если посмотреть с высоты, то может возникнуть ощущение, что наблюдаешь за странной шахматной партией. Правда, она игралась не по шахматным, а по страшным правилам войны. И всё время в течение недели армяне сообщали, что идут бои, и они несут потери. Сначала все недоумевали. Как это? Но потом сообразили – они раскладывают по дням те пятьдесят человек, которые погибли в первом бою, и плюсуют новые потери.

Тишина длилась недолго. Армяне опять пошли вперёд. До наших позиций оставалось метров восемьдесят. У подножья сопки дорога делала поворот, а на склоне сидели наши бойцы, и один из них вёл наблюдение с поста, обращённого в тыл. Через несколько минут после начала атаки этот боец прибежал к комбату:

– Командир, сзади поднимаются армяне.

Командир повернулся к Пирату:

– Пярвиз, бери двух своих бойцов и занимай оборону. Береги патроны. Бить только прицельно.

У наших парней было преимущество. Били сверху. Спокойно. Расчётливо. По распластавшимся на снегу чёрным пятнам. Положили троих. Ещё трое были ранены. И армяне отказались от своей затеи пройти с этой стороны. Обозлённые «братья» подтянули миномёты. Начался обстрел. Не устану повторять, что больше всего не люблю эти дьявольские «подарки», всегда появляющиеся неизвестно откуда в самый

последний момент. Под шумок армяне сумели приблизиться и опять пошли в атаку. Меченый, лейтенант Ризван Мадатов, держал оборону в одном из ближайших к армянам окопов на сопке. С ним рядом был парень из Агдаша, чем-то похожий на ворону, за что и получил прозвище Гарга – Ворона. Рядом Ильгар Расулов. Одно ухо у него не слышало и ему дали прозвище Кяр – Глухой. Бой продолжался, и у наших стало складываться катастрофическое положение с боеприпасами. Поэтому кое-кому пришлось чуть оттянуться назад. Ризван стал прикрывать наших ребят. Оценив обстановку, он дал своим бойцам команду отходить.

– Пацаны, давайте назад. Я прикрою.

Он улёгся поплотнее, чуть поводил стволом из стороны в сторону, потом прогремел коротко и задиристо, остановился, прогремел опять и вдруг, заливвшись оглушительным треском, стал исполнять своё страшное соло. В несколько секунд раскалённые пули заплевали противника от края до края. В тот момент, когда он повернул ствол вправо, воздух над ним рассадило бледным огнём, что-то бросило его грудью на пулемет, и он перестал что-то видеть... Очнулся он очень быстро и, оглянувшись, увидел, что оба его бойца остались вместе с ним и продолжают стрелять.

– Я кому сказал – назад!

– Командир, вместе пришли – вместе и уйдём, – отозвался Гарагал.

Но вот закончились патроны у одного, потом у другого, а потом сухо щёлкнул пустой пулемет. Сразу стало непривычно тихо, и только сизый дымок поднимался от раскалённого ствола пулемёта.

– Чёрт! Всё взяли, кроме гранат, – сокрушённо сказал Ризван.

Он успел ещё разрядить весь магазин пистолета, убив одного и ранив двоих, прежде чем на них навалились армяне и начали их избивать. Ворону прикончили на месте, поскольку он умудрился хорошо врезать двоим. Четверо за ноги потащили жестоко избитого Ризвана. У подножья сопки его бросили в кузов ГАЗ-66. Глухого привязали сзади к бамперу и поехали. Наши всё это видели, но, к сожалению, ничем помочь не могли. Не могли даже застрелить их, чтобы ребята не мучились. Расстояние было большое, и достать их из стрелкового оружия не было никакой возможности. Да и патронов практически не было. Пленников приволокли в какое-то строение, довольно далеко расположенное от позиций. Они с трудом понимали, где находятся. Отделили офицеров и прaporщиков от солдат, но трое суток держали всех в одном месте. Солдат гоняли на рытьё окопов, а офицеров и прaporщиков непрерывно допрашивали и избивали. Потом Глухого отвезли куда-то в другое место. Там уже были наши пленные: с десяток солдат и одна женщина. С первых же минут Ильгара не покидала мысль о побеге. Он всё время прикидывал, как это сделать. В одну из длинных, холодных ночей им повезло. Им как-то удалось усыпить бдительность охранника и совершить побег. Трое суток они холодные, голодные, не зная местности, скрывались в лесу, и когда, тем не менее, добрались до нейтралки и стали разведывать, как добраться до наших окопов, не думая ни о минных полях, ни о преследовании, один из беглецов, родом с Губинского района, их сдал... Отчего он это сделал? Почему? Уже никто никогда не выяснит. Наутро их разбудили удары прикладов и громкая ругань. Потом их построили и пригнали к какой-то избушке на лесной поляне и заставили собрать много-много хвороста. Затем всех построили, привязали предателя к старому сухому дереву, обложили хворостом и облили бензином. Тот, уже не в силах кричать, был в полуобморочном состоянии. Напоследок офицер сказал ему:

– Ты должен был убежать вместе со всеми. А ты их предал. Предавший один

раз – сделает это ещё. И ты хочешь, чтобы мы тебя помиловали?
Затем, заставив всех пленных смотреть, они подожгли хвосты...

* * *

Холодные ванны не прошли даром для Пярвица, он подхватил крупозное воспаление лёгких и его отправили в Баку. Но всё это была ерунда по сравнению с тем, что началось на базе буквально через час после прибытия. Пацаны стали отогреваться, и тут пошёл отходняк. Все мелочи, на которые старались не обращать внимания на морозе, проявились в полной красе. Обмороженные руки и ноги начали болеть так, что эти пацаны стали криком кричать. Быстро сориентировавшись в ситуации, к домикам стали подгонять машины, включая и командирский УАЗ, и грузить людей, многие из которых не могли натянуть обувь. Им заматывали ноги и грузили в машины, которые тут же отбывали в госпиталь. Набралось порядка шестидесяти человек. Не дай Бог кому-нибудь когда-нибудь увидеть такое. Как от пальцев отслаивается мясо и остаётся голая кость! Как пальцы на руках и ногах отстригались ножницами, как отросшие ногти!!! Представить себе страшно, а увидеть своими глазами... Не дай, Боже, такого никогда и никому... Но самое потрясающее – это то, что когда этим парням в госпитале сказали, что они получат инвалидность и будут демобилизованы из армии, они устроили грандиозный скандал. Все как один заявили, что могут воевать, и потребовали, чтобы их вернули в батальон! Вы только на секунду представьте себе, какие это были парни! Какой у них был внутренний стержень!

* * *

Вот уже несколько дней батальон сидит на своих позициях. Армяне сидят на своих. Никто не предпринимает активных действий, только работа разведки и редкие кратковременные перестрелки. К утру пятнадцатого уточнили, наконец-то, район, где будет выходить группа Шерлока; Красный уже вышел. Осталась только группа Саиба, хотя у неё прошли все контрольные сроки. Но с ней связи нет. Неужели батальон можно будет отвести на отдых? Даже не верится.

Пятнадцатого февраля батальон неожиданно получает задачу перейти в наступление! В противном случае «ноль третий» обещает захлопнуть мышеловку! Что за мышеловка? Зачем? С какой целью? Столько вопросов и ни одного ответа. Непонятно... Может быть, это шутка «ноль третьего»? В таком случае – не самая удачная. То ли... В голову начинают лезть разные мысли. Ведь, начиная с января, потери батальона убитыми, ранеными, обмороженными и пропавшими без вести составили двадцать пять процентов! По всем законам войны, часть, понёсшая такие потери, выводится из боя на отдых и зализывание ран. Этого не происходит потому-де, что батальон неким заменить! Но, пардон, уже на конец ноября военкоматы поставили под ружьё сто сорок тысяч человек! Из них реально на фронтах – семьдесят тысяч! И что? На весь такой стратегический район нельзя наскрести хотя бы две-три тысячи человек? Не могу поверить. Ну не могу... Нельзя было заранее подготовить линию обороны? Некому было копать окопы? Или некогда этим заниматься? Бизнес превыше всего?!

* * *

Все с нетерпением ждали утра следующего дня. Нас будут менять. Двенадцать

часов пятьдесят минут. Батальон, сидящий в обороне в окопах шестые сутки, получает команду в тринадцать ноль-ноль атаковать противника!!! Что называется, с места в карьер. Но в двенадцать ноль-ноль такой же приказ получает сосед слева – «три восьмёрки». А батальон с утра собирались заменить другим подразделением. Но почему-то решение откладывается до вечера, а днём поступает приказ – атаковать! Тогда почему не согласованы никакие действия? Ни с кем. Почему всё утро молчит вся приданный, как говорят, артиллерия бригады? Распоряжение на атаку приходят от «ноль второго» и, опять-таки, устное, а не письменное. А устными распоряжениями и приказами мы научены с лета 1992 года. И вряд ли промёрзший батальон сможет выбрать без артподготовки, да пожалуй, и с ней, противника с господствующих высот при свете дня. Такими темпами потери батальона могут реально составить семьдесят пять процентов, если не все сто. И это за двенадцать, тридцать дней. Вопрос – кому и зачем это нужно? Ведь если батальон сидит в обороне, то противник должен собрать минимум трёхкратное превосходство. Но лучше пятидесяти кратное превосходство по всем параметрам. И ещё неизвестно, чем дело кончится. А если промёрзший батальон, не обладающий вообще никаким превосходством, бросают на противника днём, да ещё снизу вверх, это может означать только одно: уничтожение батальона как боевой единицы. Может быть, я несколько расфилософствовался, но думаю, что имею на это право. И потом, если уж «пошла такая пьяня», значит, нужно создать глубокоэшелонированную оборону силами гражданского населения, чтобы даже небольшое подразделение могло вымочить противника на трёх, четырёх, пяти, шести линиях обороны, нанося ему большие потери. И уж если совсем нет войск, то существует такая система: народное ополчение. И пока враг не будет остановлен или разбит, или не подойдут свежие части, каждый мужчина, способный носить оружие, должен защищать огонь своего очага, а не оставлять его и землю предков на поругание захватчикам. Или национальной гордости совсем не осталось? Или это нужно сделать насилино? А если вся эта земля планируется для сдачи, в чём я всё-таки очень сомневаюсь, не стоит класть головы лучших сынов азербайджанского народа в угоду чьим-то амбициям.

Но всё-таки разум возобладал. На смену нашим бойцам пришёл местный батальон. Виват! Подготовили акт приёма-сдачи позиций, карту минных полей. Вновь прибывшие двинулись на позиции. Сначала они были настоящими боевиками без страха и упрёка. В лихо заломленных беретах, с зелёными повязками на головах.

– Мужики, вы бы лучше ушанки надели, не лето всё-таки, – сказал им кто-то из офицеров.

– Всё нормально, не боись, – ответили ему.

– Ну-ну...

Прошли мимо кладбища. Они боятся, смеются. Шейх подошёл к ребятам и сказал:

– Тихо разговаривайте. Слышимость здесь хорошая, а армяне близко.

Но те продолжали бурно общаться между собой. Прошли ещё немного. Куда делись их удаль? Пошли другие разговоры, да и громкость поубавили. Шейх улыбнулся и подошёл к командиру.

– Батя, пошли уже совсем другие разговоры. Они боятся.

Прошли ещё немного. Местные уже чуть ли не в панике, но пока открыто ничего высказать не могут, с ними ведь наши идут. Прошли ещё немного. Они стали останавливаться, ссылаясь на усталость. Шейх опять к командиру. Тот в ответ:

– Останавливаются – их дело. Акт подписан. Идут, не идут – их проблема.

Самое интересное, что армяне до последнего момента так и не знали, что вся эта толпа была у них в тылу, а поскольку переговоры по связи велись только на русском языке, и все были в масках, они утверждали, что это «советская армия!», ну не могут «азики» так воевать!. Приятно, чёрт побери.

Вскоре появился Комбат. До базы добрались без приключений и, дав необходимые указания, Комбат отправился в баню. Прогреть свои косточки, а заодно и помыться. Пар был потрясающий, вода ласковая, пена воздушная, и всё было так здорово, что время пролетело незаметно. Когда размякший и умиротворённый Комбат заехал на базу, его встретил дежурный по части, сообщивший, что Комбата срочно вызывают в штаб. Ёксель-моксель! Да ведь только что оттуда! Значит, опять какое-нибудь говно! С командиром отправился Шейх. Совсем недолго пробыл в штабе, Комбат появился злой и раздосадованный. Сдвинул шапку. Закурил. Затянулся почти на половину сигареты.

– Что? – спросил Шейх.

– Эти суки сдали позиции. Практически сразу. Сдали всё. Все Тонашены. И первый, и второй и третий! Разве что Достагир не отдали, только потому, что там находится наш пост.

Впоследствии на вопрос, «Почему вы сдали позиции?», в ответ прозвучала фраза: «По нам стреляли!»

Простите, вы сели в прекрасно оборудованные окопы. Мы их выкопали за шесть суток под огнём противника по всем правилам инженерного искусства. Когда нас обстреливали, мы не имели возможности прятаться в окопах. Их просто не было. А вы сели на оборудованные позиции. Почему же так случилось? В ответ разведённые руки.

«Братья» не замедлили воспользоваться подарком наших пендригонов и первый удар нанесли на стыке «сто тридцадки» и «сто пятьдесят седьмого» на Талышском направлении, понеся при этом большие потери. Второй удар они нанесли по Ишиглы, третий – по Ерек-Манук. Мы срочно сели на позиции. Хачики забуксовали. Возникла небольшая передышка, что дало возможность вплотную заняться оборудованием позиций. И позиции должны были быть на высшем уровне. Вместе с тем, каждый день в установленное время радисты выходили на связь и пытались найти группу Саиба. Очень хотелось верить, что с этими мальчишками всё будет нормально, и рано или поздно Саиб выведет свою группу.

* * *

Эта четырнадцатидневная «прогулка» группы Саиба ещё напомнила о себе Старому, когда тот так же добровольно, как и вступал, решил уволиться из вооружённых сил. Когда, уже после объявления перемирия, батальон в ноябре девяносто четвёртого вернулся в ППД, начались необъяснимые, на первый взгляд, пертурбации. Сначала по разным частям были разбросаны девяносто процентов бойцов, принявших участие в боевых действиях. Парни, имеющие прекрасную подготовку и хороший боевой опыт, по два, по три человека были раскиданы по разным частям. На их место были призваны пацаны-срочники. Потом стали спускаться новые штаты, потом были разбросаны по разным частям многие офицеры, прошедшие войну. Получалось, что в этой части такие люди не нужны. Сначала все эти варианты вызывали удивление, но потом всё стало понятно. Такая сплочённая и боеспособная часть вы-

зыvala определённые эмоции и была не нужна, если просто не мешала кому-то... Потом появился новый начальник отдела разведуправления. Это, конечно, был уникальный товарищ. Пока шли бои, он учился в Москве, в академии Спецназа. Окончив её, он почему-то не приехал в Баку, а отправился в Самару и занялся бизнесом, открыв там какую-то компанию! Через несколько месяцев после объявления перемирия он вдруг появился в Азербайджане и стал начальником отдела управления разведки! Тут же посыпались «гениальные» приказы.

– Надо работать день и ночь! Враг не дремлет! Кругом полно шпионов и с ними нужно бороться! Работать и работать, не жалея жизни своего! Идёт война! Спать будем после войны!

Где же ты был, родной, пока война шла?

Несколько раз офицеры оперативно-разведывательного отдела (ОРО) оставались до утра, чтобы выполнить поставленную задачу к назначенным девятым часам утра. Но каждый раз начальник, поручивший эту работу, появлялся на службе не раньше четырнадцати часов! Вопрос. Зачем же гонять людей, если задача никому не нужна? На фронте, когда это было нужно, офицеры не спали сутками, и никто никогда не роптал. Война. Но здесь и сейчас? Для чего? Чтобы показать своё «я» начальнику? Это надо было делать не здесь и не сейчас!

Старый понял, что дальнейшее пребывание в вооружённых силах нецелесообразно, но уйти с должности начальника ОРО так просто не удастся. К этому времени в батальоне был разработан штат, учитывающий приобретённый боевой опыт, лучшие эпизоды деятельности зарубежных спецподразделений, учитывающий экономические возможности государства. По новому штату была организована учебная рота, инструктором по связи в которую и перевёлся Старый. Через некоторое время начальник управы спустил новый штат. Штат был явно кастрированный. Убирались подразделения спецминирования, легководолазное, огневой поддержки, переводчиков, учебная рота полностью! Зачем же людей чему-то учить? И так сойдёт! Со всеми выведенными за штат офицерами начальник проводил личные беседы непосредственно в батальоне. Последним попал на приём Старый. И хотя до этого, в приватной беседе, он сообщил начальнику о своём желании уйти из армии, тем не менее, и он был вызван «на ковёр». Начальник долго перебирал бумаги Старого, делая какие-то пометки. Старый терпеливо ждал.

– Ну что же, – начал начальник, – право, я и не знаю, что вам предложить.

– Я прошу вас уволить меня из вооружённых сил. Я пришёл в армию добровольно и добровольно хотел бы из неё уйти. Поскольку я пришёл воевать, а боевые действия закончены. И потом, в моём возрасте уже поздно делать военную карьеру. В моём возрасте люди уже носят полковничьи и генеральские погоны.

– Ну что вы, нам нужны такие офицеры, как вы.

– Господин полковник, я хочу уйти добровольно.

Полковник как будто и не слышал Старого.

– К сожалению, в этом батальоне для вас свободной должности нет.

– Вот и увольте меня, зачем мучиться.

– Но я могу вам предложить место в Перекишюле. Я вам предлагаю должность командира разведгруппы.

Старый понял, что полковник не слышит его, но предложение полковника его несколько развеселило.

– Господин полковник, во-первых, есть такое понятие, как возрастной ценз. Не

мне вам объяснить, но, по-моему, вы просто забыли, что командиром разведгруппы может быть офицер в возрасте до тридцати пяти лет. А мне уже, простите, сорок. Неувязочки получается. Во-вторых, я был начальником разведотдела. У меня в подчинении всё это время было сорок восемь групп. И справлялся я неплохо. Так что становиться командиром группы мне просто западло. Вы знаете, я получил три офицерских звания за три года. Все досрочно. Если вы не можете меня просто уволить, пожалуйста, снимите моё офицерское звание и увольте с моими старыми погоны. Я это переживу. Я пришёл сержантом советской армии и уйду таковым.

– Здесь есть свои сложности. Мы не можем так просто снять офицерские погоны. Единственный вариант: мы можем уволить вас за дискредитацию высокого звания офицера азербайджанской армии.

– Ну вы даёте!!! Может быть, вы меня ещё и в дисбат отправите? Спасибо большое, полковник, но вот этого я уж точно не заслужил. Если я не нужен этой армии, то и эта армия мне не нужна.

Засим Старый покинул кабинет начальника. И написал рапорт с единственной приемлемой причиной: «В связи с отъездом на историческую родину».

Потянулись дни ожидания. Прошёл месяц, второй. Никаких сообщений. Старый недоумевал. Хоть какое-то известие должно было бы быть. Прошло ещё немного времени. Неизвестность начинала действовать на нервы, и Старый обратился к комбату:

– Старику, что-то я не пойму ничего. Уже все сроки прошли, а воз и ныне там. Узнал бы что-нибудь.

– Да ты понимаешь, под тебя особое управление копает.

– Не понял! И что теперь?

– Да ничего. Поковыряются, и всё будет нормально.

– Ну, спасибо, родной, успокоил.

– Не психуй. Я думаю, через несколько дней всё будет нормально.

И действительно, прошло несколько дней и Старого уволили в запас. Звёздочки с него не сняли. Но вся эта история не давала ему покоя, и он раздобыл кое-какую информацию по своим каналам. Выяснилось, что инициатором всех этих проверок был начальник управления разведки! Тот самый полудюймовый полковник. То ли обидел его Старый, то ли лишний раз пытался прогнуться перед вышестоящими начальниками, то ли просто был сукой. Скорее, последнее.

Обычно по понедельникам в разведуправлении собирались совещания командиров и начальников разведки всех войсковых частей этого управления. И Старый за время службы неоднократно принимал участие в этих совещаниях и лично знал всех участников, а со многими не раз выполнял общие задачи в зоне боевых действий. И вот как-то, когда Старый был уже выведен за штат, начальник управления поднял на совещании один вопрос:

– Господа, – начал он. – По моим сведениям, один из, к счастью, уже бывших офицеров работает на армянскую разведку!

Офицеры оживлённо зашумели. Начальник сделал театральную паузу.

– И кто же это? Кто? – раздались возгласы.

Начальник ещё немного помолчал и сказал:

– Сапрыкин!

Офицеры зашумели:

– Сапрыкин, Сапрыкин... Кто такой Сапрыкин? Это Старый, что ли? Старый? Да

ерунда это. Какой же он шпион? Мы с ним четыре года общались и не только за столом. Глупости это, полковник.

– У меня есть сведения... – пытался продолжить начальник.

– Мы думали, что-нибудь серьёзное. А это ерунда! Старого мы знаем. Такими темпами нас всех можно сделать шпионами. Нет, полковник, ты не прав!

В этот раз у начальника ничего не вышло.

Но то ли начальнику уж очень хотелось поймать шпиона и получить сладкую сахарную косточку, то ли его обидело отношение других офицеров, но он не оставил попыток «разоблачить» врага. Он долго искал кого-нибудь и нашёл... Саиба. Тот был несколько удивлён ласковым приёмом, но не подал вида. Начав издалека, начальник поинтересовался у Саиба: «как жена? как дети? как сад? как виноград?». Потом аккуратно перешёл к интересующей его теме. Но Саиб был готов к любым неожиданностям.

– Нам стало известно, что в вашей части уже давно работает агент армянской разведки! И притом на весьма хороших должностях.

– Кто же это?

– Это ваш начальник разведотдела, он же замначальника штаба. Насколько я знаю, он даже был выездным начальником штаба. Вы представляете? Какую информацию он мог передать.

– И что, много передал?

Начальник несколько смущился.

– Мы над этим работаем.

– Подождите, это же вы про Старого?

– Да, да, да, про Сапрыкина, про Старого.

– Господин полковник, но ведь если он шпион, то почему он не сдал батальон в девяносто втором в Физули? А в девяносто третьем – в Губадлы? Ведь у него же была печать и все документы. Как-то нелогично получается. И почему он не ушёл к ним? Взял бы и сдал командира.

– Не знаю, не знаю. Может, у него не получилось, может, не было возможностей...

– Да у него была масса возможностей. Просто он не бежал от войны, как некоторые... А сколько раз он забрасывал группы в тыл? Сам ходил. Взял бы, да и ушёл.

– Наверное, его домашние сдерживали его?

– Но если бы он работал на армян, почему он семью не переправил? Хотя бы в Россию? – Саиб стал заводиться.

– Не знаю, не знаю. Но всё же я почти на сто процентов уверен, что он работает на армян. А взять вашу последнюю вылазку! Вы же потеряли двоих людей. Да и вышли с трудом. Разве это не так?

– Так, только не совсем.

– Ведь столько дней он вас не мог вытащить. Явно – враг!

Вот тут уже Саиба замкнуло:

– Послушай, полковник, это вы здесь отказались от нас, когда кончилось контрольное время. Только Старый верил, что мы выйдем. Мы без карты шарахались четырнадцать дней и вышли только на его голос, как на радиомаяк. Если бы не он, мы бы вообще могли не выйти. Ты можешь это понять, полковник?

– Что вы себе позволяете? Вы защищаете врага!

– Да пошёл ты на...! Сам ты враг. Побольше бы таких врагов, как Старый!

Хлопнув дверью, Саиб ушёл от главного разведчика. Но и это не убедило полковника, и ещё какое-то время Старым занималось особое управление. Но, видно, и там работали нормальные мужики. И вскоре дело было закрыто, и Старый уволился.

* * *

Группу Саиба поехали встречать Колдун со Старым. Бойцы, усталые, голодные, но спокойные расположились около дороги. Несколько человек, включая командира и его зама, сидели и с кайфом затягивались сигаретным дымом. Остальные вполовину лежали прямо на земле. Около них суетились немногочисленные батальонные медики.

Поздоровавшись, Колдун первым долгом обратился к медикам:

– Ну, и?..

– Все очень истощены...

– Это не страшно, откорим, – перебил эскулапа Комбат. – Что ещё?

– Раненого с переломом я осмотрел, наложил шину, но его надо в госпиталь.

И самое главное, почти у всех обморожение той или иной степени. Единственное что сделали, так это напоили их горячим чаем. Есть им пока нельзя. Нужны бульон и чай. Как можно больше чая и желательно с коньяком.

– Ясно. Всех обмороженных быстро в машины и в госпиталь. Ты как? – обратился он к Саибу.

– Да мы нормально, – ответил тот за себя и за сержанта.

– Тогда на базу и отдыхать.

– Мне бы доложить, – сказал Саиб.

– Сейчас садишься в УАЗ. По дороге расскажешь. Потом – отдыхать. Выспишься – напишешь отчёт. Вопросы?

– Всё ясно, командир.

– Тогда вперёд.

Уже потом, на базе, сидя со Старым за картой, Колдун произнёс:

– Всё ничего. Одно плохо. Слишком много обмороженных.

– Ты скажи спасибо, что они все дошли своими ногами. Это вообще чудо.

Столько дней на морозе, без еды. Будем надеяться, что обморожение у пацанов не очень сильное.

– И всё это при том, что мы использовали гусиный жир, – сказал Колдун.

– Да уж, если бы не было этого жира, я не знаю, чем бы дело кончилось.

Они замолчали, думая об одном и том же. Об этих мальчишках, из которых очень многие станут инвалидами, об этих нечеловеческих условиях вроде бы не такой страшной зимы, об этой грёбанной войне, поставившей всё с ног на голову.

* * *

Времени на отдых не было. Противник, хотя мы ему и настучали по роже, мог начать наступление в любой момент. Как позже выяснилось, в период разборок батальона с «братьями»-армянами в районе Тонашена-3, горы Кечаль Даг, приказом министра обороны Армении все заключённые, находящиеся в лагерях Шаумяновского района, были вывезены в Нагорный Карабах и после необходимой подготовки брошены в бой – с задачей взять Гюлистан и весь Шаумяновский район. В связи с этим все зэки были амнистированы. Но в районе Тонашена-3, понеся большие потери, зэки стали дезертировать. Тогда было принято решение создать отряды самообороны из

местных жителей. Это тоже не очень помогло, и тогда позади этих формирований были выставлены заградительные отряды из состава регулярных войск Армении, в частности, из военнослужащих полка внутренних войск Армении – ЕГНИК. Когда началось массовое дезертирство, заградотряды уничтожили практически всё это «народное ополчение». Все погибшие были захоронены в районе населённого пункта Талыш. По нашим сведениям, там захоронено около шестисот(!) военнослужащих вооруженных сил Армении. На сегодняшний день они числятся пропавшими без вести. Все они были захоронены там, чтобы скрыть численность потерь за период наступления в апреле-мае. Армянское общество по розыску пропавших без вести считает, что эти люди находятся в плену. Но все эти военнослужащие, дабы не доставлять их тела в Армению, были захоронены на территории Нагорного Карабаха. Председатель ЦК партии Дашнакцутюн, мать полковника Мкртчяна в своих поисках вышла на наши спецслужбы и получила справку, что может искать своего сына среди погибших, захороненных в районе Гюлюджа-Суша.

В весенних боях против наших войск на Тертерском направлении принимали участие: Шушинский штурмовой полк, командир полковник Ишхаян; 83-я отдельная мотострелковая бригада, командир полковник Григорян; полк внутренних войск ЕГНИК; Степанакертский штурмовой полк; части и подразделения, сформированные в Эчмиадзине и Масисе; Сирийский батальон Араба; 1-я Арагатская бригада; 555-й Вардашенский мотострелковый полк; Аскеранский 4-й мотострелковый полк, командир Юрик Варданян; Гадрутский отдельный механизированный батальон; Мартунинский отдельный батальон. В общей сложности, около шестнадцати тысяч человек! Общее руководство на Тертерском направлении осуществляла оперативная группа Министерства обороны Армении под командованием бывшего заместителя министра обороны СССР, начальника организационно-мобилизационного управления вооружённых сил СССР генерал-лейтенанта Тер-Григорянца!

* * *

Не зря мы в своё время представлялись стройбатом! Строить пришлось столько, что не позавидуешь. Да ещё в самые короткие сроки. Вообще на войне сами бои занимают мизер времени. Основное время уходит на подготовку, бухгалтерию, то бишь, на составление приказов, распоряжений, предписаний, карт, сопроводительных документов, отчётов, рапортов и прочей многотонной бумажной нагрузки и на перенесение с одного места на другое тысяч тонн земли, стройматериалов, обеспечение и обслуживание. Итак, мы – копатели! Строим оборону вдоль правобережного Тертерского канала от шлюза, минуя пересечение канала с дорогой на Умудлу, далее вдоль дороги Кармирован-Агдере, пересечение дорогами Маргушеван-Агдере, Маргушеван-Умудлу, с целью не допустить противника к населённому пункту Джераберт в направлении поста ГАИ и населённого пункта Кармирован. Помимо всех уставов и наставлений, придумывались такие укрепления и позиции, что приехавший как-то начальник инженерной службы бригады, глядя на позиции миномётчиков, оторопело заявил:

– Мужики. Я такого ещё не видел. Это же потрясающе! Как вы додумались?
– Жить захочешь – ещё не такое придумаешь, – ответили ему.

Инженер тут же схватился за блокнот и стал зарисовывать. Бойцы накопали такие лабиринты, что для того, чтобы не заблудиться в паутине траншей, опутавших район обороны, пришлось вешать таблички: «Улица 28 апреля», «Улица Низами»,

«Проспект Кирова» и т.д. В один из дней Старый приехал для какой-то проверки. Заболтавшись с офицерами, он повернул налево, а не направо, и оказался на позициях первой роты, хотя направлялся в четвёртую. Пришлось возвращаться назад и поворачивать в нужном месте. Но шедевром оборонительного сооружения получились позиции, возведённые на самом танкоопасном направлении – на левом фланге от трассы Тертер-Агдере. На склоне был вырублен виноградник. Очевидно, бойцы местного батальона, располагавшиеся до нас на этом участке, вырубили виноградник, чтобы не дать возможности противнику скрытно подобраться к позициям. Но что-то у них не заладилось, и нас кинули на эти позиции. Хотя те жалкие ямки и окопами-то было нельзя назвать. Во всяком случае, этот голый пупок был весьма соблазнителен для противника. Комбат долго и молча курил, поглядывая на аккуратно сложенные бетонные столбики, выкорчёванные в винограднике, а потом сказал:

– Строим линию Маннергейма!

– ???

– Каждому бойцу – по бетонному дворцу! – скаламбурил комбат. – Для тех, кто в танке, объясняю: каждому бойцу оборудовать окоп бетонными столбиками. Вопросы?

– Всё ясно, командир.

По два бетонных столбика, а каждый был сантиметров пятнадцать в толщину, укладывали на бруствер с фронта, оставляя амбразуру для ведения огня, по одному столбику справа и слева. Это была основа. Затем поднимали всё это сооружение на высоту шести, семи столбиков. Получались стены. А потолок выкладывали в три на-ката и пересыпали грунтом. Всё это сооружение пересыпалось землёй, и вновь рожденный бугорок маскировался дёrrном и зеленью. В результате получилась целая система ДОТов. Один из бойцов, небольшого росточка, решил обезопасить себя и с тыла. Он возвёл бетонную стену и сзади. Так что забраться в этот бункер можно было только на карачках.

Из тех же бетонных столбиков был сооружён и КНП. Получилось здорово. Как потом, в ходе боёв, выяснилось, эти персональные ДОТы выдерживали прямое попадание лёгких снарядов и мин. Что в конечном итоге спасло жизнь многим нашим парням. Но труднее всего пришлось, конечно, бойцам второй роты. За спиной у них был канал, а впереди – минное поле. На самой бровке минного поля стоял ржавеющий комбайн. По приказу Командира на минном поле были проделаны неширокие проходы. Окопы оборудовались так, чтобы не снимать противотанковые мины. На всякий случай. Так что двигаться нужно было аккуратно и внимательно.

* * *

Привет, любимая. Ты удивлена? Это я. Не дождался твоего письма и решил чиркнуть тебе пару строк. За последние дни здорово вымотался. Возводили бетонные укрепления супротив ворога треклятого. Напахались по самое не хочу. Зато теперь можно спокойно ожидать любую неприятность. Правда, настроение какое-то серое, облачное, будто какая-то тень набежала нежданно-негаданно. Взял книжку, рассеяться, и надо же, попалось вот такое стихотворение.

*«А что такое тень –
Ты не спроси у эха.
Но его задень –*

*И пойдёт потеха!
Спрашивать у эха
Можно целый день.
Что такое эхо –
Это знает тень.
Скрылась тень от света
За своим предметом.
Эхо – по науке –
Держится при звуке.
– Как вам отражается?
– Как вам повторяется?
– Ничего, спасибо,
так, как полагается.
Время не помеха:
Им что век, что день...
Тень – предмета эхо.
Эхо – звука тень».*

Ужасно по тебе соскучился. Скорее бы вырваться хоть на часок, утонуть в твоих бездонных глазах, зарыться лицом в твои волосы и целовать, целовать, целовать.

Всё будет хорошо. Надеюсь, что скоро смогу приехать. Но не будем загадывать. Люблю. Целую. Жду. Я.

* * *

Серебряным расплавленным шаром поднялось солнце, и треть янтарного небосвода затянуло, словно паутиной, тонкими нитями. Кое-где в небе плыли сероватые облака. День обещал быть спокойным. Старый только собрался на завтрак, когда его срочно вызвали в радиокомандирскую.

– Подрыв, – сообщил Старому дежурный радист.

Старого как будто окатили холодной водой. Только два дня назад подорвались два человека. Это были отец с сыном, приставшие к части и только-только оформленные приказом. И вот опять...

– Кто? – спросил Старый.

– Вагуля...

Радист ещё что-то говорил, кого-то перечислял, но Старый этого не слышал. Позавчера Вагулю перевели в роту. Он не выполнил подряд два задания и в последнее время стал порядком зазнаваться. Было принято решение перевести его в роту для оказания помощи командиру роты в работе с документами и «подкручивания» гаек. Конечно же, временно. Ему не сказали, что это воспитательное мероприятие, но ротному было приказано ни в коем случае не брать Вагулю на позиции. Ни под каким видом. Воспользовавшись, что ротный сам был на позициях, а смену бойцов осуществлял кто-то из сержантов, Вагуля влез в грузовик. И вот... Тут же был вызван командирский УАЗ, и Старый с Колдуном выехали на место трагедии. Говорить не хотелось, но каждый в душе надеялся на лучшее: вдруг радист ошибся? Вдруг это лёгкое ранение? Пока добрались до места, солнце спряталось в тучах, как будто стесняясь своего весеннего настроения. Задул пронизывающий ветер. УАЗ, проехав через мостик, остановился около вырубленных в земле ступеней. Офицеры поднялись наверх. Грязно-бурый ковёр покрывал землю. Там, где разрывались снаряды, ковёр

этот был порван, издырявлен чёрными воронками, испятнан минами. Чем ближе к переднему краю, тем больше виделось этих безобразных пятен, словно тут паслось огромное стадо кабанов. Воздух был чист и прозрачен. К комбату подошли Диспетчер и Саиб. Какой-то умник посчитал, что комбайн служит ориентиром для артиллерии противника, и приказал его подорвать. Ежу было понятно, что и без этого комбайна у противника все эти позиции были пристреляны, но на все доводы была одна реакция: «Подорвать!» И Вагуля вызвался это сделать. Мальчишка! Почему не сапёры? Он взял с собой четверых молодых солдат и решил показать им, как это делается. Да, его учили этому. Но он делал это под контролем сапёра. И потом, сто раз объясняли, что если ты хотя бы на секунду засомневался, не трогай мину, убедись, что под нею нет сюрприза. Нужно бросить «кошку» и постараться сдёрнуть мину, чтобы убедиться, что там нет никакой ловушки. То ли он забыл это сделать, то ли решил «порисоватьсь» перед молодыми, но он нарушил это правило. Один из молодых задержался, завязывая шнурок на ботинке, и чуть не дошёл до мины, остальные же, сгрудившись вокруг Вагули, внимательно наблюдали. Он вывернул взрыватель, по всем правилам окопал мину, но потом, не проверив, взял за ручки и стал вытаскивать.

«Что-то тяжело пошла... Неужели...» – мелькнула мысль.

Это было последнее связное впечатление – потому что в ту же секунду что-то завертело, смяло Вагулю, и он, уже не сознавая себя, полетел над какой-то оранжевой кипящей пропастью... Потом мрак...

Так случилось, что это была «этажерка», и когда Вагуля стал поднимать мину, сработала вторая, находящаяся под первой. Взрыв был настолько сильным, что верхнюю мину как будто разрезали ножом. Ровненько на две половинки. Слава Богу, что вторая мина не сдетонировала. Обезображеные тела молодых, вернее, то, что от них осталось, далеко разбросало взрывной волной. Но их хотя бы можно было опознать. Тела Вагули... да простят меня его родные... не было...

Старый с Колдуном подошли к воронке. Недалеко валялся практически целый ботинок, клочки чёрной коленкоровой куртки, которую поверх бушлата носил Вагуля, обгоревшие купюры по сто и пятьдесят манат и, что самое удивительное, абсолютно целая фотография его девушки. Это не укладывалось в голове. Нет человека! Есть какие-то клочки, обрывки, и на дне этой самой воронки ничуть не пострадавшая фотография! Было ощущение, что кто-то невидимый просто положил её на дно воронки! Какая-то мистика...

Пока бойцы готовились прочесать канал в радиусе взрыва, Старый с одним из бойцов нашли несколько окровавленных фрагментов человеческого тела. Всё это поместились в небольшом целлофановом пакете. Бойцы, держась за протянутую через канал верёвку, по пояс в холодной воде, прочёсывали дно канала. Но... Когда погибает солдат, это всегда больно, но когда погибает человек, с которым общаешься каждый день по двадцать четыре часа в сутки... Это страшно и горько...

Через некоторое время Старый с Колдуном отправились на базу.

– Я сегодня нажрусь, – сказал Старый Колдуну, когда они проезжали через центр города.

– Не могу тебе этого запретить, – ответил тот и, немного помолчав, добавил:
– Да и не хочу.

Старый бросил пить после Агдама и уже больше полугода «брал взятки» шоколадными батончиками, хотя бар в штабной машине всегда был заполнен разными

напитками. Мало ли что. Затарившись двумя литровыми бутылками, командиры прибыли на базу. Старый пил, не закусывая, и не пьянел. Перед глазами у него стоял Вагуля. Живой, ироничный, собирающийся прожить долгую счастливую жизнь. Он часто повторял: «Со мной ничего не будет, я – везучий».

После очередной партии бутылок Старый сказал:

– Поехали куда-нибудь. Душно мне здесь, воздуха не хватает.

Через несколько минут командирский УАЗик доставил их в небольшой ресторанчик. Немного там посидели, но Старому мешало веселье посетителей. Он понимал, что они ни при чём. А ни при чём ли? Его раздражало, что они сейчас веселятся и им всё по барабану, а парень, приехавший из Баку защищать их дом – погиб!

Машина забросила их в другой кабачок, где Старый чуть не устроил драку. Комбат еле его успокоил:

– Хорош. Успокойся. Местные-то ни при чём.

– А кто при чём? Если бы они защищали свои дома, свои семьи, нам не нужно было бы сюда приезжать. Они бы и без нас справились. Киши! Ан нет. Они едут в Баку, в Москву, к чёрту на кулички. А мы за них воюем. Мы теряем парней, а они кайфуют и веселятся! Козлы!

– Согласен, козлы. Но ничего не поделаешь. Так уж случилось.

– Ты понимаешь, я ведь обещал его матери, что с ним ничего не случится. Как я ей скажу об этом? Как я ей в глаза посмотрю?

– Это война, Старый.

– На фига я перевёл его в роту? Сейчас был бы жив и здоров.

– А на фига он не выполнил приказ и поехал на позиции? Ладно, давай выпьем.

Они молча выпили. И ещё раз. И ещё. Старый хотел, чтобы его разобрало, но ничего не получалось. А вот комбат стал хмелеть.

– Поехали домой, – предложил Старый.

На базе комбат спросил:

– Ну, ты как?

– Спасибо, дерьмометр зашкаливает.

– Тебя проводить?

– Да нет, я сам. А ты иди, отыхай, тебя немного развезло.

– Не без этого. Ладно, я пошёл.

Старый открыл двери штабного кунга и увидел офицеров разведотдела и Шаргию халу. На столе стоял стакан водки с кусочком хлеба.

– Наливай.

Часа в два ночи осталось немногих людей. Спиртное уже не влезало в Старого, но желаемого результата он так и не достиг. Хмель, конечно, был, но не такой, чтобы разом вырубиться.

– Мужики, давайте на боковую, завтра работать.

– А ты?

– А я пойду, проверю посты.

– Да всё нормально. Сегодня толковый дежурный по части.

– Мозги не делайте. Я сказал, пойду проверять посты, значит, пойду.

В подавленном настроении Старый вылез из машины, закурил и пошёл к ближайшему посту. Через некоторое время он услышал, что за ним кто-то идёт.

– Ты кто?

– Часовой.
– Ну и стой себе на посту. Какого дьявола шарахаешься за мной?
– Мне комбат приказал сопровождать вас.
– Я сам дойду.
– У меня приказ командира.
Спорить сил не было.
– Чёрт с тобой. Только иди сзади.
Старый вразвалочку обошёл все посты. Службу несли исправно, и придраться было не к чему.
«И побазарить не с кем», – подумал Старый.
Вернувшись к штабу, он присел на лавочку, закурил и поднял голову к небу.

«Ночное небо смотрит тысячью глаз, и от этого Земле не так одиноко. Можно выбрать любую звезду и смотреть на неё до утра – это гораздо лучше, чем спать, хотя некоторые придерживаются другого мнения. Можно зажечь свои огни и посигналить в пространство: «Эй, как там у вас?» Можно полететь к звёздам. Но как жить, когда в небе нет звёзд? Небо слепое, оно потеряло Землю, и она теперь крутится сама по себе. Земля тоже слепая. Она тычется в пустоту, она спрашивает: «Небо, ты здесь? Где ты, небо?»

* * *

Странная это штука – сон...

По кривым уличкам старого района я поднялся в наш маленький театрлик. На небольшой сцене кто-то из ребят что-то репетировал. Седой режиссёр, нещадно дымя сигаретой, делал замечания. Я, чтобы не мешать, устроился в заднем ряду с кем-то из актёров и, наклонив голову так, что сцена перевернулась с ног на голову, стал наблюдать за творческим процессом. А что? Так было даже интереснее... Потом был последний разговор перед гастролями. На задрапированной чёрным бархатом сцене стоял режиссёр. Рядом, то ли на сцене, то ли на авансцене, чуть боком висел полуоткрытый чёрный гроб с белым крестом. А мы все, вальяжно развалившись в креслах, внимали речам нашего руководителя.

– ...Учтите, это Англия! И потом, первый спектакль мы играем в аэропорту. Кстати, кого положим в гроб на этот раз? – спросил он, почему-то поглядев на меня. У меня была хорошая роль, и ложиться в гроб, а тем более в Англии, мне почему-то не хотелось. И потом, ведь не зря говорят: «Инициатива наказуема»!

Резко сменился кадр.

И вот мы, всё той же группой актёров, сидим на удобной парковой скамеечке. Точнее, сидим мы вдвоём, а остальные стоят чуть поодаль. Скамеечка находится на спуске. Мимо змеится грунтовая дорога, начинающаяся наверху между деревьями. И тут я вижу спускающегося Витьку Кондрашова. Но движется он почему-то очень уж быстро, и кажется, что он не касается земли ногами. Вот он почти миновал нашу скамеечку. Сидящий рядом со мной парень сказал:

– Только не давай ему руку. Он же мёртвый. Мы его похоронили.
– Да знаю, – откликнулся я.

Поворачиваю голову и вижу, что он, тоже в чёрном костюме, уже почти нависает надо мной.

– Лёшенка, дай мне руку! – своим обычно пьяненько-шутливым голосом го-

ворит он.

Я чувствую, что челюсть у меня начинает непроизвольно сводить, но всё же отвечаю ему неизвестно почему пришедшими на ум словами Бабы Яги Милляра.

– Чуфы-пуфы!.. Сгинь! – и пытаюсь брыкнуть его ногой.

Витька, подавшись ещё ближе вперёд и улыбаясь, повторяет:

– Лёшенька, дай руку! Я ведь за тобой пришёл...

От страха челюсть сводит ещё больше.

Как будто вспыхнула молния, и голову и грудь Витьки залили серебристо-белым светом. Я с ужасом увидел, что нос и рот были его, а вот всё остальное – белый отполированный череп с каким-то костяным гребешком, торчащем на затылке и расписанным узорами индейцев майя. А ниже чёрный костюм с белыми рёбрами – вместо манишки. И тихо-тихо...

Я с удвоенной силой пытаюсь отбрыкаться и кричу:

– Чуфы-пуфы!!! Сги-и-и-и-нь!!!

От этого крика я проснулся. Сердце бешено колотилось. Во рту было сухо. Было очень страшно.

* * *

...Подъём был тяжёлый. Голова была квадратной и в дверях задевала гранями за дверной проём. Эти деревянные ощущения ненадолго отвлекли Старого от его мыслей. Жизнь не стоит на месте. Старый пытался с головой уйти в работу, хотя и так свободного времени не было. Занимаясь штабной работой с картами и документами, Старый всё время пытался дать задание Вагуле. Его несколько раз останавливал Седой:

– Ты кого вызываешь?

– Вагулю.

– Старый... Его нет, понимаешь, нет.

– Тыфу, чёрт!

«Печаль подобна скале на берегу океана. Когда спишь, начинается прилив и приносит облегчение. Сон, как прилив, накрывает скалу печали. Но когда просыпаешься, вода постепенно опадает, и скала вновь становится видимой; инкрустированная ракушками принадлежность неоспоримой реальности, она будет стоять вечно, или, по крайней мере, до тех пор, пока Бог, и только он, не решит стереть её с лица Земли».

Старый несколько минут сидел, тупо глядя перед собой, и, как бы очнувшись, продолжал работу. Поступила команда усилить наблюдение за противником, и в батальоне активизировалась работа наблюдательных пунктов и разведгрупп. Каждую ночь высыпались группы – пошарить на передке противника. Потом нужно было систематизировать полученные данные и отправлять донесения. Это не считая ежедневных дел. Ко всему прочему, чтобы бойцы не заскучали, было принято решение проводить раздельное обучение по специальностям. Помимо боевой работы нужно было организовать и проводить контроль за обучением бойцов.

* * *

Небо тяжеленное. Взъерошенные сердитые тучи, кажется, так и ждут команды броситься на бойцов, стоящих в боевом охранении.

Азад дышал сыростью и откуда-то принесённым солярочным чадом. Всю ночь на позициях противника слышался рокот работающих двигателей. Временами небо светело то здесь, то там. Кажется, что солнце мечется позади толстого занавеса и делает отчаянные попытки прострелить его.

Солнце, наконец, пробило бетон туч. В зарослях ежевики, в путанице ветвей виноградника встаёт светящаяся пирамида. Видно самую плоть света, дрожащую, блещущую. Она движется прямо к окопам. И вскоре всех опутывает сверкающая суматоха солнечных лучей.

В последние дни бойцам третьей роты изрядно досаждал снайпер. Он тяжело ранил двоих бойцов и только чудом чуть не убил третьего. Тот «вовремя» споткнулся на ровном месте, и пуля сухим плевком влетела в стену траншеи. И всё это за двое суток. Комиссар вызвал Кришну и приказал ему заняться этим вопросом вплотную. Понаоблюдав и приблизительно выяснив, откуда бьёт снайпер, Кришна засобирался на «охоту».

Азад портняжничал уже битых два часа. Капроновыми нитками он пришивал к маскхалату пучки травы, грязную мочалку, рыжие и зелёные лоскутки, подкрашенные зелёной краской кусочки поролона. Время от времени он отходил в сторону, критически оглядывал свою работу и потом пришивал ещё один лоскуток. Наконец он довольно прищёлкнул языком – шуба была готова. Это сейчас можно спокойно разжиться «шубой» разведчика, которая так и называется – «леший», а весной девяносто четвёртого это была проблема. Затем обмотал СВДшку зелёным бинтом, а каску обклеил травой и поролоном. Достав коробку театрального грима, он тщательно разрисовал себе лицо, шею и уши. Теперь, когда он надел свой странный наряд и, о чём-то раздумывая, сидел на койке, он был похож на лесной бугор или болотную кочку, и только по живому блеску чёрных глаз можно было догадаться, что это сидит человек.

– Вот чёрт! Напугал, – сказал вошедший в домик сержант. Настоящий леший.

Ещё раз проверив снаряжение, Кришна пробормотал:

– Когда камень летит с неба, он не выбирает, на чью голову упадёт...

Теперь можно было отправляться на «охоту». «Летучая мышь» освещала небольшой кусок помещения, в печке пылал огонь. Отблески света на вычищенном оружии кроваво красные. Вспоминаются продавцы цветов, которые зимой ставят свечи в свои аквариумы с цветами. Жизнь и смерть – они так похожи. Их одеяния почти неразличимы. А здесь повсюду была глухая ночь. Луна ярко светила, но не грела, и звёзды мерцали, как маяки. Они взяли бы его душу себе, если бы могли. Но сегодня это им не удастся, если он сам не решит.

Пройдя боевое охранение, Кришна лёг на землю, закинул винтовку за спину и пополз, бесшумно подтягиваясь на локтях.

Едва забрезжило, как потянул холодный ветерок.

«Вот тебе и март», – пронеслось у него в голове.

Азад полз от кочки к кочке, от бугорка к бугорку, приподнимал голову, зорко всматриваясь в каждый кустик, в каждую впадину, и, припав всем телом к земле, снова полз медленно и осторожно, стараясь не выдать себя резким движением. В ямке за вывороченным пнём старого чинара Кришна отрыл себе окопчик, а левее, метрах в тридцати пяти, у груды срезанной виноградной лозы, – ещё один, запасной.

Утро было мглистое и сырое.

Прикрываясь капюшоном, чтобы не блеснул объектив, Азад посмотрел в при-

цел. Расплывавшиеся в серой дымке мутные очертания предметов внезапно стали чёткими и ясными. Местность сразу приблизилась к глазам. Перед ним расстилалась плоская равнина. На первом плане ощетинилась ежевикой ложбина, за ней чернел подбитый БМП, чуть дальше – обгоревший остов КамАЗа, а подальше извилистой линией тянулись армянские окопы. Вправо, за насыпью, темнели виноградники.

«В БМП он явно сидеть не будет. Значит, или под БМП, или в ежевике. Так, а это что у нас? Покрышка от КамАЗа. Тоже можно неплохо устроиться. Так, где же он?» – думал Кришна, медленно, полоса за полосой обшаривая глазами местность. От напряжения лоб у него наморщился и чёрные брови сдвинулись на переносице. Вдруг над самой головой неторопливо просвистела пуля, посыпалась гнилые щепочки, и краем глаза Кришна заметил в пне круглую пробоину. Он на секунду замер, но когда вторая пуля щёлкнула по шлему, он, извиваясь всем телом как ящерица, стремительно пополз в сторону. Укрываясь за кочками, он добрался до виноградной лозы, скользнул в окоп и долго не мог перевести дыхание.

«Никогда не задавай вопроса, на который не хочешь услышать ответа».

Он чуть было не поплатился жизнью, но зато теперь твёрдо знал, что снайпер прячется в ежевике. Изо всех сил напрягая зрение, Кришна всматривался в каждую веточку. Зрачки его сузились, стали маленькими и острыми, как иголки. Он сжал челюсти, отчего ярко обозначились его скулы.

В просвете между тучами показалось солнце. Косые лучи его ложились низко, и взгляд Кришны задержался на какой-то тени в ежевике. Та самая покрышка от КамАЗа. Покрышка как покрышка, но почему-то глаза его снова и снова возвращались к ней. В такт его дыханию опускалось и поднималось перекрестье прицела. Утренний ветерок шевелил сухие ветки – и эта неподвижная покрышка. А как она оказалась так далеко от обгоревшего автомобиля? И почти совсем новая? Он вдруг вспомнил, что читал в книге «Искусство снайпера» по поводу использования автопокрышек.

«...её разрезают пополам, внутрь вставляют бронещиток и прорезают амбразуру для стрельбы. Эту амбразуру стараются прорезать в виде рванного «звездообразного» отверстия, чтобы создавалось впечатление, что это естественный дефект, а не амбразура. Для маскировки амбразура закрыта снаружи рваным листом резины, в котором прорезано небольшое отверстие для наблюдения. При необходимости эта «шторка» за привязанную к ней бечёвку поднимается вверх и открывает амбразуру для стрельбы».

Когда солнце поднялось выше, Кришна увидел, как в неподвижной тени появился небольшой просвет. Не отводя глаз от ежевики, Кришна открыл затвор и осторожным движением дослал бронебойный патрон. Когда невдалеке заговорил нерадивый пулемёт, он нажал спуск. В самом центре подозрительной тени вспыхнул белый дымок, но тень и теперь не шевельнулась. Противник точно укрылся за броневым щитком.

«Кажется, убил», – подумал Азад, но из осторожности только на закате решил переползти в другой окоп. Переползая, он почувствовал лёгкий удар в плечо. Пуля вырвала клок его шубы и слегка оцарапала левое плечо.

– Вот сука!

Снайперский поединок продолжался до темноты. У Азада было поцарапано плечо, а армянин, очевидно, своей позиции не менял.

Усталый, злой и прогрессий отправился Кришна домой. Уже совсем стемнело, и только воронки, наполненные водой, отсвечивали металлическим светом. Кришна

всю дорогу матерился и ломал голову, как же прикончить этого ублюдка. Снайпер появился здесь недавно, но уже успел убить двух бойцов местного батальона и ранить двоих наших. Вот и его чуть-чуть не сняли. Если бы Кришна не был опытным бойцом, то кто его знает, чем бы закончилось для него сегодняшнее мероприятие. Одним словом – «полная труба».

«Ведь он обязательно заляжет на том же месте. Зачем ему искать другое, когда здесь он в безопасности. Щит, вероятно, толстый, даже бронебойная не берёт. Надо что-то придумать. Думай, Кришна, думай! А что тут думать – «прыгать надо», – вспомнил он анекдот про обезьяну.

Пройдя боевое охранение и не успев дойти до дома, Азад уже знал, что будет делать. Не мешкая, он отправился к миномётчикам.

– Мужики, мне мина нужна.

– Всем мина нужна, – ответили ему.

– Нет, мужики, мне без балды мина нужна, – настаивал Кришна.

– Да нет у нас простых мин. Это тебе к сапёрам нужно.

– А мне именно миномётная и нужна.

– ???

– Есть у меня одна задумка. Читал я в одной книжке нечто подобное. Хочу сам попробовать. И ещё мне нужен лист белой бумаги.

– Ты что, подарок кому-то готовишь? Новруз Байрам вроде не скоро. Что, у кого-то день рождения?

– Да нет. Это, скорее, ко дню смерти.

– А это твой траурный костюмчик?

– Смотрю на вас и удивляюсь. Какие же вы догадины.

– Да уж какие есть.

– Ну ладно, спасибо за подарок. До встречи.

– Ни пуха, ни пера.

– К чёрту! К чёрту! А кстати, знаете, что желают рыбакам перед рыбалкой?

Правильно, не знаете. Им желают ни чешуи, ни хвоста. Ладно, меня ждут большие дела. Пока.

Над головой катила луна, уже набухшая, но ещё не полная. Она бросала мутный свет на окружающие клочья тумана, и свет этот, пройдя сквозь мглу, не освещал ничего. Луна светила впереди и чуть справа, напоминая круг сыра, если смотреть на него сквозь марлю.

Ползти приходилось вслепую, угадывая направление по приметам, известным только ему. Кришна спешил, и хотя ночь была холодная, он вспотел, пока добрался до ежевики. Армянские позиции были совсем близко, и когда туман рассеялся, Кришна замер, стараясь не дышать. В серебристом свете он разглядел то, что искал, – покрышку со щитком, за которой прятался снайпер. Наконец он руками ощупал щит – броня была надёжная, толще пальца. Кришна положил мину рядом с поднимающимся щитком, взрывателем в нашу сторону, а на взрыватель приkleил клочок белой бумаги величиной с пятак. Позицию он выбрал совсем близко, метрах в восьми, десяти, за бугорком, поросшим бессмертником. Всё ещё злой, он лежал и мёрз до рассвета.

Умытое росой утро чуть засмеялось окровавленным солнцем, едва выглянувшим из-за всё ещё тёмных гор. Азад отчётливо видел очертания шторки, а чуть ниже – белую точку. Солнце ещё не вывалилось из-за гор, когда в щите показался узкий

просвет: армянин поднял шторку и открыл бойницу. Кришна поймал в прицел белую точку и спустил курок. Треск выстрела и грохот разрыва слились в один звук. В ежевике взметнулся чёрный столб, перехваченный оранжевой молнией. Взорвавшаяся мина разнесла и покрышку, и залёгшего за ней снайпера.

– Плохо держишь удар, у тебя наверняка сейчас лицо полномочного посла к ядерной фене.

Вот теперь он перестал злиться. Доложив Комиссару об удачной охоте, он отправился отдыхать с чувством хорошо выполненной работы. За последние дни Кришна здорово вымотался и решил немного выспаться. Вырубился он сразу и какое-то время спал без всяких сновидений, а потом ему приснился зимний лес. Луна заглянула свою лучину за грядой тяжёлых туч. Ветер нёс с собой редкие снежинки. После мороза и свирепого ветра в предгорьях погода здесь казалась почти мягкой. Группа двигалась по маршруту в поисках промежуточной базы армян. В тёмном пространстве между туманом и облаками о времени и расстоянии судить было трудно. Прошли ещё немнога. Стало холодно, и ветер с гор стал набирать силу. Звёзды хрустальными кристалликами льда с силой вбивались в глубокую мерзлоту чёрного бесконечного неба. Вскоре они увидели чуть заметное пятнышко света. Группа пошла в том направлении и где-то через час вышла на удобную полянку, со всех сторон окружённую непроходимым лесом. Правда, это смотря для кого. Под густым деревом горел костерок. Из котелка поднимался аромат хорошего кофе. Вокруг костра сидело четверо бородачей, неторопливо переговаривавшихся между собой. Метрах в десяти стояла большая армейская палатка. Азад сверился с картой. Судя по всему, это и была та самая запасная база, которую они искали. Пока основная группа держала на мушке костёр и палатку, четверо разведчиков осмотрели окрестности. Кроме них, больше никого не было.

– Круто, – сказал Кришна. – Ни часовых, ни секретов. Вот так нагло сидят, пьют кофе. Мать вашу! Учитывая этих кофепийц, в палатке ещё человек восемь-девять. Не более. Значит – работаем.

Работать было решено ПБСами и гранатами. Сидящих у костра взяли на себя трое бойцов. Кришна с остальными взяли на себя палатку. Две умело брошенные «эфки» упали в костёр, причём одна из них угодила прямо в котелок, висящий над огнём. Как только обе гранаты рванули, по палатке сработали три «мухи». Троих полуобгоревших пендригонов¹ положили из ПБСов. Группа не стала дожидаться, пока сгорит вся палатка, а двинулась в обратный путь. Им вслед завёл свою песню весь склад боеприпасов, который находился в палатке. Долго ещё бойцы слышали выстрелы, хаотично гремевшие у них за спиной.

Сосновые ветки колотили Азада по лицу, перед глазами проплывала шишка сибирского цвета. Как ни странно, сейчас он был уверен, что такие бывают. По спирали он обходил сосну, спускаясь всё ниже и ниже. Он спустился вниз и стал озираться вокруг, не видя своих бойцов. Их не было. Внезапно неизвестно откуда стали появляться и падать золотисто-жёлтые то ли капли, то ли миндалевидные шестерёнки. Немного полежав, они начали пульсировать. На них стали проявляться силуэты мужчин в залихватски сдвинутых на глаза шляпах, в брюках клёш, стоящих на краю этих пятен. Пиджаки были расстегнуты и левые руки были засунуты в карманы брюк. Через определённое время эти непонятные образования стали уноситься к горизонту. После этого цвет площадки стал меняться, и на ней с некой периодичностью стали

¹ Так называли армян азербайджанские бойцы.

появляться разноцветные образования определённой конфигурации. Пробыв какое-то время, они исчезали, освобождая площадку другим образованиям. Всё это напоминало калейдоскоп. Они стали меняться всё быстрее и быстрее, а потом будто лопнули, и Азад проснулся. Он лежал с закрытыми глазами и прокручивал в голове свой сон. Обычно весь сон запоминают очень редко. Как правило, какие-то определённые фрагменты, но на этот раз он как будто крутил видеомагнитофон, пытаясь разобраться в том, что он увидел.

«Палатка. Лес. Зима. Это понятно. Декабрь девяносто третьего. Геранбайское направление. Удивительно другое. Всё было детально показано. До мельчайших деталей. А дальше? Почему сиреневые шишки? И что это вообще было? Ведь всё это должно что-то обозначать? Но что? Ну, что ж, мы – есть то, что мы совершаем»...

Утром он был какой-то взнервленный.

* * *

Работа разведгрупп не прекращалась. Почти каждый день группы уходили в определённый район за сбором информации. Командира очень интересовали подходы к Агдере, поскольку это было одно из наиболее вероятных и наиболее неприятных направлений работы противника. Там несколько раз шарахалась бригадная разведка, знающая, казалось бы, эту местность лучше всех. Но последняя группа просто не вернулась с задания. В один из дней Ербол собрал добровольцев, он часто проявлял инициативу, и обратился к командиру с просьбой дать «добро» на выход в Агдере. Взвесив все «за» и «против», командир разрешил выход. Старый считал, что идти с таким багажом знаний и опыта в этот город, откуда не так давно не вернулись матёрые бригадные разведчики, с рождения живущие здесь и знающие эту местность как свои пять пальцев, было, по меньшей мере, самонадеянно. Удача, она ведь как патроны – пока они есть, ты герой. А потом, когда они кончатся – по всемирному закону подлости на дороге перед тобой появится противник с полным боекомплектом.

Группу успешно довели до нейтралки, и выпускающий с бойцами остались ждать её возвращения. Но то ли погода была не та, то ли настроения не хватило, но ребят охватило какое-то тревожное ожидание чего-то нехорошего. В ногах и желудках у них было то особое ощущение, которое испытываешь, только находясь на чужой земле. Группа рывком преодолела сторожевые посты армян и немного успокоилась. Неугомонный Ербол с одним из бойцов шёл впереди, выступая в роли дозорного, хотя это не дело командира группы. Чуть отстав, след в след, шла остальная группа. Радист шёл предпоследним. Связистам всегда труднее, чем остальным. Помимо всего прочего, нужно нести радиостанцию и, как минимум, один запасной аккумулятор. Какой бы лёгкой ни казалась радиостанция, пойди, побегай с ней по горам: чем дальше идёт группа, тем тяжелее она становится.

Радист, пропустив вперёд замыкающего, шепнул ему:

– Я сейчас. Пять секунд. Я догоню.

Кивнув ему, замыкающий стал догонять ушедшую вперёд группу. Радист, закрепив поудобнее радиостанцию и сделав несколько глубоких вдохов, чтобы восстановить дыхание, сделал шаг в сторону и почувствовал, уж не знаю чем, натянувшуюся проволоку.

«Растяжка»! – молнией мелькнуло в мозгу.

Взрыв всё-таки зацепил его ногу, когда он прыгнул, распластавшись в воздухе. Взрывная волна настигла его ещё в полёте, смыла, словно тряпку, перевернула и с

силой швырнула на большой валун. Хорошо, что по касательной, иначе неизвестно, чем бы кончилось дело. Разведчики кинулись назад, к радиисту. И тут заговорил армянский танк. Он, как разбуженное чудовище, медленно повернул свою башню и, выстрелив только один раз, снёс угол какой-то постройки – то ли сарай, то ли трансформаторной будки. Скорее, второе. И поджёг небольшой стожок сена. Очевидно, это был сектор его ответственности, который он должен был прикрывать в случае чего. Танк всегда вызывает замешательство особого рода: эта зловещая масса металла движется с лязгом и скрежетом, как дракон из древних сказок. Танк – самое неприятное, с чем можно столкнуться на войне. Особенно если это вражеский танк, да ещё на открытой местности. Даже если его подбили и он ржавеет, неподвижно застыв где-нибудь на обочине, всё равно вид у этого рукотворного броневого динозавра крайне зловещий. Танк вызывает атавистический, животный ужас и при виде его всегда хочется пуститься наутёк. Группа так и сделала, подхватив окровавленного радиста, разведчики стали поспешно отступать, моля Бога, чтобы он дал им возможность проскочить через передовые армянские позиции. Но самое страшное, что никто из них в этот момент не вспомнил, что впереди осталось ещё два человека! Их учили действовать по-другому. Но... То ли Бог сегодня был на их стороне, то ли им просто подфартило, но они, почти все посечённые танковыми осколками, кто больше, кто меньше, срезав нескольких армянских солдат автоматным огнём, преодолели нейтралку на одном дыхании и попали в руки своих. И слава Богу! На второе дыхание у них просто не хватило бы сил.

Ербол побежал назад на звук сработавшей мины. Он, ничего не услышавший в момент танкового выстрела, почувствовал, как поток горячего и плотного воздуха, такого плотного, словно это был твёрдый предмет, ударил его по груди, лицу, по барабанным перепонкам, отозвался в лёгких, в носу, в голове, и только потом докатился до него сухой звук. Всё мгновенно заволокло дымом, а с неба градом посыпались металлические осколки.

Ербол попытался открыть глаза. Удалось это не сразу, словно веки стянуло твёрдой плёнкой самого лучшего клея. В глаза брызнул свет. Что-то горело недалеко от него. Он зажмурился и против воли застонал. Потом попробовал сменить положение и удалось ему это неважко – в затылке словно взорвалась граната, и он зарыдал. Во всяком случае, ему так показалось. Наружу вырвался лишь слабый стон. Он сделал над собой усилие и, рывком приподнявшись на локте, попытался сесть. Его качнуло, но, в общем, эксперимент удался.

А потом он услышал выстрелы. И даже не успел удивиться, как быстро шлётся на землю. Но ещё в полете он понял, что приближающаяся фигура дозорного разведчика упала быстрее него. И не на живот, а на спину.

Так падает человек, который поймал пулю. Сейчас было важно доползти до своего бойца раньше, чем его найдут те, чьи голоса слышались со стороны городской окраины.

Хорошо, что у них не было собак.

Дела бойца, прямо скажем, были хреновы. Выше ремня по бушлату расползлось темное пятно, на раздробленных кистях оставалось всего три целых пальца. Ещё один болтался на клочке кожи, впрочем, ему уже было всё равно. Не найдя своего автомата, он взял автомат бойца, отстегнул магазин и зачем-то пересчитал патроны. Потом вогнал магазин обратно и щёлкнул затвором.

Их было трое. Ербол ясно видел их приближающиеся силуэты сквозь частые

ветки какого-то колючего куста. Они пытались идти цепью, прочёсывая участок, но невольно с каждым шагом всё больше жались друг к другу. Им было страшно. Они боялись темноты, боялись мерцания бликов от горящего стожка, боялись опасности, таящейся в этой подсвеченной темноте, боялись того, в кого они только что стреляли. Они не знали, что он уже не сможет ответить. И они боялись не того, кого бы им следовало бояться.

Он выпустил три короткие очереди, почти не целясь.

Три тела рухнули на дорогу не так, как падает человек, который хочет спрятаться.

Он только собрался укрыться в развороченной трансформаторной будке, как раздался второй танковый выстрел. Теперь уже стреляли не наобум – это был точный, прицельный огонь. Ербол бросился на землю, услышав сначала, как снаряд со звуком рвущейся плотной ткани просвистел над его головой, а потом и сам взрыв, прогремевший возле будки. А потом земля содрогнулась. Медленно, почему-то очень медленно, полыхнули ослепительные языки огня. А потом огонь затопил всё, поглотив весь остальной обозримый мир...

Раненых разведчиков погрузили в шишарик и отправили в госпиталь. Радисту ампутировали стопу. Вскоре он был демобилизован по инвалидности. Слава Богу, их доставили вовремя, и особых неприятностей им удалось избежать. Остальных освободили от лишнего металла и заштопали.

Утром в госпиталь приехали Колдун, Старый и командир роты. Они обошли всех бойцов, побеседовали с ними, пытаясь получить точную информацию. Смущение бойцов и ответы невпопад приписывались их состоянию. Минут через двадцать, стоя во дворе госпиталя, офицеры обменивались впечатлениями.

– Ну, и что ты думаешь? – обратился к Старому комбат.

– По-моему, они лукавят, – ответил тот.

– В смысле?

– Они все утверждают, что Ербол был впереди, когда сработала мина. Потом стрелял танк, потом была стрельба из автоматов, потом опять был танк. Они уверяют, что Ербол погиб, но ведь его никто не видел мёртвым. Ни его, ни другого бойца, с которым он был. А может быть, они были ранены? А может быть, не дай Бог, они попали в плен? Этого выяснить мы не можем. Насколько я понимаю, ни один из них и не искал тех двоих. Они подхватили раненого и ломанулись обратно. Что-то подобное я уже видел однажды на въезде в Физули. А всё, что они рассказали, это только по их словам.

– Я с тобой согласен. Но с другой стороны, хорошо, что хоть они вернулись живыми. А там... поживём – увидим. Время покажет.

Ербол очнулся от тишины. Было тихо, как бывает тихо только ночью на кладбище. Наверное, в могиле так же темно. И так же тихо. Чему шуметь под землёй? Он попробовал пошевелиться и застонал от боли. На грудь давило что-то тяжёлое и угловатое. От которого надо было освободиться любой ценой. Иначе отдельная могила не потребуется, тут и останешься. Он рванулся сильнее. Заорал в полный голос, как ему показалось, и рванул вновь. И ещё. И ещё! Казалось, что грудь сейчас разорвётся от нестерпимой боли, но он знал – сдаваться нельзя. Уж лучше умереть прямо здесь, пытаясь освободиться, чем сдохнуть оттого, что не сумел этого сделать. И тяжесть поддалась. Она съехала с груди куда-то подмышку, и он, извернувшись, оттолкнулся от неё изо всех оставшихся сил. И вывалился из могилы. Он не знал, сколько прошло

времени, пока перестал считать звёзды перед глазами и слушать хрип собственных лёгких, жадно втягивающих в себя пропитанный гарью воздух. Может, минуту, может, час. Когда возвращаешься с того света, время не имеет значения. Возвращаться сейчас не было ни сил, ни возможности. Поэтому, отыскав не очень далеко глубокую воронку от снаряда, он, действуя на автомате, натаскал туда разного хлама, часто останавливалась и отдыхая, оборудовал себе лёжку и с первыми признаками рассвета закопался в свой схрон. Но прежде чем провалиться в беспросудный сон, всё-таки снарядил магазин автомата, примкнул его и передёрнул затвор.

Он проснулся сразу, как от толчка. Недалеко от его берлоги слышалось какое-то чириканье. Он прислушался – несколько человек разговаривали на армянском языке. Сон как рукой сняло. Вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок, и очень захотелось увидеть, как близко от него эти говоруны.

«Наверное, это и есть страх», – подумал он, и ощущение это ему очень не понравилось.

Голоса приближались. Он весь напрягся и, насколько было возможно, подготовил автомат.

«Фигушки! Так просто меня не возьмёшь».

Резко прогремела очередь.

Он почувствовал, как буквально в паре сантиметров от его лица прошла пуля, слегка опалив щёку своим горячим дыханием. Он сам потом не смог объяснить, как он удержался в тот момент и не открыл стрельбы. Может быть, просто потому, что не видел противника из-за этого хлама? А может, просто сил не было. Неизвестно. Вскоре шум стих. Очевидно, «братья»-армяне довольствовались трупом разведчика и решили, что его одного бросили азеры. Так что другого можно было особо и не исключать.

Осторожно и неторопливо, поскольку сил не было, да и раны давали о себе знать, он расковырял небольшое отверстие, чтобы можно было что-нибудь рассмотреть. Был виден кусок неба и развороченный угол трансформаторной будки. Судя по солнцу, которое силилось выбраться из-за гряды облаков, дело шло к середине дня. Он как-то неловко повернулся, и всё его тело пронзила остшая боль. Он опять потерял сознание. Он несколько раз приходил в себя, но абсолютно не было сил ни думать, ни двигаться, и он опять впадал в беспамятство.

Очнувшись в очередной раз, он приник к своему «окошку». Небо – уродливое, багровое, как свежий синяк – окрасилось зловещим отблеском первых лучей зари.

«Надо выбираться. Иначе здесь и останусь. А мне это надо?»

Он попытался проанализировать своё состояние. Болела голова, правда, уже немного меньше. Было трудно дышать, похоже, что пару рёбер он всё-таки поломал, да и общее состояние было не из лучших.

«Дождусь вечера, а там будем делать ноги».

С этими мыслями он и заснул. Он несколько раз просыпался. Болело тело. Хотелось пить. Фляги не было, он где-то её потерял. И потому приходилось терпеть.

Начало темнеть.

Он не сразу понял, что это шелестит. И только несколько попавших в «окно» капель, прояснили дело. На улице шёл дождь. Он расширил дырку так, чтобы капли дождя попадали на лицо, и стал жадно ловить их ртом. Дождик был так себе, что называется, «моросятник», но само понятие – дождь – уже придало ему силы. Он слегка выдвинул наружу ствол автомата, чтобы можно было слизывать воду с холодного ме-

талла. Никогда эта небесная влага не была такой вкусной. Затем он нашёл приличный кусок брезента, неизвестно как попавший сюда, и вылез из своего укрытия. Влажный свежий воздух опьянил его. Вокруг завертелись разноцветные то ли пятна, то ли круги. Он присел, прислонившись к каменной стенке. Он нырял всё глубже и глубже, падал в эту цветную пропасть, в бесконечную череду фальшивых отражений, в цветной лабиринт безумия и беспамятства. Он пытался что-то сделать, но не мог вынырнуть с такой скоростью, с какой затягивал цветной водоворот. Он с трудом нащупал шприц-тюбик и вкатил себе укол промидола. Всё встало на свои места.

Где пешком, где ползком он добрался до передовых армянских постов. Дождь не переставал. Он то моросил тоскливо, то начинал отчаянно хлестать, то прощально шелестел в кустах, обещая скоро кончиться, но не кончался, а придумывал что-нибудь новое, например, капли начинали падать сразу со всех сторон. Завернувшись в кусок брезента и сидя в воронке из-под снаряда буквально в пяти метрах от поста, он терпеливо ждал. Ему повезло. Часовые сменились быстро. И опять он терпеливо ждал. И опять ему повезло. Часовые тоже люди и ничто человеческое им не чуждо. Часовой присел на дно окопа и Ербол уловил запах сигаретного дыма. Вот тогда он и ломанулся вперёд, стараясь особо не шуметь. Дождик помог ему. Часовой не заметил, как у него под носом уползает разведчик. Метров через двадцать, уже на нейтралке, Ербол увяз в жидкой грязи и старательно пытался выкарабкаться на сухое место. Своим шуршанием он привлёк внимание наших часовых и его встречали. К счастью, в карауле стояли те бойцы местной роты, при которых группа уходила на «прогулку». И они знали, что группа вышла не вся. Ербол, почувствовав руки бойцов, успел вымолвить:

– Передайте Колдуну... – и потерял сознание.

Очнулся он уже в госпитале. Перебинтованный и умиротворённый. Сидевшие около его койки командиры выслушали его рассказ и, пожелав скорейшего выздоровления, вышли во двор.

– Ну и? – спросил Колдун, давая прикурить Старому.

– Да уж! – только и ответил тот.

* * *

А жизнь продолжалась. Опять учёба. Опять работа. Выходы в тыл противника. Наблюдения. Рутина. Но люди – и на войне люди, и им хочется чего-нибудь человеческого. И вот подумали отцы-командиры и решили устроить праздник. Утро было какое-то серое, недоверчивое. С неба сыпалась какая-то ерунда: то торопливо, желая скорее достичь земли, то как бы раздумывая, а стоит ли вообще падать, то просто ленясь покидать облака. И тут в расположении появились три автобуса. Артисты приехали! Весть об этом сразу разнеслась по лагерю, и через несколько минут бойцы окружили гостей. Благо, было воскресенье. Лагерь стал похож на восточный базар. Знакомства, разговоры, шутки, смех. Многие пацаны никогда не видели живых артистов так близко. А тут и певцы, и танцоры, и танцовщицы, и ансамбль народных инструментов. В воздухе разлилась такая добрая атмосфера, что даже «моросятник» перестал беспокоить людей. Бойцы принесли скамейки, кому не хватило места, устроились прямо на земле, и концерт начался. Выступления певцов, зажигательные народные танцы и музыка, музыка, музыка. Потом общение, разговоры, фотографии на память и опять музыка. Парни, не ожидавшие такого праздника, ходили обалденные. Им не верилось, что можно так просто пообщаться с артистами и, главное, с ар-

тистками! Вот ведь как: надо было попасть на фронт, чтобы познакомиться с людьми искусства. Кому расскажешь – не поверят.

Самурай, сидя поодаль на скамеечке с женой командира и со Старым, с грустью смотрел на всё происходящее.

– Как мало этим пацанам надо...

Вскоре стемнело, и гости засобирались домой. Как ни не хотелось их отпускать, но ничего не поделаешь... Праздник закончился. Долго ещё после отбоя бойцы обсуждали события сегодняшнего дня. В этот же вечер Старый договорился с командиром о поездке домой на пару дней. Он не знал, что его спина сыграет с ним злую шутку, и, провалившись в центре реабилитации, он вернётся в часть очень нескоро... А в ночь накануне первой атаки противника ему приснился такой сон.

Внезапно он оказался в какой-то незнакомой, но очень тревожной местности. Оглянувшись по сторонам, он с надеждой посмотрел на небо. Позвал. Откликнулись, но очень слабо. Образы, возникшие в сознании, были красновато-оранжевыми и какими-то нечёткими. А может быть, мир, откуда отзывались, был именно таким. Он попытался «въехать» и передать ощущения мира, в котором он так внезапно оказался, но почувствовал, что получается слишком шумно и сумбурно. Тогда он попытался успокоиться и пригляделся повнимательнее. Получилось. Взгляд остановился на какой-то чёрной норе, и в тот же миг, сам не понимая как, он оказался в пещере. Около дальней стены этой зеркально-стальной пещеры лежало странное сооружение ли, вышка ли, напоминающее опрокинутую Эйфелеву башню, обшитую сверкающими сине-серебристыми плитами. На четырёх торчащих опорах мигали тёмно-вишнёвые огни. Перед ними будто курилась тревога. Он робко огляделся. Низкие давящие своды, казалось, были готовы его раздавить. Внезапно он почувствовал, будто что-то прошло через его тело, оставив в нём часть чего-то непонятного. По телу несколько раз пробежала дрожь, и всё заволокло волнообразно дрожащим туманом. Он ощутил ужас... Люди не имеют о нём ни малейшего представления. Ужас можно испытать. Можно показать, что ты его ощущаешь. Но нельзя передать... Сейчас его обуял дикий ужас!!! Он услышал чей-то голос. Когда волны тумана рассеялись, он увидел высокую, худую фигуру в чёрном балахоне. Подняв руку, фигура каким-то странным, нечеловеческим голосом, совсем не реагируя на него, произнесла то ли молитву, то ли проклятия на непонятном языке. Какие-то странные красно-оранжево-чёрные фигуры людей, получив удар этих слов, а самое интересное, что он видел волны этих слов, начинали извиваться и с немыми воплями превращались в тёмную вибрирующую субстанцию, плывущую под низкими сводами в сторону выхода. При каждом слове чёрной фигуры через него проходила какая-то волна, которая контузила его. Было очень больно. Очень. По мере исчезновения оппонентов чёрный человек всё ближе подбирался к «Эйфелевой башне». Но когда он, преодолев боль, сумел повернуться и посмотреть, то увидел вместо башни что-то вроде алтаря. Голос звучал всё громче и громче, и в алтаре стали появляться, сначала робко, а потом всё сильнее, лижущие его языки чёрного с серыми прожилками пламени. Тёмно-красный цвет алтаря всё больше сменялся на чёрный, и в какой-то момент алтарь стал превращаться в тёмную вибрирующую субстанцию, тянувшуюся к чему-то, напоминающему чёрную дыру. Боль в его теле всё усиливалась. И когда последний клочок субстанции скрылся в чёрной дыре, у него в голове что-то взорвалось. Стало темно, и от этой боли он проснулся.

* * *

Был обычный весенний день, ничем не отличающийся от других, десять минут седьмого. Конец дня.

«Есть страшное таинство в предсказанном молчании природы. Время, когда царство дневного монарха уже не кажется таким абсолютным, когда первые сомнения закрадываются в душу даже самых отважных, когда многое кажется возможным, а иное – ранее сомнительное – несомненным».

Солнце опускалось в золотисто-красную перину облаков, лениво взбивало вокруг лёгкие розовые тучки и уже готовилось сладко заснуть до утра, когда откуда-то с юга потянуло сырым ветром. И серая пелена начала подниматься между небом и землёй. Словно кто-то большой и нехороший, может быть, кровожадный дракон, а, может, какая-то другая нечисть, пытался подобраться к небесному светилу незамеченным. Вот серая пелена накрыла большую часть неба, вот чёрное щупальце потянулось к беззаботному солнцу и тёмно красным плеснуло вокруг на весь горизонт от края до края. Всё вокруг как будто оглохло. Тишина тяжёлыми кусками падала с не-подвижного неба, обволакивала редкие деревья, строения, окопы, и возмущённо тыкалась в уши при любом случайному звуке. Но кому-то показалось и этого мало, и плотная темнота стала заполнять всё вокруг вперемежку с густым туманом. Сидя у блиндажа с потухшей сигаретой, Чёрный долго вертел головой, пытаясь врубиться во всё происходящее. Что-то его тревожило. Вроде бы ничего особенного. Ну, погода не ах, ну, вечер, но где-то глубоко в мозгах зазвенел колокольчик. Опасность!!! Чёрный стряхнул с себя оцепенение, выбросил потухший бычок и дал команду усилить наблюдение. Потом был ужин. Потом смена часовых. Потом отбой. Темнота навалилась плотная и липкая. Чёрный отился последним. Долго беспокойно ворочался и наконец-то забылся тяжёлым сном. Но тревожный колокольчик опять зазвонил. Чёрный резко сел и посмотрел на часы. Десять минут пятого. Самое время спать, но колокольчик уже звонил как набатный колокол. Чёрный почувствовал – что-то должно произойти.

Предчувствия его не обманули.

Над землёй промчался страшный вой и свист. Чудовищный удар обрушил пространство и придавил бойцов своей тяжестью. Как муху. Не оставил даже мокрого пятна. Сначала подумалось, что это обычный артналёт, которых, правда, уже давно не было, но прошло десять минут, двадцать, полчаса, а эта катавасия и не думала униматься! Стало ясно, что впереди замаячила «грандиозная пьянка». Благо, линия обороны была сделана с душой: были и блиндажи, и щели, да и траншеи были открыты так, что по ним можно было продвигаться в полный рост и даже разойтись двум, идущим навстречу бойцам. Для этого через определённое расстояние были оборудованы ниши. Короче, система обороны полного профиля. Даже ещё лучше. Не зря бойцы строили этот «город». Один из «кварталов» этого «города» располагался за постом ГАИ на Агеринской дороге.

Канонада грохотала уже больше трёх часов и, казалось, и не думала стихать. И вся эта свистопляска куролесила по всей линии фронта. А это уже было серьёзно. По идее, уже должно было прийти время рассвета. Он как-то неловко попытался выглянуть из-за горизонта, но столбы дыма, земли, гари и копоти не оставили ему ни единого шанса. Огонь противника стал утихать, но тут, дождавшись своей очереди, в общий хор вступила наша артиллерия. Теперь чёрный лес вырос на позициях противника, давая небольшую передышку нашим бойцам. Прошло ещё немного времени,

и к глухому буханью артиллерии присоединились «Грады».

С началом артподготовки Доцент оказался в передних окопах. Да и было бы странно, если бы было наоборот. Да, он был начальником связи, и его связисты исправно несли службу, но он был, в первую очередь, вояка. Ну, не мог он спокойно сидеть и ждать, ему обязательно нужно было что-то делать. А тут, дабы отвлечь бойцов от глупых мыслей, был отдан приказ, не высовываясь, восстанавливать повреждённые окопы. И связь стала окапываться. Тем более, что нужно было ещё вырыть окопы полного профиля на обратной стороне холма. Один из бойцов так увлёкся, что Доцент вынужден был остановить его.

– Хорош, воин. Так и до центра Земли дойдёшь!

Позиции роты располагались недалеко от шлюзов канала. И бойцы были вынуждены под огнём восстанавливать окопы. Работы было так много, что они уже больше злились на этот обстрел, чем боялись его. Солдаты местного батальона, как только начался обстрел, стали уходить с позиций, оголяя тем самым фланг нашей роты. Доцент, естественно, не мог этого допустить. Он бросился к соседям.

– Назад! Куда? Вы что, обалдели?

– У нас приказ! – услышал он в ответ.

– Какой приказ? Вы что?

– Командир приказал.

Доцент настолько был потрясён, что даже не прятался от близко разрывающихся снарядов и молча смотрел вслед уползающим на карачках солдатам.

Больше всех, пожалуй, волновался Красный. Нет, не за себя. Он был старый волк, а вот бойцы – сплошной молодняк. Стариков было мало, поэтому на протяжении всего артобстрела Красный переходил от одного бойца к другому, подбадривая и успокаивая их.

– Всё будет хорошо. Спокойно, пацаны, спокойно. Это всё скоро закончится. Волноваться не надо. Спокойно.

Часа через три, едва стихла артиллерия, ещё звенящий воздух наполнился звуком танковых двигателей. Гул моторов слился с беспорядочным треском стрельбы. Кому повезло, те сразу свалились навзничь, а другим было дано видеть ещё полминуты. На фланге, около дороги, стоял Бардинский батальон. Бардинцы отличались одной особенностью: пока было тихо, они стреляли по металлическим бакам, изощряясь в приёмах стрельбы. Но стоило противнику проявить хоть малейшую активность, они тотчас начинали собираться в тыл, заявляя, что у них кончились патроны. Понимая, что в этот раз всё гораздо серьёзнее, чем обычно, ротный отправил им на помощь Тиму с группой бойцов. Слава Богу, на этот раз бардинцы не побежали сразу. Видимо, сильно перепугались. Да и не мудрено. Хорошо, Тима успел. Он скатился в свежую, ещё пахнущую смертью и порохом воронку, чуть не добежав до первой линии окопов, и только открыл рот крикнуть Зейдулле, что показались танки, как раздался первый выстрел танковой пушки. Это был точный прицельный огонь. Тима бросился на землю, услышав сначала, как снаряд со звуком рвущейся ткани просвистел над его головой, а потом и сам взрыв, прогремевший за фермой. В зону видимости выполз ещё один танк. Не поднимаясь с земли, Тима оглянулся, прикидывая, каким путём лучше добраться до окопов. Под обстрелом никогда нельзя бежать по прямой, и перед тем, как сделать первый шаг, следует прикинуть свой путь – от этого камня к тому дереву, оттуда до окопа.

Второй танк двигался медленно и неуклюже, словно шла замедленная съёмка,

но Тима знал, что это оптический обман, вызванный расстоянием – танки всегда движутся намного быстрее, чем хотелось бы. Зейдулла с разбегу растянулся рядом с Тимой в воронке, и именно в эту секунду над их головами в том же направлении прошёл второй снаряд. Третий снаряд угодил точно в то место, откуда они только что пришли. Подбитая взрывом земля вперемешку с травой посыпалась на позиции роты. Армяне, очевидно, тоже знали о привычке бардинцев при первых выстрелах покидать позиции. Не зря они бросили на этот участок до батальона пехоты, два танка и БМП. Артобстрел прекратился, и ему на смену пришло буханье танков, БМП и трескотня автоматического оружия. Наши бойцы, собрав вокруг себя группы бардинцев, организовали оборону. У бардинцев не осталось выбора: бежать поздно – расстреляют в спину, обороняться – есть шанс уцелеть. Они стали зло отстреливаться. Противник атаковал яростно. На смену убитым становились новые атакующие. Надо заметить, что столь яростно противник атаковал по всему фронту.

Когда прошла первая волна наступающих, Красный ещё раз обошёл своих бойцов.

– Подпускайте ближе и бейте наверняка. Зря патроны не тратить. И спокойно, парни. Мы их сделаем.

И когда всё вокруг свистело и бухало, он не забывал, отвлекаясь на мгновенье, следить за своими бойцами. Перед окопами были установлены мины, но после такой мясорубки вряд ли от них что-то осталось. Поэтому особой надежды на них не было. Противник всё усиливал свой натиск. Вместо одного убитого появлялись двое живых, прямо как в древнегреческой легенде с зубами дракона. Появились первые раненые. Огонь немного ослаб, и армяне усилили натиск на этом участке, подбираясь всё ближе и ближе. Красный быстро поменял позицию и зарядил подствольник. Приглушенный «бум-м» и яркая вспышка с грохотом разрыва. Пошла вторая граната. Разрыв. Третья. Добрый десяток тел раскидало. Выпустив все шесть гранат и убедившись, что стало полегче, Красный перебрался в другое место, на ходу заряжая автомат. Он устроился поудобнее, выдохнул – и палец плавно потянул спуск. Фонтанирующий поток гильз брызнул из автомата. Наступление напоминало морской прибой. Волна набегала, ослабевала, откатывалась, на её место набегала вторая волна, потом третья. Отбив очередную волну, Красный, жадно затягиваясь мятым сигаретой, внимательно огляделся.

– Вон за тем холмиком большая впадина. Они попрут оттуда. Берите правее. Сейчас пойдут.

И они пошли. Много. Злые. Разгорячённые. Бородатые и что-то орущие. Правда, в этом грохоте не было слышно, что они орали. Но наверняка ничего хорошего. Оглянувшись, Красный понял, что их положение хуже, чем он предполагал.

– Гранатомётчика ко мне! Быстро! И мне гранатомёт! – подал он команду, тщательно прицеливаясь и выпуская короткие очереди. Поднесли гранатомёт, а тут и гранатомётчик подоспел.

– Целься внимательно. И делай, как я.

Бухнув из гранатомёта пару гранат, он опять взялся за автомат, потом ещё граната и опять автомат. И так длилось целый день: «динь ди лень, динь ди лень» – то Ашот прибежит, то Сурен...

Как только вперёд пошла пехота противника, Доцент с автоматом устроился в окопе. Ну, любил он пострелять по движущимся мишениям. Противник напирал по всему фронту. Вокруг всё ревело, свистело и бухало. Сыпалось бешеное клацанье

затворов. Всё, что можно было, облили горячим свинцом. Над окопами витал тёплый ветер, пахнущий металлом. В нескольких метрах от Доцента вёл огонь один из бойцов роты. Доцент никак не мог вспомнить его фамилию. Совсем рядом рванул очередной снаряд. Тёплая сухая волна охватила бойца, сорвала шапку с головы. Он со всего размаха упал на дно траншеи. Уткнувшись в холодную сырую землю, ждал следующего разрыва. Оглушительный треск прокатился по самому брустверу. Боец почувствовал боль в позвоночнике и испугался – неужели ранен? Он забыл, что у него за спиной висела «муха».

– Живой? – крикнул ему Доцент.
– Кажется, командир, – отозвался тот.
– Тогда вставай! Нечего валяться. Стрелять надо!

Доцент вдруг обратил внимание, что не хватает какого-то звука. Он завертел головой, стараясь в этом грохоте услышать тот самый звук. Но не услышал. Он понял, что не слышит миномёта, располагавшегося недалеко от этих позиций. Он отправил троих бойцов за миномётом, а сам продолжал с ещё большим усердием поливать атакующих свинцом. Он успел выпустить три рожка, прежде чем появились бойцы с миномётом и несколькими минами.

– Что там? – спросил он бойцов.
– Из расчёта никого нет. Кто убит, кто ранен.
– Ну, что ж, были связисты – стали артиллеристы. Навались, ребятки!

Они быстро установили миномёт, и Доцент с возгласом «İrəli», пустил первую мину. Всё-таки восьмидесятимиллиметровый миномёт – это вещь! Пошла вторая мина, третья. Это было весьма кстати, противник близко подобрался к окопам. Миномёт слегка остудил их пыл. Но поскольку связисты всё-таки не артиллеристы, они не продумали, что плита лежит на мягком грунте. И после очередного выстрела миномёт «поплыл». В результате Доцент повредил руку. Хорошо ещё, что левую. С тоской глядя на свою руку, Доцент посмотрел на левый фланг. Он знал, что там Керим киши со своими парнями. И сейчас на их позициях бушевал огонь. Представление продолжалось.

Волна наступающих подкатывалась всё ближе.

«Что же они не бьют по этим бронзоваврам? – мелькнула мысль у Тимы, – вот же, вот, борт подставляет».

Он стал искать глазами гранатомётчиков и тут увидел, как навстречу танку, почти добравшемуся до окопов, полз маленький юркий боец. Прижимаясь к земле, он быстро скользил между бурными холмиками, и только слегка колеблющиеся редкие кустики еле приметно указывали на движение. Стремительно привстав, взмахнул отведённой в сторону рукой и тотчас же упал, а навстречу грохочущей гусеницами стальной громадине, описывая тяжёлую дугу, полетела противотанковая граната. С левой стороны танка поднялся прорезанный косым бледным пламенем широкий столб земли, словно неведомая огромная птица взмахнула вдруг чёрным крылом, и танк, судорожно содрогнувшись, повернулся на одной гусенице и застыл на месте, подставив под огонь отмеченный белым, грубо намалёванным крестом, бок.

«Чертовщина какая-то. Танк, вроде, советский, а белый крест похож на фашистский. Точно чертовщина».

Танк стали расстреливать в упор из гранатомётов.

– Слава Богу! Проснулись, – сказал Тима и, сразу забыв о танке, припал к пулемёту, и неторопливое стаккато влилось в общий хор боя.

После первого же выстрела из щелей танка показался дым. Пулемёт на танке зашёлся длинной, захлёбывающейся очередью и, подавившись, смолк. Танкисты не захотели или не смогли уже покинуть машину. Спустя несколько минут стали рваться боеприпасы, и освобождённый дым хлынул из пробоин и безмолвной башни густыми пенистыми клубами. Воодушевлённые видом горевшего танка, бойцы усилили огонь. И если первое время они испуганно жались к земле, то теперь они не просто азартно палили в сторону противника, а внимательно выбирали цели. И, похоже, это занятие начинало доставлять им удовольствие. Они перестали испуганно прятаться в окопах и не обращали внимания на стаи летящих в них пуль. Вакханалия продолжалась. Вокруг что-то булькало, чавкало и брызгало во все стороны кровавыми ошмётками... В ушах ломило от животного, не прекращающегося рёва... Многим запомнился этот дикий животный вой на одной тонкой, высокой ноте и прогорклый запах раскалённого ружейного масла. Наступающие не ожидали такого поворота событий, тем более, на этом участке. Танк и БМП призадумались и решили не лезть на рожон. Интенсивно отстреливаясь, они стали пятиться назад. Пехота последовала за ними, слаженно огрызаясь. Первый натиск не увенчался успехом. Наступление сорвалось по всему фронту. Вслед отползающему противнику опять заговорили наши батареи. Молодой, будто вымытый месяц, расставшись с тучей, вырвался на простор и озорным весёлым парнем побежал между мерцающих звёзд, заливая землю ярким зеленоватым цветом.

– Ну вот, пожелали друг другу покойной ночи, – грустно произнёс Тима, претягивая сигарету подошедшему Зейдулле и щёлкая зажигалкой.

– Я думаю, им будет, о чём поразмыслить перед сном, – улыбнулся тот в ответ.

– Нужно собрать ребят и – домой. Наши все целы? – спросил Тима.

– Целы, целы. Не торопись. Сигарета больно вкусная, – присаживаясь, отозвался Зейдулла.

Когда они возвращались к себе, было уже темно, но место первой схватки ещё тлело. Вдоль её края, принюхиваясь к аромату тлеющих останков, прохаживался ветерок. Под ногами хрустели осколки и запёкшаяся, обожжённая земля, и при каждом шаге вверх поднимался чёрный пепел. На пустом поле боя, повинувшись каприсам ветра, то гас, то разгорался широкий пласт углей, напоминая то открывающийся, то закрывающийся красный глаз... глаз поверженного дракона. То и дело со слабым приглушённым взрывом лопались чудом уцелевшие в этой круговерти автоматные патроны. И никто ещё не знал, что это было начало самого страшного за все эти годы сорокадвухдневного марафона...

Я часто думаю, что батальон, уйдя в тыл после заключения перемирия, унёс с собой линию фронта, которую держал до скрипа в зубах, до хруста суставов, до скрежета металла о металл!

И эта линия фронта проходит и сейчас через сердце каждого из нас – живого и мёртвого.

P.S. За время боевых действий тринадцать человек удостоены звания «Национальный Герой». Восемь из них – посмертно.

Тридцать девять человек награждены орденами и медалями.

РАФАИЛ ТАГИ-ЗАДЕ

Посвящение Гарабаху

Ах, Гарабах!..
Земля,
что влечет меня, где бы я ни был,
припасть на ее материнскую грудь.
Воздух,
что в грудь проникает мою
легко и свободно, без всяких препон.
Ледяные, кипящие, сладкие
воды,
сквозь камни пробившись,
рассеки скалы,
сочатся, текут, стремятся потоком.
Ночи тоску и тьму побеждая,
звездные, сказочные
простерлись
твои небеса.
Летящие мимо, плывущие мимо,
быть в барабаны, грохочут над нами,
чтоб нас пробудить от печали и горя,
большими и малыми
плачут дождями
здесьние тучи.
Реки,
кристальные, как родники,
звонко бурлят, до небес вскипают,
горы незыблевые колеблют.
Твой голос детей убаюкает нежно,
а нужно – мужчин рыдать он заставит,
зовущий на бой,
за собою влекущий
голос.
Влекущий к истокам и памяти предков,
и к древности славной,
ты – вечные узы меж мною и небом,
и Вечным Владыкой,
О, мой Гарабах!..

Гадалке

Что толку от правды, открытой тобою,
что мне с напророченной делать судьбою?..
Что было, что будет в мелькании дней,
что, хмурясь, читаешь в ладони моей?..

Лучше раскинь на грядущее мири...
Что ж ты мою не пускаешь руку?..
Не сокрушайся по мне, гадалка,
разве печаль моя – это печаль?..
беда – беда?..
А как же тогда
назвать нам с тобою
все горе мира, скорби всей земли?..

Смотри, вот те, кто лишился отчизны,
бродят повсюду, с тоской вдыхают
запах родной земли,
в горсти зажатой –
на их судьбу мне погадай, гадалка,
в ладонях мира прочитай судьбу...

Приграничная деревня

На въезде – шлагбаум,
на выезде – рвы.
Это деревня у края войны.
Но нет ни покоя,
ни тишины
в этой тиши и в этой глухи.
И бык не мычит, и не блеет баран,
от страха
засох, не налившись, гранат,
орехи не падают ночью с кустов –
здесь на шорох любой
открывают огонь.
Свадебный слышен в палатке напев...
Дворы нежилые пусты, а в домах
плесень и мох вместо цветов
окна теперь заплатают. С дерев
сбило обстрелами гнезда, в глазах
встречных – тревога.
Свечи, сгорая, трепещут во тьме,
память из прошлого высветит мне
белые домики в белом селе...

Встань, соберись,
слезы спрячь от врага,
разом стряхни эти копоть и пыль!..
Встречай у входа в живой «музей»
тех, кто приехал здесь все осмотреть –
и провожай их.
От нас же самих,
от оставленных сёл
нас беспощадно отсёк
упавший шлагбаум:
«Стой! Въезд запрещен!»

Сколько еще дней или лет
лишь после досмотра, по пропускам
будем входить мы в родное село?..
Пусти меня, черный шлагбаум, пусти!..
Колючей проволоки кусты
руками распутаю,
переброшу
рельсы через окопы и рвы.
Вагоны уснувшие в поезд сцепив,
его поведу в родные края
(с теми, кто в этих вагонах живет)...

Так дай мне покончить с этой бедой –
пусти меня, черный шлагбаум, пусти!..

Баллада о девяти ореховых деревьях

Моя мать – вынужденная переселенка – лишь пару раз
отвлеклась, оживилась в жизни своей городской: так было,
когда я принес ей с базара орехов к праздничному столу...

...На старом орехе
вороны горланят.
Под листьями, что намело в эти годы
столько орехов в земле истлевает.
Девять деревьев было у нас во дворе,
девять могучих красавцев,
братьев статных
с ветвистыми кронами.
(А сколько их было в садах соседских...)
Но вот уже столько лет
в запустенье
и сад наш, и жизнь наша.
Как же так вышло,
что нынче вороны в кронах резвятся,
созревшим орехом в нас же кидают
и ранят нам темя...

Среди бесхозных сирот-деревьев
есть те, кто засох, почернел от горя,
кто был искромсан, искрошен в щепку
вражьими хищными топорами,
а кто-то разграблен, расташен кусками...
Может, сегодня прячется где-то
в чьих-то шкафах
моя детская память –
вот откроют дверку комода,
и рассыплются в комнатах чьих-то, в доме чужом
наши воспоминанья.
А может, путями неисповедимыми
попав к соседям моим,

они прячутся
в ящичках, в полках –
как бы там ни было, стон протяжный
мебельной дверцы
душу царапает мне и пугает.
Вот рама оконная ждет дуновенья
ветра, что с родины милой веет,
и слезы стоят в глазах стеклянных...
(...А может быть, ставши паркетным настилом,
скрючены в досках воспоминанья мои...)

Я – тот, кто навеки лишился права
бросить в тебя мальчишечью биту...
Ах, старое дерево, старый орех,
в стане врагов томящийся нынче,
прошу, умоляю, не плачь так же горько
как мама моя...

К вагону подвешенная колыбель

К вагону подвешенная колыбель,
сегодня малыш подрастает в ней –
не ведая горя отцов, матерей,
крошка-малыш спит тихонечко в ней.

Спит безмятежно, не плачет, не хнычет,
как спит где-то в мире
ровесник-счастливчик,
спит так же, как спал бы спокойно и сладко
в объятьях резной дорогой кроватки.

Откуда же знать тебе, что творится
в мире большом, и о том, что, как птицы,
выводок нянек умелых кружится
над тем, кто сумел удачно родиться,
о том, что есть в мире леса и поля –
не только пустынная эта земля...

Что мир не составлен из старых вагонов,
тем более, тех, что и с места не стронешь –
ах, если б в купе с городского перрона
отец тебя внес на широких плечах,
и добрый вагон вас в пути укачал...

Зачем же злым духом над вами встает –
вагон, что вовек нигде не дойдет?..
Люлька качается, ты в ней сопишь,
под вагоном растущий малыш...
И не добраться в родные места –
лишь в сказочных снах ты летаешь туда.

Ребенок-беженец

Горькие, черные письмена
в свитке судьбы твоей,
Беженцев сын.

Двор твой – пустыни пылящий край,
(примета – крохотный рядом медпункт),
крайняя слева палатка – твой дом,
постель твоя – угол палатки той,
Беженца сын...

В бумагах твоих – печатей не счастье,
имя твое – в списках ООН,
на лепту «Красных Крестов» растешь ты,
фото твое – в альбомах
важных посольств, среди тысяч других,
обездоленных веком,
Беженцев сын.

Твой учитель – такой же бедняк
бездомный, школа – одна из палаток,
а перед фамилией вечно и всюду
стоит примечание:
«Беженцев сын».

Взгляд твой несмел,
но в быстрых взглядах,
и в руках, и во всей небольшой фигуре
таится отчаянное желанье
когда-нибудь с гордостью продиктовать
спросившим свой адрес и номер дома...
Без вины виноватый, лишний
в этом мире он –
Беженцев сын.

Ни точного места рождения, ни дня,
ни месяца, ни родового гнезда,
ни памяти прадедов и прабабок –
в палатке родился, в палатке растет
Беженцев сын.

Твой облик так непохож на прочих
сверстников – речь, и лицо, и одежда.
Взгляд твой старше на десятилетья тебя самого,
на плечах твоих виснет
груз непосильный...
Тайного, страшного рока дитя,
с сердцем в сквозных
кровоточащих ранах –
Беженцев сын.

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

ЛЮДМИЛА ЛАВРОВА

СВЯЗИ ЗЕМНЫЕ И НЕБЕСНЫЕ...

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

ИБРАГИМБЕКОВ Рустам Мамед оглу (род. 1939) – писатель, сценарист, лауреат Государственных премий, Народный писатель Азербайджана, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР (1976) и заслуженный деятель искусств России (1995), профессор. Окончил Бакинский индустриальный институт, а затем продолжил учёбу в аспирантуре Института кибернетики Академии наук СССР. В 70-е годы окончил Высшие сценарные и Высшие режиссерские курсы в Москве. Автор ряда известных повестей и пьес, по многим из которых написал сценарии, в т.ч. к фильму «Белое солнце пустыни» (1970, совм. с В. Ежовым). Также автор сценариев: «В этом южном городе» (1970), «И тогда я сказал – нет...» (1974), «Сердце, сердце...» (1976), «Структура момента» (1980), «Деловая поездка» (1982) и др. (всего свыше 25). Сотрудничал с режиссером Р. Оджаговым (кинофильмы «День рождения», 1978; «Допрос», 1979; «Перед закрытой дверью», 1981; «Парк», 1984). Киноленты по сценариям Ибрагимбекова сняты на киностудиях: «Мосфильм» («Храни меня, мой талисман»), Одесской («Повесть о чекисте», «Тайна корабельных часов»), Рижской («Дачный домик для одной семьи»), Киргизской («Это не беда»; «Урга» –1991, совместно с Францией, режиссер Н.С.Михалков). Широкий общественный резонанс получил кинофильм «Утомленные солнцем» (1994, совместно с Францией; сценарий совместно с Н.С.Михалковым, Гран-при на МКФ в Каннах-94). Автор сборников рассказов и повестей «В командировке и дома» (1970), пьес «Своей дорогой» (1973), «Дом на песке» (1976), «Допрос, или Момент истины» (1978; Гос.премия СССР 1981) и др. Председатель Конфедерации Союзов кинематографистов стран СНГ и Балтии, секретарь Союза кинематографистов Российской Федерации, председатель Еврейского кинофестиваля в Москве, член Европейской киноакадемии «Феликс», член Американской киноакадемии «Оскар». В 1998 году получил Гран-при первого межгосударственного телефорума «Содружество» за фильм «Человек, который старался». В 1999 году награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. В 2000 году удостоен одной из высших наград Франции – Командор ордена литературы и искусства.

«Страна без национальной элиты не имеет будущего»

Рустам Ибрагимбеков

Личность, судьба и творчество Рустама Ибрагимбекова – яркое опровержение знаменитой и широко растиражированной теории Хантингтона о столкновении цивилизаций. Ведь он, азербайджанец, сформировавшийся как художник в большой интернациональной России, не потерял ничего своего национального и талантом своим добился возможности работать на высоком профессиональном уровне в российском и мировом кино.

Но не только... Его высказывания, фильмы, проза, драматургия, общественная деятельность, все многообразие творческой и жизненной палитры опровергают еще один устойчивый миф о том, что невозможно художнику пребывать вне политики, сохранять общегуманистическую позицию в реальности, раздираемой острыми социально-экономическими противоречиями, партийной борьбой и идеологическими баррикадами. У Рустама Ибрагимбекова это получается. Но как?..

У Лао Цзы есть притча, которую любил и по-своему пересказывал Лев Толстой. Суть ее

такова: вода – самое мягкое и слабое существо в мире, но в преодолении крепкого она непобедима... слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое... Немногим это дано...

Рустам Ибрагимбеков как та вода – в существе оставаясь самим собой, движется, впитывая на своем творческом пути ритмы, скрытые в человеческом бытии, претворяя внешние преграды и наслоения, образы и краски действительности в слово. Может быть, потому и проза его живая, в ней не ощутимо ни грана того, что именуется «литературщиной» – как в сюжетах, так и в характеристах, судьбах героев, в их речи и поведении. Ты можешь никогда не бывать в бакинском дворе, не знать его обитателей и притягательного своеобразия уклада этого южного приморского города. Но атмосфера рассказов и повестей Ибрагимбекова настолько достоверна, что создается полная иллюзия твоего собственного присутствия среди его персонажей. Иллюзия включенности в эту жизнь вне зависимости от национальности, времени и расстояния. Как будто это и ты пьешь чай в знойный день «на старом скрипучем балконе, с края которого, перегнувшись через перила, можно было увидеть море...» («Храм воздуха»).

Сущность же, основа натуры и убеждений писателя заключается в следующем, послушаем самого Рустама Ибрагимбекова в его интервью газете «Новое человечество»:

«... Мне кажется, что, прежде всего, человечество должно бороться за то, чтобы будущее состоялось, потому что над нами нависла явная угроза, что будущего не будет, что оно просто закончится на настоящем. И так как других жителей на планете, кроме нас, нет, именно мы должны думать о том, что же сделать, чтобы Земля, которая, несомненно, является живым организмом, не погибла.

– Что же нам мешает задуматься об этом?

– Думаю, вся проблема в том, что мы еще только на пути к тому состоянию, которое можно назвать «Человек». Во всем человечестве лишь процентов двадцать – это люди, а остальные восемьдесят процентов – это те, кому еще предстоит стать «Человеком». Они очень похожи на людей, так же разговаривают, у них те же интересы, но у них нет одной важной составляющей – нет духовности. Они еще в промежуточном состоянии между животными и людьми... Это не так плохо, когда я говорю «животное». Я прочитал брошюру »Альтруизм – закон джунглей« и поразился ее глубине. В ней просто и очевидно доказывается, что наши младшие братья ведут себя гораздо честнее, совестливее и благороднее, чем люди, потому что они довольствуются тем, что им необходимо. Даже хищники, которые пожирают слабых особей, съедают ровно столько, сколько им необходимо для поддержания жизни. Единственное существо на Земле, которое не знает предела в «поглощении», – это человек: он потребляет все больше, больше и больше, движимый своим эгоизмом. Именно это и порождает кризисную ситуацию на грани катастрофы, к которой мы пришли.

– Так что же мы можем сделать, чтобы не довести эту кризисную ситуацию до состояния коллапса?

– Хочу обратить внимание на одно абсурдное обстоятельство. В нашем мире существуют награды за все: за жестокость, за силу, за талант, но нет ни одной награды за добро. Ни в одной стране нет ни одной премии, которой награждали бы людей за то, что они совершили добрые поступки. Получается, что человечество еще недостаточно созрело для того, чтобы оценить самое главное человеческое качество. То есть, на первых порах способность или желание делать добро требует поощрения. Представьте себе, что за добрые поступки будут награждать чем-то вроде Нобелевской премии! Можно назвать с десяток людей, которые добились признания, уважения, благосостояния. Премия «за добро» побудила бы их делать вещи, полезные обществу.

– Но ведь надо еще правильно понимать, что является благом?

– Да. На всех этапах образования нас учат чему угодно, кроме бережного отношения к земле, к окружающему нас миру. Нас учат патриотизму, но таким образом, что мы любим только тот клочок земли, на котором живем, а все остальное – пропади пропадом. Во всех сферах наше цивилизационное образование обогнало и продолжает стремительно обгонять духовное. Это ножницы. Мы научились всему, что связано с разрушением, но пока не выработали механизмы, которые бы правильно использовали наш эгоизм, ...который является главной действующей силой. Я специалист по оптимальному управлению и считаю, что очень

важно, чтобы человек, движимый эгоизмом, научился чего-то добиваться в этой жизни и для себя, и для других. Но, войдя в некую «пороговую зону», умел встать над своим эгоизмом, научиться управлять им. Получать удовольствие так, как наслаждается мать, которая отдает последний кусок хлеба своему ребенку. Она ощущает от этого не меньшее удовольствие, нежели если бы съела этот кусочек сама.

– Как же нам этому научиться?

– Только через систему образования. В каждой религии все ответы есть в общем виде, а очень важно это знание приспособить к конкретному периоду жизни человечества. Сегодня мы пришли к новому этапу развития, когда надо включить «обратную тягу», точно так же, как двигатели выносят ракету в атмосферу, а потом, чтобы она могла сесть, начинают работать в «обратном» направлении. Все наши эгоистические побудительные механизмы должны начать работать в обратную сторону, иначе мы погибнем. И без этого нельзя, понимаете? Нельзя отказаться от эгоизма, потому что это врожденное качество. Но человеку можно объяснить: если будешь продолжать жить так, погибнешь сам и погибнут твои потомки. Поделись – и это пойдет тебе на пользу. Мы сможем выжить, только объясняя человеку, что добро является необходимым качеством, выгодным ему самому. Это и есть политика эгоистического альтруизма. Человека надо научить делать добро, используя в качестве аргумента его же собственные эгоистические потребности: душевное спокойствие, здоровье, продление жизни и т.д., и т.д.

...Я как-то случайно прочитал книгу, в которой говорилось, что точно так же, как у отдельного человека возникает потребность пересмотреть свою жизнь, начать жить не столь эгоистично, так же это свойство присуще и человечеству в целом. Просто человечество должно «созреть». Сегодня мы понимаем – этот период уже наступил: еще 30, 40, 50 лет тому назад было рано, через 50 лет будет поздно. Веками людям говорили эти вещи, и вроде бы их это не «пробивало», сегодня же инстинкт самосохранения каким-то интуитивным образом толкает человечество в этом направлении, чтобы спасти себя, свою семью, наше будущее, в конце концов. Как ни странно, но в основе всего лежит человеческий эгоизм, и если он не будет заинтересован в спасении человечества, ничего не получится...».

В приведенных высказываниях писателя привлекают внимание, прежде всего, две вещи. Первое – то, что Ибрагимбеков, наш современник, напоминает нам об актуальности знания, зародившегося еще в глубокой древности. Мысль о том, что человек – эгоист от природы и что из этого должна исходить нравственность, высказывалась еще в античной философии (Демокрит, Эпикур, см. гедонизм, эвдемонизм). Наиболее законченное выражение этикета возврет получили в буржуазной этике XVII–XVIII вв. (Спиноза, французские материалисты). Этика французских материалистов получила название теории «разумного эгоизма». Суть ее состояла в следующем: если человек в своих поступках может следовать только собственным интересам, нужно учить его не отказу от эгоизма, а тому, чтобы он понимал свои интересы «разумно», следовал требованиям своей подлинной «природы»; если общество будет организовано так же «разумно», то интересы отдельных личностей не будут приходить в столкновение с интересами окружающих и общества в целом, а, наоборот, будут служить им. Подобного же рода идеи разрабатывал немецкий философ-материалист XIX в. Фейербах. Русский революционный демократ Чернышевский также выдвигал теорию «разумного эгоизма» в романе «Что делать?», которым зачитывались целые поколения читателей, и не только в России. В своей этике Чернышевский делал упор на служение личности обществу, сознательное подчинение человеком своих устремлений потребностям борьбы за свои права. Вслед за философами старого и нового времени, Ибрагимбеков, определяя необходимое самоощущение личности как «эгоистический альтруизм», подчеркивает, что «человек неразумный» склонен отдавать приоритет материальному потреблению и пустым удовольствиям, именно в этом проявляются основные черты «массового человека»: постоянный рост жизненных запросов и врожденная неблагодарность, что в целом рисует образ избалованного Ребёнка, живущего эмоциями и иллюзиями. Подобные «детки», «люди, только похожие на людей», образующие «массовое общество», подтачивают и разрушают основы собственного существования. Разумный же эгоист никогда так себя не ведёт: он думает о долговременной выгоде, а не об удовлетворении сиюминутных потребностей. В то время как эгоцентризм – крайняя степень эгоизма – опасен для жизни. Ведь

эгоцентрик не способен чувствовать окружающих, прогнозировать их действия, а значит, разумно соизмерять свои поступки с поступками других. Не случайно сказано: «Свобода – это способность человека жить в условиях собственных самоограничений».

Второе, не менее важное и естественно связанное с первым, о чем в своем интервью побуждает задуматься писатель: как сделать, «чтобы Земля, которая, несомненно, является живым организмом, не погибла». Эта фраза для Р. Ибрагимбекова отнюдь не декларативна, в ней проявляется мировоззренческий подход художника к миссии человека на земле, к его целям и назначению. Сегодня такой подход называют «экологическим». Писатель справедливо подчеркивает, что «на всех этапах образования нас учат чему угодно, кроме бережного отношения к земле, к окружающему нас миру. Нас учат патриотизму, но таким образом, что мы любим только тот клочок земли, на котором живем, а все остальное – пропади пропадом. Во всех сферах наше цивилизационное образование обогнало и продолжает стремительно обгонять духовное...» Высший смысл существования человека, по мнению писателя: отдавая, ты поднимаешься на более высокую ступень в своем гуманистическом развитии.

Ибрагимбеков по-своему продолжает тему знаменитого «эффекта бабочки» Р. Брэдбери. Углубляет и «заземляет» ее, переводит в пространство человеческих отношений, при этом всякий раз погружая читателя в поток времени, создающий тот жизненный контекст, в каком приходится жить и действовать его персонажам. В этом потоке у Ибрагимбекова все взаимосвязано, будущее и минувшее, мертвое и живое, поэтому один случайный поступок, встреча, однажды сделанный выбор, всуе произнесенное слово, в далеком ли прошлом или сегодня, могут вызвать цепочку последствий, внешне никак не перекликающихся с первопричиной, но настигающих человека с неотвратимостью природной стихии. К сожалению, мало кто задумывается об этом в состоянии радости или окрыленный успехом, пребывая в уверенности, что получил заслуженное... Зато отчаянные вопросы: «почему я?», «почему именно на мою долю выпали эти испытания?» – знакомы многим. Так происходит с героем замечательной повести «Сложение волн», Эльдаром, которого лишь в обстоятельствах трагического абсурда посещает озарение: «любой поступок, все действия, совершаемые людьми, обретают жизнь в виде последствий; одни, как живые существа, умирают быстро, а другие могут иметь бесконечную длительность, создавая все новые и новые события, а те, цепляясь друг за друга, продолжаются веками...» Подобной роковой цепью связано все живое на земле... Но мы, в большинстве своем беспечно и легкомысленно проживая отпущеные нам годы, не задумываемся над этим, не улавливаем дальних указаний, потаенных связей и первопричин происходящего или не происходящего с нами и окружающим нас миром. Лишь на пороге небытия угасающее сознание Эльдара пытается нащупать объяснение случившемуся с ним: «почему поступки, совершенные разными, и близкими, и далекими от него людьми, а вернее, последствия этих поступков, набегая друг на друга еле заметными волнами, однажды сложились в целое, и огромный вал обрушился на него, как тщательно организованный, коварный удар судьбы?.. Почему именно на него? Кто определил этот выбор? И когда возникла первая волна?...» Мы никогда не узнаем о том, к чему пришел в своих размышлениях Эльдар. Смерть растворила все его догадки, страдания и надежды в вечности. А вот у читателя остается шанс пересмотреть и по-иному оценить страницы собственной жизни, и тем самым попытаться что-то исправить в будущем. Возможно, шанс иллюзорный, но все же... Еще более сложный по рисунку сюжетный «ковер» «ткется» писателем в другой повести – «Храм воздуха», где почти полувековая история нескольких поколений двух азербайджанских семей сплетается с историей страны, с судьбами вроде бы совсем незнакомых им людей. Необъяснимая поездка с женой и детьми на отдых в Кисловодск как будто включает в сознании героя некий пусковой механизм, приоткрывающий «тайную взаимосвязь событий, казалось бы, не имеющих друг к другу никакого отношения... С тех пор он все чаще и чаще находил подтверждение тому, что многие наши поступки оказывают влияние на жизни других людей, удаленных от нас временем и расстоянием». Но если в «Храме...» попытка главного персонажа нащупать причинно-следственную цепочку между прошлым и настоящим его семьи дает хоть какие-то намеки на ответ, героям новеллы «Вермишев» уже нечего ждать и ничего не исправить...

* * *

Если воспользоваться идеей Р. Ибрагимбекова о «внутренней связи» – повысим планку! – всего сущего и попытаться спроектировать эту идею на его собственную судьбу, то даже для внешнего наблюдателя, знакомого с его работами и высказываниями, может открыться цепь значимых закономерностей и сюжетов, помогающих лучше понять художественную и гражданскую позицию писателя.

Рустам Ибрагимбеков родился 5 февраля 1939 года в Баку в семье выходца из Шемахи, профессора искусствоведения Мамеда Ибрагим Ахмед оглу Ибрагимбекова и Фатимы Алекпер гызы Мешадибековой. «Мой отец родом из Шемахи – откуда шемаханская царица. Я там был только проездом...» – как бы вскользь замечает в одном из своих интервью писатель, своим уточнением вызывая в сознании русского читателя знакомый с детства образ из сказки А. Пушкина, и при этом не акцентируя своего отношения к городу, откуда тянутся его корни. Но все не так просто... Родина великого поэта Сабира, этот легендарный город среди гор с крупнейшей и древнейшей на Кавказе, уникальной по архитектуре и орнаментальному декору мечетью Джума, которая неоднократно горела и возрождалась на протяжении столетий, следы огня на ее стенах еще можно увидеть до сих пор... – многое пережившая за века Шемаха окружает родовое древо Ибагимбековых особой аурой. Недаром о символическом значении места рождения в судьбе человека писали выдающиеся философы-мистики. Не оттуда ли склонность писателя к поиску потаенных ключей к событиям жизни своих персонажей? И еще – не менее важное: в фамилии матери – Мешадибекова – читается склонность ее предков к духовному просветлению, к чтению религиозных святынь. Ведь мешади называют человека, совершившего паломничество в иранский Мешхед, к мавзолею имама Рза...

По свидетельству близко знавших семью людей, отец Рустама был очень мягким человеком, за всю жизнь ни разу ни с кем не вступившим в конфликт, а мать – решительной и отважной женщиной. Был случай, когда жена Молотова, одного из советских руководителей, Полина Жемчужина, в 1948 году оказалась в тюрьме по обвинению в том, что «на протяжении ряда лет находилась в преступной связи с еврейскими националистами». Тогда все евреи района Баку, где проживали Ибрагимбековы, опасаясь репрессий, пришли с просьбой к матери Рустама, чтобы та написала от их имени письмо Сталину, где бы говорилось, что они не согласны с позицией Жемчужиной, что они – патриотичные, советские евреи. Бесстрашная Фатима – шутка ли, письмо самому вождю! – грамотно и аргументированно все изложила. Не исключено, что письмо сыграло свою роль: никаких гонений на бакинских евреев не было.

Здесь стоит заметить, что национальный вопрос, с конца 80-х гг. обострившийся по разным причинам до кровопролития во многих бывших братских республиках Союза, на протяжении всех этих лет в той или иной форме находил отражение в творчестве многих известных деятелей культуры. И мало кому удалось удержать высоту исторического и гуманистического подхода к национальным проблемам. С легкостью забывались и отвергались былая дружба и культурные связи, искалась картина духовного пространства Евразии. Однако Рустам Ибрагимбеков и в этом остром вопросе сохраняет мудрость и взвешенность в оценках. Есть стойкое ощущение, что именно город, где он вырос, – Баку, коллективное сознание той многонациональной среды на всю жизнь дали ему прививку от ксенофобии. Его детство и юность пришлись на трудные военные и послевоенные годы, когда многое держалось на взаимовыручке и поддержке соседей, среди которых были представители самых разных национальностей. Знакомый с бытом коммунальных квартир и дворов, где все на виду, с жизнью самых простых людей, с болью переживший вместе с народом Азербайджана события конца 80-х – начала 90-х годов – войну в Карабахе, «черный январь» 1990 года, катастрофу Ходжалы – он ни разу не позволил себе опуститься до политической или иной конъюнктуры, неизменно выступая на стороне правды и справедливости, чего бы это ни касалось – творчества, личной дружбы, каких-то общественных тем...

Вот как он отвечает корреспонденту российской правительенной газеты:

Российская газета: Сейчас многие даже либеральные журналисты склонны утверждать, что никакой дружбы народов в СССР и не было, что это пропагандистская выдумка, со-

ветский миф. Так была она или нет?

Рустам Ибрагимбеков: Желание опрокинуть советские ценности не ново. Вспомните, какой поток измышлений излился по поводу Отечественной войны: напрасные жертвы, бессмысленная бойня и т.д. Но это же должно быть свято, как бы ни сложилась послевоенная история СССР! Это то, что объединяло в противостоянии фашизму огромное число людей – русских, украинцев, азербайджанцев, грузин, таджиков... Раньше мы вынуждены были мириться с особенностями советской идеологии, а теперь страдаем от перегибов, по сути антисоветских. Кто-то злонамеренно, а кто-то – специально разжигает межнациональную неприязнь».

Для того, чтобы сказать подобное в ситуации, когда многие представители интеллигенции на постсоветском пространстве в буквальном смысле делают себе карьеру на антисоветизме и националистических лозунгах, нужна немалая смелость. Для Ибрагимбекова-художника Азербайджан, Россия, Казахстан, Грузия, Литва или Эстония и далее... – все это, прежде всего, земля людей, которым жизненно необходимо поверх любых барьеров находить общий язык друг с другом. И он вникает то в перипетии русской истории в связи с фильмом об Александре Невском, то в древность казахских степей, в жизнь кочевых племен, чтобы рассказать об одной из самых драматических страниц казахской истории, связанной с неким Аблай-ханом, который в начале XVIII века сумел объединить казахов и освободить народ от завоевателей-джунгар.

К национальным проблемам нам еще предстоит вернуться, поскольку им уделяется немалое место в интервью с Р. Ибрагимбековым. А пока продолжим краткий очерк жизненного пути художника. В литературу Рустам пришел в 1962 году, когда в республиканской газете «Молодежь Азербайджана» был напечатан его рассказ «Хлеб без варенья». С тех пор его прозаические произведения публиковались регулярно, всякий раз встречая одобрительные отклики читателя и критики. Это было время так называемой «оттепели», когда каждое новое, свежее слово ловилось обществом как желанный глоток свободы. Проза Ибрагимбекова не обманывала этих ожиданий, органично вписываясь в разноцветье творческих исканий пришедших в те годы в литературу талантливых авторов – Аксенова и Евтушенко, Ахмадуллиной и Рождественского, Белова и Распутина, Айтматова и Шукшина, Бондарева и Тендрякова, а в Азербайджане – Анара, Максуда Ибрагимбекова, Эльчина, Акрама Айлисли...

На сегодняшний день Р. Ибрагимбеков – автор более десяти книг и сборников прозы, которые разошлись тиражом свыше 500 тысяч экземпляров. Не говоря уж о пьесах, поставленных более, чем в ста театрах разных стран мира. Пьесы – «Женщина за закрытой дверью», «Похороны в Калифорнии», «Дом на песке», «Похожий на льва» – с большим успехом шли в Праге, Берлине, Софии, Будапеште, Нью-Йорке, Баку и Москве. В разные годы в Москве, Баку и других городах он, как режиссер, поставил спектакли по своим пьесам, которые встретили теплый прием у зрителей, в частности, в марте 2000 г. пьеса «Похожий на льва» с аншлагом прошла в муниципальном городском театре Стамбула.

После окончания института Рустам Ибрагимбеков продолжил учебу по избранной им специальности в аспирантуре Института кибернетики Академии наук СССР в Москве, одного из самых передовых научных заведений того времени. Вот как он сам вспоминает об этом: «Я занимался наукой ... работал в одном из лучших институтов в мире в области кибернетики, в институтах в Москве ... там везде висели цитаты из Ленина, а в нашем институте висела цитата из великого кибернетика Норberta Винера, ИАТ – тогда он назывался, Институт автоматики и телемеханики – один из лучших институтов, научных центров в области кибернетики, не хуже, чем Массачусетский технологический институт... я провел там много лет именно потому, что меня тогда интересовала наука».

И вдруг неожиданно для всех он оставляет научную стезю, где достаточно преуспел, и совершает « побег » ... в мир кино. На высшие курсы сценаристов в Москве, по собственному признанию, Ибрагимбеков поступил лишь для того, чтобы иметь возможность смотреть замечательные фильмы. Тогда в Советском Союзе появилась возможность, пусть и не всегда в широком прокате, увидеть, в частности, картины выдающихся мастеров итальянского неореализма, совершившего настоящую революцию не только в поэтике кинематографа, но и в маинере актерской игры; на экране ярко и правдиво воплощались народные характеры,

создавались незабываемые образы простых итальянцев. Произошло углубление анализа отношений между людьми, поднимались темы отчужденности человека в современном мире, социальная проблематика. 60-е годы в итальянском кино – это время дебютов, расцвета творчества ведущих мастеров, появления новых жанров. Но главными становятся именно остросоциальные ленты, посвященные современности. Это картины и Феллини, и Антониони, в которых общество «всеобщего благоденствия» оказывается обществом всеобщей разобщённости и бездуховности. Это один из лучших фильмов Висконти – «Рокко и его братья», рассказывающий о трагической судьбе крестьянской семьи, перебравшейся в город.

И, наконец, две первые картины П.П.Пазолини «Нищий» и «Мама Рома», открывающие новую страницу в истории итальянского кино, связанную с творчеством прославленного режиссёра, поэта, писателя, учёного и публициста, которые пришёл со своей, особой темой, удивительно эмоциональным и выразительным языком, трагически-противоречивым, мятежным мироощущением. Подобные фильмы не могли не оказывать огромного влияния как на советского зрителя, так и на деятелей кино. В СССР в 60-е годы тоже начался «бум» кинематографа, производство фильмов было доведено примерно до 120 картин в год, из которых около 60% приходилось на долю постановок, осуществленных в союзных республиках. В фильмах стало больше уделяться внимания чувствам, мыслям и переживаниям героев, такой подход к жизненному материалу проявился в выдающихся лентах об Отечественной войне – в фильмах «Солдаты» (1957), реж. А. Иванов, «Летят журавли» (1957), реж. Калатозов, «Дом, в котором я живу» (1957), реж. Л. Кулиджанов и Я. Сегель, «Баллада о солдате» (1959), реж. Г. Чухрай, «Судьба человека» (1959) реж. С. Бондарчук, «Иваново детство», реж. А. Тарковский, «Ты не сирота» (1963), реж. Ш. Аббасов, «Отец солдата» (1965), реж. Р. Чхеидзе. Подлинным прорывом в мир современника стали фильмы «Мне двадцать лет» (1965) М. Хуциева и «Девять дней одного года» (1962) М. Ромма, кинороман режиссера Герасимова «Люди и звери» (1962). Вот тот фон, на котором делал свои первые шаги в большое кино Р. Ибрагимбеков.

Его кинодебют состоялся в 1969 году, когда на экраны страны вышел фильм по его сценарию – «В одном южном городе» (режиссер Эльдар Кулиев). Картина посвящалась серьезным морально-этическим проблемам в обществе и вызвала критику чиновничества, зато у коллег и зрителей встретила самый теплый прием. В начале 70-х годов была заложена основа творческих отношений с Никитой Михалковым, который снял свой первый фильм «Спокойный день в конце войны» по сценарию Рустама Ибрагимбекова, где в полной мере проявилась гуманистическая направленность дарования молодого сценариста. В этой ленте нет ни воинского пафоса, ни батальных сцен, все внимание здесь сосредоточено на психологии героев, на их человеческих качествах. Впоследствии результатом содружества Н. Михалкова и Р. Ибрагимбекова стал целый ряд значительных и даже великих работ: «Урга. Территория любви» удостоена главного приза «Золотой лев» в Венеции, Государственной премии Российской Федерации; «Утомленные солнцем» – картина, заслужившая «Оскара» за лучший иностранный фильм и Гран-при жюри Каннского фестиваля, Государственную премию Российской Федерации; «Сибирский цирюльник» также получил Государственную премию... Рустам Ибрагимбеков создал сценарии более 50 художественных и телевизионных фильмов, практически все его литературные произведения были экranизированы.

Автором сценария общепризнанного шедевра советского кино «Белое солнце пустыни» Р.Ибрагимбеков стал достаточно случайно, в том же 1970 году. Он сам не без юмора вспоминает об этом так: «Андрон Кончаловский собирался снимать «советский вестерн» и написал сценарий, который ему самому не понравился. Но фильм был уже запущен и потому решили быстро сколотить «ремонтную бригаду» и написать новый сценарий. Пришел Валентин Ежов, автор «Баллады о солдате», лауреат Ленинской премии. Он любил писать в соавторстве. Ему решили найти человека, хорошо разбирающегося в восточном материале. Для меня, провинциального сценариста, приглашение работать с уже известным режиссером было очень престижно. Но я понимал: если в первом разговоре признаюсь, что никогда не бывал в Средней Азии (где должно было происходить действие) и вообще не участвовал в революции, меня в картину не возьмут, и потому прикинулся бывалым. Вот так двое уже широко известных художников стали «на равных» моими товарищами. Так стали мы писать «Белое солнце».

потом Андрон очень мягко отказался от этого фильма – ему дали снимать «Дворянское гнездо» по Тургеневу. Появился Мотыль. Фильм открывали, закрывали из-за «несерьезного» отношения к теме революции. А мы просто хотели показать сокровенного русского человека, солдата, которого революция мотает по незнакомому миру, а он остается нормальным человеком со здравым смыслом и смекалкой, надежным и добрым, с очень русским юмором, способностью принимать обстоятельства такими, какие они есть, примиряясь с ними, но не ломаясь, сохранивая свой национальный характер. Революция для нас была не темой, а обстоятельствами, в которых действует народный герой. Именно способность сохранить человечность в страшных обстоятельствах была для нас главным».

Как видим, в этих словах художника вновь выражается его глубоко осознанное кредо: человек, человечность, народные корни, доброта, надежность, стойкость, мужество в непростых жизненных обстоятельствах – вот что достойно творческого внимания, по мнению Ибрагимбекова. И хотя литература, искусство – считает он, – мало что меняют в этом мире, они существуют не для развлечения, а для поддержания человеческого начала в людях. Включение высокой культуры в каждодневную жизнь помогает человеку поддерживать духовную форму.

* * *

В начале 70-х годов Ибрагимбеков окончил и Высшие режиссерские курсы во ВГИКе, защитил диплом с отличием и даже снял кинокомедию. Но после этого он редко обращается к кинорежиссуру. А когда в середине 70-х начинает сочинять для театра, его затягивает процесс постановки на сцене собственных пьес. С ним, по его собственным словам, легко работает актерам, ведь «драматург знает о своих персонажах всегда больше любого режиссера. Иной режиссер, может быть, сделает постановку лучше, чем я, но у него все равно получится приблизительно. А я все делаю один к одному. Правда, работая в Стамбуле в 2000-м, я испытывал сложности, потому что оказался в другой театральной эстетике. Приходилось общаться с турецкими актерами через переводчика и, что называется, на пальцах. Тогда в турецких СМИ написали, что на сцене Стамбульского муниципального театра Ибрагимбеков первым поставил психологический спектакль».

На распространенный вопрос «А что вам интересней, сочинять или ставить?», Ибрагимбеков отвечает так: «С удовольствием придумываю и ставлю. А вот записать придуманное – это для меня проблема. Особенно начало. Когда я дохожу до середины, то могу уже писать где угодно: в самолете, дома, в гостях. У меня есть замыслы, которым по двадцать лет. Они во мне живут, обрастают подробностями. Герои становятся для меня почти что живыми людьми. И вдруг в один прекрасный день я сажусь за письменный стол и начинаю это записывать». И тут же следует фраза, многое объясняющая в его характере: «У меня есть правило: ни один человек не слышал от меня, что я занят, потому что пишу. Первое время мне просто было стыдно признаваться среди друзей – бывальных бакинских парней, что я этим занимаюсь. А потом я понял, что писательство ничем не лучше и не хуже других профессий. В этом смысле я лишен писательского снобизма».

Показательный факт: в отличие от многих нынешних деятелей культуры, для Ибрагимбекова коммерческий успех не является идолом, диктующим смысл и цели его работы. По словам мастера, «если в нашем московском зале, где 50 мест, будет аншлаг, то я смогу расплатиться с актерами и персоналом. Для меня это и есть коммерческий успех – когда ничего не зарабатывается, но и расходы окупаются. Я стараюсь не относиться к искусству утилитарно. В свое время я говорил брату Максуду, какие мы счастливые люди – делаем, что хотим, а нам за это еще и платят. Для заработка есть в искусстве же другие способы. Но они унижают человека творческого – это сериалы и другие образчики невысокого искусства. Для того, чтобы сохранить форму, драматургу нужно, конечно, уметь зарабатывать деньги, но исключительно для того, чтобы на них создавать что-то для души».

* * *

Немало душевных и физических сил отдает Рустам Ибрагимбеков сохранению единого

кино-пространства и вообще – укреплению в постсоветской реальности дружеских и творческих связей в сфере театра и кино. Он убежден, что «самая мощная интеллектуальная энергия – это информация. Нет ничего страшнее, чем интеллектуальный сепаратизм. Сепаратизм политический иногда, может быть, и дает какой-то эффект, хотя постсоветский опыт показывает, что развал огромной страны мало кому принес счастье. Но сепаратизм информационный – это просто убогость. В мире люди очень интенсивно передвигаются из страны в страну именно за этим информационным общением, там тысячи фондов, которые поддерживают культурные связи. А у нас один МФГС, и мы счастливы...».

Ибрагимбеков трезво оценивает поверхностное отношение некоторых нынешних деятелей кино к недавней истории и установившимся общественно-политическим порядкам, справедливо видя в этом корни неудач многих кинопремьер последнего времени: «Как это ни смешно, возник всплеск запоздалой критики советского времени. Кинематографисты отыгрываются за то, что боялись делать тогда. Прямой критики нынешних властей избегают, но часто обращаются к теневой стороне жизни – ко всему, что связано с коррупцией и уголовщиной. Но при этом никто не связывает их с политической системой и государственным устройством. Как будто власть сама по себе, а уголовщина сама по себе. Судя по тому, что власти молчат, им нравится такой подход. Ни в одной из республик я не видел ни одной острой картины, которая ставила бы актуальные социально-политические проблемы. Да и в России их немного».

Для кого же ныне создается искусство, для узкой группы интеллектуалов, для народа или вообще обращено к будущим поколениям? «Любое художественное произведение, если это не подделка, – уверен Рустам Ибрагимбеков, – должно быть как море – чтобы тот, кто не умеет плавать, мог поплескаться у берега. И чтобы было достаточно глубоко, чтобы, кто захочет, смог понырять. Что это означает? Сперва должен быть простой, доступный любому человеку, интригующий, интересный слой повествования. «Анна Каренина» при поверхностном рассмотрении – жутко банальная история. Женщина влюбилась в офицера, он ее бросил, а она с горя бросилась под поезд. Сюжет рассчитан на самого примитивного, любящего мелодраму читателя. Но написано это таким образом, что люди, не менее утонченные, чем затевшие в «РГ» дискуссию «В поисках сложного человека» Даниил Дондурей и Кирилл Серебренников, имеют возможность насладиться глубиной достижения человеческой сути. Или производственная драма Шекспира «Отелло». Заместитель решил «съесть» своего начальника. Зная, что тот ревнив, начал подбрасывать «компромат» на его жену. И добился-таки, что начальник ее задушил, поставив крест на своей карьере. Интрига увлекает любого обывателя, потому что задействованы привычные и вечные двигатели сюжета – ревность, любовь, несправедливость. Но каков текст! Он гениален, поскольку написан гением. Великие мастера никогда не создавали просто «навороченные» произведения. Они делали сложное из простых кирпичиков. А у нас из сложных материалов создают примитив. А сложность и величие определяются только мерой таланта».

Он глубоко убежден в том, что в кино должно прийти новое поколение талантливых людей, потому что «мир стремительно меняется, и только те, кто выросли в это время, могут рассказать о нем полно и эмоционально убедительно». Вот только молодые режиссеры зачастую, к сожалению Ибрагимбекова, меньше всего знают советскую классику. И очень хорошо – мировое кино. «По сравнению с нами, – говорит он, – которые могли посещать только закрытые просмотры, они ее знают идеально. Естественно, смотрят то, что им нравится. У нынешних молодых заметно выражено пренебрежение к классикам. Хотя при этом уважают Квентина Тарантино, Франсуа Озона, Ларса фон Триера. А в своем отечестве пророков нет. И в отличие, скажем, от литераторов, исповедующих культура своего языка, своей земли, своих корней и истоков, кинематограф – искусство современное, требующее очень серьезной общей подготовки. Тут далеко не поедешь, ориентируясь только на собственные азербайджанские или грузинские кинотрадиции... Я не ратую за глобализацию. Ведь она достигается за счет утраты своей идентичности, национальных черт. Но нужен современный, мировой инструментарий, язык, способ рассказа... У каждого свой стиль вождения, но правила дорожного движения нужно знать. И задача ...как раз и состоит в том, чтобы молодые режиссеры вырвались из того ремесленного контекста, в котором они живут в своих странах. Пусть остаются сколь

угодно самобытными, но владеть профессией они должны универсально».

* * *

Очевидно, в творчестве для Рустама Ибрагимбекова остаются живыми заветы литературных классиков, опыт мастеров мирового киноискусства. Он весь устремлен на исследование человеческой души, отношений личности и общества. Обсуждая на одной из радиостанций нашумевший фильм «Филёр» (реж. Р. Балаян), снятый по его сценарию, с О. Янковским в главной роли, Ибрагимбеков подробно объясняет свою творческую позицию и обозначает ключевые моменты своего мировоззрения:

«В фильме есть вечный конфликт между личностью и окружающей средой, обществом. Время от времени, в России в особенности – ну, естественно, в близлежащих странах, как это выяснилось, и когда-то в Германии – общество начинает использовать личность в собственных интересах. И тут дело не в личных качествах человека. Одни не сдаются и гибнут, а другие – прогибаются. Считать героя «Филёра» вообще плохим человеком нельзя, потому что он в конце картины даже уходит из жизни, будучи не в силах перенести прессинг власти. Этот конфликт меня интересует всю мою жизнь. Дело в том, что на Западе в годы, когда я начинал работать в кино и театре, была очень модной тема некоммуникабельности. Антониони, Феллини, все великие мастера того времени – 50-60 годов – рассказывали об одиночестве человека. Какие-то попытки делать на эту тему фильмы были и в нашем кинематографе, что вызывало у меня легкую усмешку, потому что мы-то как раз страдали от обратного: мы страдали от чрезмерной коллективности нашей жизни. Ясли, детский сад, школа, профсоюзы – ты где-то выныривал в море и наталкивался на лозунг, напоминавший тебе о том, чтобы ты не думал, будто заплыл далеко, не думал, что ты один – нет, «ты с нами». У нас существовала другая личностная проблема: как сохранить себя, как прожить свою жизнь в соответствии со своими представлениями и убеждениями. И в тех случаях, когда они совпадают с общественными, идти в ногу с обществом, а если нет – позволить себе не участвовать. Вот что всегда было для меня самой главной проблемой. В «Белом солнце пустыни» рассказывается история человека, который вовсе не борец, не революционер, это история порядочного русского человека, который попал в страшные обстоятельства революции и хочет оставаться человеком. И действует он именно вопреки революционной логике, вопреки очень многим... Картина и сохранилась, потому что она посвящена вот этой коренной проблеме. В «Филёре» то же самое... Это история человека, который пытаются сломать и ломают, и он в результате гибнет».

А кого бы он сам сегодня назвал героем? На этот вопрос Ибрагимбеков отвечает так:

«Общество во все времена в разных формах осуществляет, назовем это – социальный заказ. В России и в советское время – партия, а прежде – русская литературная критика призывала к созданию образа активного героя. Чернышевский, Добролюбов, многие ставили вопрос, может ли Обломов быть героем? Или герой все-таки Штольц? И вдруг наступило время, когда пришло понимание, что самое страшное – действенные герои. Настолько стал сложен мир, весь миропорядок, что возникла необходимость в герое, который прежде, чем действовать, осмысливает окружающее, свои предполагаемые поступки и шаги, пропускает через себя, свою душу все происходящее. Рефлексирующий герой выдвигается на первый план! Это произошло и у нас, когда, например, Калягин со своей негероической внешностью играл героические роли, и в Америке появился Аль Пачино вместо всех этих знаменитых блондинов Уэйнов...

Сегодня мы с сожалением наблюдаем общественный «заказ», с одной стороны, на бандитов, почти уголовников, а с другой – на спецназовцев и т.д. Модный герой сегодня добивается успеха любой ценой. С той ли он стороны, или с этой... Получилась страшная вещь: мы как будто вместе с социалистическим способом хозяйствования отказались от огромного духовного богатства. В результате вместе с капитализмом приняли на вооружение мелкобуржуазную, мещансскую этику и нравственность. А мелкобуржуазная нравственность всегда воспевает успех. Что же такое успех любой ценой? Растоптать другого человека, обогнать его, подняться над ним... Даже на официальном уровне постоянно твердят, что главное – успех, главное – деньги, главное – успешный герой... Ужасно... Но ведь герои-то настоящие – совсем

другие люди. Герой – это человек, который имеет собственные убеждения, не навязывая их никому, но он абсолютно тверд в своих убеждениях... Сочетание твердости в убеждениях с мягкостью и толерантностью в общении с другими людьми и есть главное качество, современного героя. Если мы не научимся, отстаивая свое, при этом уважать и признавать право другого человека иметь свою точку зрения – мир погибнет. До чего дошло! Мы не можем поделить Бога... В рамках христианства противостоят католики и православные, не говоря уж о противостоянии внутри мусульман, между иудеями и мусульманами... Бог – казалось бы, то, что нас подняло и одухотворило, – сейчас предмет спора, предмет конфликта».

Однако Р.Ибрагимбеков как художник-философ, рефлектирующий герой, прозревает и иные причины конфликтов в современном мире: «На наших глазах исламский Ирак воевал с исламским Ираном, потом вторгся в исламский Кувейт. Дело или в территориальных претензиях, как в случае Армении и Азербайджана, или в неравномерном распределении благ на Земле. Западный мир должен понять, что ему необходимо делиться, иначе напряженность на планете будет расти».

Многие самые заветные мысли, интересные догадки, блистательные предположения высказывает Ибрагимбеков, когда речь заходит о России. И здесь опять стоит послушать художника: «Национальная идея в России складывалась веками: мы – тот великий полигон, который создан отнюдь не советской властью, а самой российской историей, в которой, как в огромном котле, на протяжении веков, а может, и тысячелетий, многие народы сплавлялись в целостный этнос. В результате образовался некий тип евразийца, который, в самой своей крови органично соединяя Восток и Запад, проявляет высочайшую терпимость к вере, обычаям и морали народов-соседей. А когда все чаще говорят о том, что Россия – чисто славянское государство, с приоритетом только православных ценностей, при этом забывая, что миллионы и миллионы людей на этой земле тысячелетиями исповедовали другие веры, то отказываются от бесценного исторического опыта, который должен служить примером и для других регионов мира. Наша национальная идея – сохранение уникальной модели многонационального, многоконфессионального «общежития» народов, которую должен перенять весь остальной мир. А вместо этого нам предлагают явственную форму сепаратизма национально-религиозного характера, который, по сути, – идеологическая диверсия».

* * *

Как однажды подметили журналисты – у него на руке часы с двумя циферблатами, где показано московское и бакинское время. Но можно ли быть одновременно москвичом и бакинцем, азиатом и европейцем?

«Три дня считаю себя азиатом, – отшучивается Рустам Ибрагимбеков, – три дня – европейцем, а один день мучительно размышляю над тем, кто я на самом деле и кем быть лучше. Признаться, испытываю чувство превосходства над российскими коллегами, потому что мне доступно то, что есть у них, тогда как им недоступно то, что ощущаю я. Например, в связи с музыкой – это такой песенный лад, который понимают лишь подготовленные люди. Есть и другие виды национального творчества, которые европейцам не понятны...»

* * *

Наверное, этот портрет замечательного художника Рустама Ибрагимбекова получился несколько мозаичным. Но нельзя не добавить к нему в завершение еще один штрих, следя, в стиле японцев, «за кистью», за мыслью и высказываниями нашего героя: «Каждый раз, когда я сажусь перед листом белой бумаги с намерением что-то написать, – рассказывает Р.Ибрагимбеков, – я испытываю чувство неловкости, помня, что до меня был Шекспир и все другие великие. И помогает мне только одно: в этом мире есть вещи, которые знаю только я. И никто, кроме меня, о них не напишет. В этом смысле мой жизненный опыт не менее ценен, чем опыт Шекспира. При всем неравенстве наших способностей, рассказать о том, что знаю я, могу только я».

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ЯЛАМИНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Одноглазый Джо

Он был красив и статен. Гордая посадка головы, важная походка... Аккуратная бородка и алый гребень, венчавшие его покрытое белоснежными перьями тело, завершали образ неотразимого красавчика. Единственный имевшийся у него недостаток не портил его, а как бы даже украшал, придавая мужественности. Впрочем, не знаю, насколько уместно здесь это слово, поскольку речь идет о петухе. А недостаток такой: он был одноглаз, за что, собственно, и получил кличку Одноглазый Джо.

Так вот, петуха звали Одноглазый Джо. Быть может, я и не обратила бы на него внимания, если бы он жил среди остальных своих собратьев, целыми днями тусовавшихся в огороде, выискивая себе пропитание. Но Джо – единственный из всей имевшейся у хозяев живности – жил во дворе. За что ему была оказана такая честь, я узнала от хозяйки. Оказалось, что это была вовсе не честь, а вынужденная мера. Джо был изолирован из-за неладов со вторым петухом – остальное птичье население составляли куры. Второй петух был не менее, а может быть, на чай-то взгляд и более красив, чем Джо – его голову и шею покрывали пышные золотые перья, тело и крылья были словно выкрашены хной, а хвост отливал всеми оттенками зеленого – но мне строгое белоснежное оперение Джо все же казалось эстетичнее.

Петухи дрались из-за дам: не могли поделить свой гарем. Дрались смертным боем, до крови. Дошло до того, что второй петух лишил Джо глаза, попросту выклевав его в драке. После чего хозяйка и изолировала пострадавшего, поселив его во дворе. Должна сказать, что с точки зрения практической Джо от этого только выиграл: во дворе он был близок к хозяевам и расположенной во дворе летней кухней со столом и лавками, за которым завтракали, обедали и ужинали хозяева и квартиранты, если таковые имелись, и поэтому здесь всегда было, чем поживиться. Во всяком случае, хлеба Джо доставалось вдоволь, что для остальных кур было редким лакомством – они довольствовались семенами и насекомыми, которых отыскивали сами, да раз в день клевали зерно, которое им без особой щедрости насыпалось хозяйствкой. Я почему-то решила, что Джо – молодой петух, которого старый хозяин гарема выставил из своих владений, не желая делить с ним жен. Однако оказалось, что старый петух – это как раз Джо, которого победил молодой соперник. Мне стало жаль Джо, мои симпатии были на его стороне, и я стала угождать его хлебом всякий раз, как садилась за стол. Джо быстро к этому привык, и, стоило только мне усесться за стол, он важно следовал за мной и встав так, чтобы оказаться в поле моего зрения, манерно наклонив голову, пристально смотрел на меня своим единственным желтым глазом, как бы вопрошая: «Что же ты меня не угощаешь?» И – получал порцию вкуснейшего лезгинского чурека, который здесь выпекали повсеместно. Если же угождение задерживалось, петух начинал красоваться, распуская крылья, и, хлопая ими, горланить хриплое «Ку-ка-ре-ку-у!». Угомонить его мог только очередной ломтик хлеба, кото-

рый он неторопливо съедал, предварительно расклевав и раскрошив.

На третий день такого нашего общения во двор с огорода пробралась одна из одалисок куриного гарема – толстенькая рыжая курочка. Пока она старательно выискивала что-то в траве, Джо в очередной раз потребовал хлеба. Получив его, он к нему не притронулся, а начал, квохча, кружить возле него, призывая курочку, которая не замедлила подбежать. Как только курочка увлеклась угощением, Джо ловко подобрался к ней сзади и незамедлительно исполнил свой супружеский долг, чего он был теперь почти лишен из-за своего единственного соперника. Выскочив из-под петуха, курочка отряхнулась, распушила перышки и продолжила свои поиски в траве. Почти сразу же Джо попытался взгромоздиться на нее вторично, но на этот раз ему пришлось попотеть: курочка, удирая от него, кружила по двору, и петуху удалось повторить свою попытку лишь спустя некоторое время. Поняв, что спокойно попасться ей здесь не дадут, курочка скрылась в огороде. Однако вскоре пожаловала другая – поджарая черная курица. Джо, не желая медлить, попытался повторить с ней тот же трюк, что и с первой, но эта курица сразу же резво потрусила прочь и вскоре также исчезла в огороде. Поняв свою ошибку, Джо направился ко мне и потребовал хлеба. Есть его он не стал, а сразу начал квохтать над ним, ссывая курочек. Через какое-то время черная курица вернулась, и пока она склевывала крошки, Джо ловко удовлетворил свою похоть. С тех пор Джо перестал съедать полученный им хлеб, а сразу же начинал кружить над ним, приговаривая что-то на своем птичьем языке и зорко оглядываясь, не бежит ли на зов какая-либо из куриных дамочек. Меня это удивляло: неужели страсть сильнее голода? Неужели ему важнее любовь с одной из дам из гарема его соперника, чем желание полакомиться свежим белым чуреком? По-видимому, это и впрямь было так. Как-то я обратила внимание на странное поведение петуха: умостившись в траве прямо под стеной летней кухни, он приминал ее, перекатываясь с одного бока на другой, и при этом призывающе квохча. Проходившая через двор хозяйка объяснила, что так он готовит место для будущей кладки яиц, из которых курица должна будет высиживать цыплят. И хотя на призывы Джо ни одна из курочек так и не явилась, он потом еще долго охранял свое «гнездо» – образовавшуюся его усилиями ямку в примятой траве, подготовленную им для матери его детей.

И мне подумалось: Джо – настоящий мужчина: дрался за свой гарем до крови, хотя и был побежден более молодым соперником, готов отдать дамам последнее, заботлив по отношению к ним и своим возможным детям. Иным представителям людской сильной половины неплохо бы поучиться у него...

Однако лето шло к концу, и мне пора было уезжать. Попрощавшись с хозяевами и на прощанье бросив Джо большой кусок белого хлеба, я отбыла в Баку. Наступила осень, а там и зима. Нет-нет мне и вспоминался дом в одной из деревень на Яламинском побережье, моя комната в нем окнами в яблоневый сад и, конечно же, Одноглазый Джо – настоящий петушинный мужик. Тем печальнее мне было узнать от приехавшей в Баку в канун Нового года моей яламинской хозяйки, что на Рождество Джо был зажарен с картошкой и с удовольствием съеден домочадцами...

Тузик

В деревне, в которой я провела часть лета, собак было множество – по одной-по две в каждом дворе. Держали их, как я поняла, для того, чтобы они по ночам лаем давали знать, если во двор пробирался посторонний. Дома здесь не запирались даже

ночью, если хозяева были дома. Запирались лишь ворота во двор. Пробраться во двор, преодолев забор, – высокий каменный или невысокий деревянный, у кого какой – было, в принципе, не так уж и сложно. Но далее предстояла встреча с дворовой собакой, которая, по идеи, должна была охранять дом и домочадцев. Наверное, так. Или же иметь собаку просто было принято. Одним словом, собаки были у всех. Надо сказать, что большинство из них были довольно мирными псами. Днем их можно было увидеть спущенными с привязи и деловито трусившими по своим собачьим делам по деревенским улицам. Поначалу я их опасалась, я ведь была здесь чужой. Но потом, не раз убедившись, что им до меня нет особого дела, стала обращать на них почти так же мало внимания, как и они на меня.

Вечером собак привязывали во дворе, чтобы утром вновь отпустить на волю.

В основном это были обычные дворняги средних, а лучше – небольших размеров: таких легче было прокормить. Среди мелких деревенских дворняг выделялась одна разновидность – ее предпочитали многие. Это были низкорослые собачонки на довольно коротких лапках, рыжеватого окраса, с пушистыми отвислыми ушами и хвостом кренделем, которым они довольно дружелюбно помахивали. В общем, веселые, игривые, достаточно симпатичные существа. Ели они немного, лаяли звонко, что, по-видимому, и сделало их столь популярными в этих краях. Объединяло их и то, что почти каждую почему-то звали Тузиком – в отличие от другой, более крупной разновидности, среди которой преобладали Дружки и Джульбарсы. По большей части это были кобельки – сук почти никто не держал, чтобы не было потом проблем с потомством. Вот такой вот Тузик жил и у моих хозяев. Такой – да не такой. Обличьем, да и кличкой он походил на всех прочих деревенских Тузиков. Однако был, как никто из его собратьев, кровожаден. Не проходило и месяца, чтобы он кого-то не покусал. Кусал, в основном, тех, кто послабее духом, если чувствовал, что его откровенно боятся. К такому подскочит, облает, да и цапнет за ногу. Еще хуже, если кто-то пускался от него наутек – Тузик догонит и непременно кусанет. Уж сколько его за это наказывали, а то и грозились убить! Но, пересидев какое-то время без приключений, Тузик вновь оставлял на чьей-то голой ноге свой «автограф».

По этой причине его, в отличие от других собак в деревне, на улицу для вольных хождений не отпускали. Весь день он сидел на привязи в саду, яростно выкусывая блох из шерсти и отгоняя мух от своей миски с едой, на ночь же его переводили в огород, где находилось самое ценное: поленница дров под легким навесом, сарайчик с хозяйственным сельскохозяйственным и техническим инструментом и куры с цыплятами – последних он, кстати, не трогал, мог только сожрать свежеснесенные курами яйца, за что также нещадно бывал бит. Лишь изредка хозяйка самолично выгуливала его на деревенских улицах, держа в руках веревку, привязанную к ошейнику Тузика. Она была, пожалуй, единственной, кто жалел его, хотя и корила его за злобный нрав, а случалось, и охаживала хворостиной. Но она кормила его, снимала клещей, повисших у него на ушах и пьющих его кровь, смазывала йодом или зеленкой его полученные в сражениях раны. Она же защищала его от гонявшихся за ним с палками, а то и ружьем соседей, грозивших ему жестокой карой за то, что он покусал кого-то из их родных. Тузик платил ей благодарностью и ни разу, что бы она с ним ни делала, даже не попытался укусить ее или на нее зарычать. И все же периодически перегрызal веревку и сбегал, чтобы кого-то покусать, доставляя тем самым неприятности и себе, и своей любимой хозяйке.

У меня отношения с ним сложились довольно ровные. Нередко, выглянув из

окна в сад, где скучал в одиночестве Тузик, я общалась с ним по-доброму – интересовалась, как у него дела, как настроение, в ответ пес лениво помахивал пушистым хвостом и, поймав на лету кусок колбасы, неторопливо жевал его. Ночью, поднявшись по нужде и проходя через огород, где находился допотопный туалет – щелястая деревянная будка с очком внутри, минута привязанного у поленницы дров Тузика, я двигалась с опаской, но почти всегда видела, что тот спит. Подняв на тихий звук шагов лохматую голову, он смотрел на меня заспанными глазами и тут же вновь закрывал их, чтобы продолжить мирно спать. Однако я все же его опасалась и обходила, от греха подальше, совершая вокруг него некий вираж... Незадолго до моего отъезда он вновь кого-то покусал, и хозяйка вновь лупила его в огороде хворостиной, приговаривая: «Опять ты за свое?! Маньяк! Проклятый маньяк!», а вечером отпаивала каким-то снадобьем, потому что у Тузика расстроился желудок.

Так вот, навестив меня в Баку в канун Нового года, моя хозяйка сообщила, что у Тузика, в отличие от Джо, все в порядке. Он жив и здоров и за это время успел повредить конечности еще у нескольких человек. Один из них несколько дней караулил Тузика, укрытого хозяйствкой в сарайчике для инструментов, но та его так и не выдала. А чтобы он больше не перегрызгал веревку и не убегал, разорилась на покупку железной цепи, на которую и был посажен Тузик. Однако он не унывает и пытается теперь охотиться на воробьев и ворон.

Томка

Так звали каурью длинноногую лошадь, у которой были совершенно бесвестные хозяева. У Томки была особенность: где бы она ни паслась, повсюду на расстоянии длины веревки, которой она была привязана, эта симпатичная с виду лошадка наваливала огромное количество куч, так что по улице, где все это происходило, невозможно было пройти. Зная об этом ее качестве, за которое местный учитель химии называл ее мини-фабрикой по производству биоудобрений, Томкины хозяева самым подлым образом на целый день привязывали ее где угодно, лишь бы подальше от своего двора. Сколько с ними ни ругались соседи, сколько ни требовали не привязывать Томку возле их подворий, у тех, как говорится, в одно ухо влетало, а из другого тут же вылетало. Как-то один из сельчан пригрозил: «Не уберете лошадь от моего двора, отвяжу и отпущу ее – пусть идет, куда хочет!», на что в ответ услышал: «Отпустишь лошадь, останется без присмотра, потеряется – ты отвечать будешь! По судам затаскаем!» Связываться с такими наглыми людьми никому не хотелось, вот и паслась Томка то у одного двора, то у другого, загаживая все вокруг. Саму Томку гонять или наказывать – никто не брал такого греха на душу: что с нее взять – животное...

На этой неделе хозяева привязали Томку неподалеку от дома, где я снимала жилье. Выйдя солнечным утром за ворота, чтобы отправиться на пляж, я обнаружила, что весь отрезок улицы, по которому мне предстояло пройти до поворота к морю, старательно украшен этой незадачливой лошадкой внушительного вида кучами. С трудом пролавировав между ними, я принялась увещевать ее: «И не стыдно тебе, Томка? Ну, вот что ты наделала? И главное – прямо по центру улицы! Сама, не бось, пасешься у забора, на обочине». Внимательно выслушав меня, кося прекрасным лиловым глазом, Томка печально вздохнула и, опустив голову, вновь принялась щипать мягкими губами скучную растительность у забора. Мне стало ее жаль –

солнце шпарило уже вовсю, никакой тени на этом отрезке улицы не было, да и травы, как таковой, здесь почти не осталось... И для чего хозяева привязали здесь лошадь – было непонятно. Томка коротала тут время, изнывая от жары, без воды и почти что без еды – жалкие чахлые ростки в пыли не в счет. И непонятно было также, из какого такого сырья Томка варганит свои бесконечные кучи.

Помочь Томке я ничем не могла, и потому отправилась вовсюю по дороге, поминая недобрими словами ее хозяев, странная, бессмысленная жестокость которых не переставала меня удивлять,

На следующее утро я Томки на нашей улице не обнаружила – видно, хозяева решили привязать ее теперь в другом месте. Однако, пройдясь по деревне, я ее нигде не заметила. Увидела я Томку после обеда, проходя через участок леса, через который можно было коротким путем выйти к деревенскому «супермаркету»: Томка паслась здесь, в тени вековых дубов. Наконец-то хозяева поместили ее там, где ей было хорошо: и тень кругом, и еды много, и речушка рядом – можно напиться. Непонятно только, почему они не делали этого раньше. Боялись, что лошадь украдут? Но на этом участке леса довольно людно, и ходят здесь свои, деревенские, в основном, в магазин, да и несколько подворий прямо сюда, в лес, выходят. Удивительные люди! Но еще больше удивило меня другое: вокруг Томки было чисто, хотя паслась она здесь, по-видимому, с самого утра. Никаких тебе куч! И я подумала: а может, это Томка так протестовала против жестокого с собой обращения? Кто ее знает...

Аслан и Ромашка

Родня моя этим летом снимала жилье в той же деревне, что и я, только это была не комната, а целый дом – просторный и прохладный. Как-то, забредя к ним в гости, я, в ожидании обеда, на который меня уговорили остаться (это должна была быть рыба, запеченная на решетке), я слонялась по заставленным старой мебелью комнатам, разглядывая разномастную посуду в буфете и выцветшие фотографии на стенах. Мое внимание привлек плюшевый олень, пристроенный на одном из шкафов, каковых в доме насчитывалось целых четыре штуки – по одному на комнату. Размером, наверное, с годовалого ребенка, олень смотрел на меня стеклянными глазами, как мне показалось, с любопытством. Что-то заставило меня подняться на цыпочки и потянуть на себя плюшевое копыто. Олень свалился прямо мне на голову, едва не сбив меня с ног. Падая, он, по-видимому, потянул за собой лежавшую под ним книгу – ее край теперь показался над краем шкафа.

Не сумев побороть любопытства, я, взгромоздившись на табурет, взяла книгу в руки, а затем нашупала еще одну. И еще – тонкую ученическую тетрадь. Больше на шкафу не было ничего. Меня удивила моя находка – в доме моих хозяев книг не было вообще. Впрочем, как сейчас и во многих бакинских домах. А тут – книги. Да какие! Первая оказалась Кораном, а вторая – Толковым словарем Ожегова. Такой подбор книг был не совсем обычен, тем более – для деревенского дома где-то в глубинке. Скорее всего, книги принадлежали хозяину – вряд ли кто-то из дачников, останавливавшихся здесь, притащил бы с собой на отдых столь серьезную литературу. С интересом я раскрыла тетрадь – в ней оказались написанные от руки на русском языке полубланочные песенки, что удивило меня еще больше, поскольку совсем уж не вписывалось в круг других моих находок. Впрочем, тетрадку как раз мог оставить здесь кто-то из отдыхающих. Положив тетрадку, книги и оленя на прежнее место, я от-

правилась к себе – рыба все еще не была готова, а ждать мне надоело. Однако мои находки не выходили у меня из головы. Интересно, что за человек их владелец? Мне пришло в голову расспросить о нем свою хозяйку. «А, это Аслан, чей дом прямо напротив магазина?» – спросила она, после чего рассказала мне о нем все, что знала, – а знают в деревне о каждом ее жителе все и все. Кое-что я уже слышала от своей родни, снимавшей у Аслана дом – сам он со своим семейством на лето перебирался в небольшой домик, выстроенный на соседнем участке.

Семья у Аслана была по деревенским понятиям небольшая – он сам, его жена и двое сыновей. Целыми днями супруги трудились, потому и жили в достатке. Дачники – это был дополнительный, летний доход. Основным же занятием хозяина дома было рыболовство. Была у него и лодка, и сети, был и старенький «Жигуленок», на котором он развозил улов по ресторанам, каких на побережье множество, и по частным клиентам. Хозяйка тоже без дела не сидела – готовила варенья да настойки из ежевики, заросли которой покрывают все побережье, а по утрам выставляла все это на импровизированном базарчике возле ближайшего пансионата. И у нее, и у мужа товар был ходовой, торговля шла бойко. Жену хозяина звали Ромашкой – за ее пристрастие к этим цветам: весь двор у нее был засажен ими, а дай ей волю, засадила бы ими и огород, вместо огурцов и помидоров, – шутливо говорил Аслан.

Хозяйка рассказала историю их любви – а любовь присутствовала, что здесь тоже не так часто встречается – в таких деревнях принято жениться и выходить замуж чаще по воле родителей, а те выбирают спутника жизни для своего чада по своим, им ведомым критериям. Аслана тоже в первый раз так женили – родители побрали ему невесту и сказали: женись. И сколько Аслан ни ерепенился, дескать, не по душе мне невеста, родители таки настояли на своем. Аслан женился, стали жить, родили двух детей. А потом – развелись. И не по вине Аслана – по желанию его родителей. Разонравилась им, видите ли, со временем, выбранная ими же невестка, стала свекровь с ней скандалить, придираться, а там и выгнала ее с детьми из дома, отправила к матери в соседнее село. Аслан, оставшись без жены, погрустил-погрустил, да и положил глаз на Ромашку (тогда ее звали просто Бахар) – она тогда еще в школе училась, в последнем классе, младше него на 12 лет была. Влюбился Аслан не на шутку, да и девушка ему ответила взаимностью. Ну, тут уж все были против этой любви – и ее родители, и его. А девушка смелой оказалась – взяла, да и сбежала к Аслану. Много им пришлось пережить, чтобы отстоять свое счастье – и развод Аслана с женой, и сплетни односельчан, и злобу и непонимание его и ее родителей. Но они выстояли. Поженились, родили двух сыновей. Но и это еще не «хеппи энд». Родители Аслана, которым и Ромашка не пришлась по душе, вдруг сотворили такой финг: привезли в село его первую жену с детьми. И стали требовать, чтобы Аслан отдал им дом, который выделил ему в свое время отец – тот самый, в котором семья Аслана живет летом, пока в их новом, просторном доме проживают дачники. Аслан отказался – для чего ему, чтобы две его жены, прошлая и нынешняя, в соседних домах жили, почти что в одном дворе. Тогда родители Аслана отвезли свою первую невестку в город, чтобы та подала на их сына иск на принудительное вселение в дом. А пока суд да дело, она с детьми у них проживала. Но вскоре им это надоело. Увидев, что дело затягивается, родители Аслана вновь отправили невестку с детьми в отчий дом, предварительно разругавшись с ней в пух и прах. Так все и сошло на нет. А Аслан со своей Ромашкой наконец зажили спокойно. Вот только с родителями Аслан до сих пор не общается, за что они его поносят на все лады по всей деревне.

Но Аслан в своем решении тверд. Хватит, говорит, мне их слушать, пусть теперь других жить учат. Вот такая история...

Ну, а книги, как оказалось, действительно принадлежали Аслану. Я попросила продать мне словарь Ожегова. Отказался. Сказал – самому нужен...

Грезы яламинских девушек

Девушки в яламинских деревнях, как, впрочем, и везде, хороши собой – каждая по-своему. Они воспитаны, достаточно образованы, хотя большинство окончило лишь среднюю школу (но разве дело в количестве дипломов?), знают по три языка: лезгинский, русский и азербайджанский – как и большинство представителей старшего поколения. Кроме того, они в курсе современных модных тенденций и по мере сил стремятся придерживаться их – джинсы в обтяжечку, майки с модными принтами и надписями на английском, модные стрижки... И не скажешь, что деревенские! Все это приятно удивляет и вызывает уважение. Девушки активно смотрят телепрограммы, пользуются интернетом и мобильными телефонами, читают женские журналы. Большинство окончило русскую школу и, по всей видимости, школа здесь хорошая – кругозор у девушек достаточно широкий. Кроме того, многое они перенимают от городских жителей, каждое лето приезжающих на Яламинское побережье на отдых. Во многом именно благодаря им и образуется такой странный контраст: жизнь здесь вполне деревенская – с обиходиванием огородов и домашнего скота, с туалетами во дворе, с пыльными, неасфальтированными улицами, а вот телевизоры и мобильники имеются у всех. Даже самые бедные семьи, с трудом сводящие концы с концами, будут экономить на всем, но мобильными телефонами обзаведутся. Во всяком случае, молодые парни без них здесь не живут – уважения не будет.

Итак, здешние сельские девушки обличьем мало отличаются от бакинских. Но – лишь пока не выйдут замуж. Потому что если в девичестве они только помогают материам по хозяйству, да и то те их щадят, то после замужества все домашние заботы в доме мужа ложатся на девичьи плечи. И сад-огород обиходъ, и скот да птицу покорми, корову на выпас выгони, а вечером – подой, а у кого-то еще и козы, и лошадки – впрочем, лошадьми по традиции занимаются мужчины. Остальное – на женских плечах. Да еще дом прибери, обед готовь, на стол накрой-убери, белье выстирай-погладь, за детьми присмотри – всего и не перечислишь. Так что вскоре девушка уже ходит в какой-нибудь вытянутой кофте, с платком на пояснице, или в несвежем маечном или плюшевом халате. И не потому, что нет желания прихорашиться – нет возможности: времени, сил...

Понятно, что девушек такая жизнь не прельщает. Поэтому многие грезят о городе. Путь туда – через замужество, редко у кого в городе есть родня, а если и есть, не каждый захочет принять в дом лишнего человека.

Самый верный путь – приглянуться кому-то из отдыхающих, да так, чтоб захотел жениться и увезти девушку с собой. Такие случаи есть, но они достаточно редки. Истории эти передаются из уст в уста и подогревают надежды местных девушек. Каждая, а особенно, если она хорошененькая, мечтает, чтобы такая история произошла и с ней. Для этого первым делом нужно устроиться на работу в какой-либо пансионат. Это, кстати, и возможность заработать за лето какие-то деньги – так-то работы в деревне нет. Устраиваются девушки туда, в основном, подавальщицами – это примерно то же, что и официантки, только меню и заказов здесь нет – задача девушек пода-

вать то, что положено, на столы отдыхающим. Работа тяжелая, подносы неподъемные, но они их таскают, да еще при этом и улыбаются – так положено, да и жениха не найдешь, если будешь ходить с хмурой физиономией. Рабочий день длинный – с 8 утра до 11 вечера. В обязанности девушек входит еще и подготовка зала, где едят отдыхающие – пропустить с утра полы и столы, разложить приборы, а вечером – убрать со столов, отнести грязную посуду в кухню, предварительно очистив ее от остатков еды. За день девушки трижды – во время завтрака, обеда и ужина – обслуживают по 100-200 человек. И так – изо дня в день, без выходных, весь сезон – все 4 месяца, с июня по октябрь. Девушки страшно устают, но за работу держатся. Во время коротких передышек подавальщицы прихорашиваются и обсуждают, кто из отдыхающих на ту или иную девушку посмотрел, что сказал и что из этого может выйти. Все это со смехом, с шутками. Молодость! Хотя слушаются и слезы, и выяснение отношений. Но все это время их не покидают чудесные грезы о прекрасном принце. Однако приходит ноябрь, пансионаты закрываются, отдыхающие разъезжаются, и грезам – конец: наступает долгая, слякотно-снежная зима, с холодами, перебоями в подаче электричества, с тоскливыми вечерами при свете керосиновых ламп... И – ожидание следующего лета. Или – замужество: большинство в конце концов все же выходят за местных парней и живут жизнью, какой живут их матери. Хотя все не так печально – и здесь слушаются романтические истории, и здесь иные пары нежно любят друг друга до старости, несмотря на все тяготы деревенской жизни. Но это, к сожалению, происходит не так уж часто.

Дочери моих хозяев тоже трудятся в ближайшем пансионате. Младшая благосклонно принимает внимание местных парней, старшая же настроена категорично: только в город! Не губить же свою красоту – а она и впрямь красавица! – здесь, в деревне, с мужем-пьяницей, – говорит она. Мужчины здесь и впрямь крепко выпивают – то ли от безделья, то ли от безысходности, то ли оттого, что нечем себя занять в свободное время. Здесь и клуба-то нет. Одна радость – магазин. Именно здесь собираются посудачить и узнать деревенские новости женщины, а мужчины – чтобы купить «беленькую» и посидеть где-нибудь вместе и поговорить о смысле жизни...

Август на исходе. Отдыхающие постепенно начинают разъезжаться. Пансионаты уже наполовину пусты. Еще несколько дней и – сентябрь, первый месяц осени. Яркий летний праздник заканчивается. Хозяйские дочки говорят: «Слава Богу, наконец, отдохнем, устали». А в глазах – грусть: их принцы так и не объявились. Были какие-то легкие ухаживания, заигрывания, флирт, намеки – но и только... Впереди – долгие пустые дни, до следующего лета, когда сердца вновь расцветут надеждой. А может, до той поры, когда их все же сосватает кто-то из местных – посватается, а родители настоят: выходи...

Прощаясь с девушками перед отъездом в Баку, желаю им найти свое счастье – в конце концов, и в деревне есть неплохие ребята. Младшая, улыбаясь, благодарит. Старшая же заявляет почти с вызовом: «Я все равно уеду в город! Во что бы то ни стало, все для этого сделаю. Так что – увидимся в Баку!»

Я киваю и, подхватив чемодан, иду к воротам, за которыми меня уже ждет машина. Иду и думаю: «Может, у нее и получится. Раз ей так этого хочется. Дай Бог»...

АЛЕКСАНДР ГРИЧ – 70

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

СКОРЫЙ ПОЕЗД «БАКУ – ЛОС-АНДЖЕЛЕС»

(Из книги «Осенняя остановка»)

...А неподалеку от «Л.А.» был кабинет Юсифа Самедоглу, редактора журнала «Азербайджан». После его смерти издание возглавил Интигам Гасымзаде, мой давний товарищ, коллега и соавтор по телевизионному альманаху «Баяты». Он и сейчас работает и, уверен, выпускает хороший журнал – и вкуса, и глубинного знания азербайджанской и мировой литературы, и умения общаться с людьми – а редактор всегда политик! – ему не занимать.

Перед моим отъездом, в череде «отвальных», была и встреча с Юсифом и Интигамом – на троих. Сидели мы в летнем ресторанчике, где-то неподалеку от кинотеатра Низами. Точнее не помню, была как раз пора, когда рестораны возникали как грибы.

Спасибо Баку, спасибо его людям, спасибо времени! Мне не пришлось проходить через смрадную комедию разоблачения на предотъездных партийных или профсоюзных собраниях. Никто никогда мне плохого слова не сказал – а отъезд как решение одобряли далеко не все. Мансур, кажется, не одобрял, но отмалчивался. Однако за «отвальным» столом в редакции, когда что-то надо было сказать, он проиннес нечто безусловное в том роде, что мол каждый вправе выбирать, где ему жить.

...А Юсиф, когда мы с ним и с Интигамом прощались, вдруг, держа в руке рюмку, произнес: «Я знаете за что, Саша, хочу выпить? За скорый поезд «Баку – Лос-Анджелес», на котором мы будем ездить друг к другу в гости!»

Талантливый человек потому и талантлив, что говорит, с обывательской точки зрения, глупости, которые оказываются на поверку точнее и реалистичнее всех обыденных фраз. Сколько раз вспоминал я этот тост Юсифа... Сейчас поездка в Штаты – примерно то же по значимости и по необходимому времени событие, что поездка на поезде «Баку– Минводы» и «Баку– Нальчик» во времена нашей юности.

...Еще через годы был я в Баку, когдаправляли сороковой день Ю.Самедоглу. Вместе со всеми поехал на кладбище – отдать хоть частицу долга и уважения человеку, которому обязан. С годами понимаешь английскую пословицу о том, что «ухоляющие из жизни присоединяются к подавляющему большинству». Даже если теперь это не так в арифметическом смысле, поскольку количество живущих необъятно выросло и продолжает расти, это совершенно верно для каждого отдельного человека: чем больше живешь, тем больше ушедших – среди родных, близких, друзей, просто людей, которых знал. Со временем начинаешь думать о них, как о живых, общаться с ними, как с живыми. И каждый из нас несет в себе частицу их жизней – большую ли, малую ли – пока продолжается наша жизнь. Таким образом, наверное, и их жизнь в наших жизнях существует...

Забавная деталь – в кабинете у Юсифа стоял правительственный телефон. В советское время – роскошь, потому что малые и большие начальники, дозвониться к котогрым по обычным телефонам было просто невозможно, трубку правительенного телефона снимали. И так удавалось решать многие практические вопросы, поскольку

раз человек звонит по правительству – значит, имеет право. Мне это не раз помогало в предвыездный период. Что до Юсифа – он к этому телефону относился безо всякого почтения. И сам на просьбы позвонить в какой-то высокий кабинет (а его авторитет был очень велик – мало того, что сын действительно любимого народом классика, мало того, что сам – известный писатель, так еще и один из руководителей нового, демократического движения), так вот – на просьбы помочь он реагировал легко и безотказно.

И многим, многим помогал.

Он мало писал. Хотя был человеком разносторонне одаренным – талантливым киносценаристом, замечательным фотографом (жалко, что до сих пор его фотографии не изданы, но, надеюсь, кто-то это сделает). Юсиф обожал новую технику – фотокамеры последних марок, миниатюрные магнитофоны...

Главная его книга – небольшой роман «День казни» – просто очень хороша. Повторюсь – роман совсем невелик по размеру, а писал его Юсиф, кажется, больше десяти лет. Тоненькая черная книжка в твердом переплете. Твердый ясный почерк. «Саше с любовью и наилучшими пожеланиями. Юсиф».

Не раз и не два возвращался я к этой книге. И дочь Лала эту книгу в Штатах не раз перечитывала. Странно – история трагическая, а книга дает ощущение тепла...

Юсиф никогда не писал стихов – то ли тень великого отца мешала, то ли еще что... Между тем глаз у него был острый, детали он подмечал замечательно, а иные его реплики до сих пор помню – убийственные по точности.

«Как может наркобарон стоять во главе европейского государства? – сказал он как-то об одном из тогдашних лидеров. – Мы же все-таки живем не в Латинской Америке...»

«Чтобы понять, насколько вычурное и неестественное образование – Союз писателей в его советском виде, – заметил он в другой раз, – достаточно представить себе, что, к примеру, Фолкнер – член союза писателей Соединенных Штатов Америки... Служит в Союзе и получает зарплату. Бред какой-то! Правда, Коко?»

И его прекрасный ало-зеленый попугай величаво кивал, сидя на жердочке.

Как-то раз меня попросили организовать интервью с Юсифом для двух французских журналистов. Время было неспокойное и журналисты были настроены провокационно. Реалий и обстановки не знали, зато двусмысленностей в вопросах и оцеках хватало. Они видно считали это хорошим тоном – также как грязноватые ногти и несвежие сорочки. Юсиф рядом с ними выглядел лордом – и внешне, и по манере общения, и по уровню анализа. Особой внутреннее чувство собственного достоинства, которое нельзя придумать, оно или имеется, или отсутствует – ему никогда не изменяло. Он говорил неторопливо и четко – но не с той начальственной неторопливостью, которая имеет целью заставить ловить каждое слово говорящего, а просто – не торопясь, и всегда умно, всегда веско.

Много позже я узнал, что он слегка заикается, но это только придавало особое обаяние его речи.

Что он с трудом выносил – это беседы перед телевизионной камерой. Дважды мы с Интигамом Гасымзаде приглашали его на нашу передачу – и каждый раз приходилось останавливать съемки, посыпать ассистента за хорошим коньяком (Юсиф водку не пил), и после двух рюмок все шло отлично. По-моему такой способ снятия стресса устраивал все стороны. Нас с Интигамом – во всяком случае.

Ах, как он оказался прав, Юсиф, с этим поездом «Баку – Лос-Анджелес»! Я не-

давно подумал, как много дней, сам того не замечая, провел в этом составе.

Скорый, скорый...

Недолгая осенняя остановка – и поезд несется дальше, и ты, пассажир, как бы во взвешенном состоянии во времени и пространстве.

Вроде бы и там, и тут одновременно.

И в Лос-Анджелесе, и в Баку. И в настоящем, и в прошлом.

И дома, и в пути...

Стало быть, это – твоя судьба.

Твоя жизнь.

Твой поезд.

И как жаль, что он летит так быстро...

ПОЭТ ИЗ ГОРОДА ВЕТРОВ

В декабре этого года исполнилось 70 лет известному бакинскому поэту, переводчику, публицисту и сценаристу Александру Гричу.

Не знаю, перечислил ли я все ипостаси юбиляра, но вот с выбором определения у меня и в самом деле были проблемы. С одной стороны, все, что написано, и все, что еще, дай Бог, будет написано Александром Гричем, создано на русском языке, так что его при желании вполне можно было определить как русского поэта. С другой стороны, если не вся, то большая часть его творчества связана с Азербайджаном, его литературой и культурой, и у меня был поначалу большой соблазн назвать его азербайджанским поэтом. Но в последние годы Александр Грич живет и работает в США, так почему бы по уже установленным правилам не отнести его к «русскоязычным американским...»?

И все же, думается, определение «бакинский поэт» является самым точным. Хотя бы потому, что, говоря словами самого поэта:

А раз уж так, позвольте вам заметить,
Что нет бакинской нации на свете,
Но есть такой народ – наверняка.
Наш город – им в одно мы были слиты,
Как парижане или одесситы.
Всегда приятно встретить земляка
За тридевять земель, вдали от дома,
И чувство это каждому знакомо...
...Здесь жить легко и сладко ошибаться...
В чем сущность общегородского братства,
На чем замешан города раствор?
Какое это горькое лекарство –
Твоя любовь, мой город, и коварство,
Твое почти всеобщее родство...

Сама, говоря языком зануд-литературоведов, образно-метафорическая система поэзии Александра Грича уже с ранних стихов строится именно на бакинских реалиях, бакинском пейзаже, бакинском видении мира. Чего стоит, скажем, давнее его стихотворение, вошедшее в первый сборник «Старый причал» и больше, кажется, к великому сожалению, никогда не перепечатывавшееся:

*А ты всегда права.
Ты логики превыше –
Как эта вот трава
В сухой земле у вышек!
Как солнце на плече,
Как брошенные сети...
Как все, что ни зачем,
А просто есть на свете.*

Александр Грич входил в литературу в начале 60-х, и очень быстро не просто влился в сообщество бакинских русскоязычных поэтов, но и стал одним из самых ярких, его представителей. Поэзия Александра Грича несет в себе не просто дыхание бакинского норда, очарование бакинских улиц и тот специфический говор, по которому опознаешь бакинца в любой точке планеты. В лучших его стихах, в том числе и вроде бы сугубо личных, написанных после горькой потери первой жены, заключен генетический код города – те понятия, ценности, принципы, на которых в нем строились взаимоотношения внутри семьи, между соседями, друзьями, просто прохожими на улицах. А генетический код, как известно, неизменен; он – то, что связует между собой прошлое и будущее; то, что определяет в итоге характер города и судьбу его жителей. Автор этих строк, будучи коренным бакинцем, с полным правом может повторить давние строки Грича:

*Мы жили все в одном раю,
Точней, в одном районе,
Где все свое – райсвет, райбыт,
А также и райком.
Где выйдешь, свистнешь –
И сосед в минуту на балконе...
Мы жили все вы одном раю,
Не ведая о том.*

Лишь совсем недавно я узнал, что в том «раю» Александр Грич, помимо всего прочего, был не только студентом Азербайджанского института нефти и химии, активным участником знаменитой бакинской команды КВН и подающим надежды поэтом и переводчиком, но и чемпионом республики по академической гребле. Все это было в «том самом Баку», который, по сути, и стал главным героям поэзии Александра Грича.

Спустя много лет, наслушавшись разговоров о том, что «Баку теперь совсем другой», что «прежний Баку умер», автор с опаской вернулся в родной город и убедился, что все это – бред, что Баку остался прежним, ибо генетический код города, как и код человека, изменить невозможно. Мне так же, как когда-то, улыбались на улицах незнакомые люди; так же, как когда-то, предлагали помочь, хотя я о ней и не просил; так же, как и прежде, распахивали двери домов и точно так же, чуть больше, чем нужно, начинали суетиться бакинские женщины, увидев, что муж привел в дом гостя...

Признаюсь, я перелистывал бережно хранившиеся все эти годы сборники стихов Александра Грича не без опаски: сколько стихов, которые мы в свое время считали замечательными, за эти годы утратили свою актуальность, поблекли, завяли, превратились те самые гумилевские «мертвые слова»! И был немало удивлен тем, что большинство стихотворений Александра Грича по-прежнему звучат удивительно свежо, притягивая к себе и магией его неповторимой поэтической интонации, и зримостью образов, и какой-то внутренней мудростью, помогающей понять самого себя и найти опору в жизни. С годами, возможно, утрачивается та, свойственная юности, острота восприятия точности и не-

ожиданности метафоры, закрученности строки, но зато куда больше начинает цениться в стихах отточенность поэтических формулировок и передача внутреннего состояния в те или иные минуты. С этой точки зрения, повторю, многие стихи Грича и сегодня очень и очень хороши, и их так и хочется проговаривать про себя: «И живу. И дни мои похожи, как купе в вагонах...», «Всего дороже тот последний грош...», «А жить меня ты не учи...» А как забудешь пронзительную и, одновременно очень строгую, чисто мужскую лирику сборника «Такие дела», вышедшего в 1981 году, вскоре после потери любимой жены, как уйдешь, к примеру, от таких вот строчек:

*Только там, где беда неизбежна,
Я шептал ей, шептал по слогам,
Что люблю – безнадежно и нежно.
Только там. Что поделаешь – там!*

Любовной лирики у Грича и в самом деле немного, но она мгновенно врезается в память, идет ли речь о ранних или о более поздних стихах – таких, как «Поездка на море» или «Потом». И как забыть, однажды прочитав, стихотворение «А вы знакомы мне...» с его совершенно неожиданной концовкой?! А ведь есть и еще целый ряд то ли стихотворений, то ли бардовских песен, так хорошо проговариваемых наедине с собой. Ну, к примеру, вот эта:

*Гитару спрячь, пера не тронь –
Все было, все знакомо.
Сиди себе, гляди в огонь,
Когда уснули дома.
Себя не можешь превозмочь,
А у огня – не страшно.
Он печь переживает, и ночь,
И город этот странный...*

«Ну, и кому, скажи на милость, все это сегодня нужно?! – тут же говорит неизменно сидящий в авторе этих строк пессимист. – Отношение к поэзии изменилось, из всего, что написано в прошлом веке сохранится в памяти в лучшем случае пара десятков строк, остальное канет в Лету». И все же, уверен: нужно. Хотя бы потому, что мы-то все еще, черт возьми, живы, и нам от этих стихов становится чуть теплее на душе. Да и потом, как я уже сказал, стиль Александра Грича – это генетический код Баку. Генетический код стереть невозможно, стало быть, так или иначе его стихи будут вновь и вновь всплывать в памяти бакинцев, а учитывая значимость этого города в жизни, не побоюсь этого слова, планеты, – и в памяти многих других людей.

Ну, и наконец, просто невозможно пройти мимо другой стороны творчества Александра Грича – переводчика с азербайджанского языка. Сам поэт, похоже, в какой-то момент засомневался в значимости этого своего призвания и с иронией заметил:

*Вот и прожил полжизни богато,
Ибо помнил: молчание – золото.
По хорошим дорогам ходил:
Пере-перево-переводил...*

Но вместе с тем невозможно забыть, что именно благодаря Александру Гричу русскоязычный читатель сумел оценить по достоинству творчество таких выдающихся азер-

байджанских поэтов, как Расул Рза, Фикрет Годжа, Гусейн Джавид, Сулейман Рустам и многие другие. Секрет успеха этих переводов – как в силе поэтического дара переводчика, так и в том, что Грич, в отличие от многих других переводчиков, хорошо знает азербайджанский язык и мог по достоинству оценить художественную силу оригиналов.

Здесь мы невольно касаемся и другой его ипостаси – одного из самых блестящих знатоков классической и современной азербайджанской литературы. В этом качестве он опубликовал в центральных и азербайджанских журналах множество статей, посвященных проблемам перевода и современной азербайджанской литературе, а также в течение 12 лет вел на азербайджанском телевидении вместе с известным писателем, литератором и журналистом Интигамом Гасымзаде передачу «Баяты», гостями которой за эти годы стали почти все видные азербайджанские писатели, от Анара до Юсифа Самедоглу, а также такие мэтры, как Андрей Битов, Владимир Британишский, Олжас Сулейменов, Чабуа Амирэджиби, Сергей Баруздин...

Александр Грич, вне сомнения, остался патриотом Азербайджана и после переезда в США, где долгие годы активно работал как журналист и в газетах, и на радио и телевидении. Не случайно во время своего первого визита в США покойный президент Гейдар Алиев пожелал лично встретиться с Александром Романовичем, и результатом этой встречи стало его возвращение в Баку и создание в 1998 году пятисерийного документального фильма «Неофициальный портрет президента». А потом были фильмы «Есть только миг» (2000), «Жизнь, судьба, эпоха» (2005), «Дом в каменном каньоне» (2011); была замечательная книга воспоминаний и очерков «Осенняя остановка» (2011), в которой, помимо блестящих литературных портретов азербайджанских поэтов и писателей, есть и замечательная «Сага о Криманах», рассказывающая о судьбе типичной семьи бакинских интеллигентов на протяжении нескольких поколений, и одновременно, как в зеркале, отражающая несколько десятилетий истории Баку и его жителей.

Петр ЛЮКИМСОН

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Вступление

Почему он только сейчас стал добавлять к своему имени – писатель?... – спрашиваю я. – И правда – почему Саша Гуревич никогда не назвал себя так за многие годы, что мы провели с ним под одной крышей в редакции «Панорамы»?

Иногда он произносил общие слова о своей доиммиграционной службе, из которых следовало, что работал он на телевидении, в газетах. Иногда вспоминал и о том, что он автор ряда сценариев к фильмам и их продюсер, о том, что был членом Союза писателей и Союза журналистов СССР, печатался в журналах «Юность», «Дружба народов», «Литературное обозрение», «Литературный Азербайджан», в «Литературной газете», в «Комсомольской правде». И что во многих столичных издательствах выходили его книги... И значит он – профессиональный литератор.

Саша всегда работал, и работал много. Но сегодня, рассказывая о нем, уместно, показалось мне, позаимствовать заголовок «Не хлебом едinity» у Дудинцева, так назвавшего свой роман, наделавший в свое время немало шума в кругах советской интелигенции. Хотя, собственно, советской по-настоящему она никогда и не была: подсоветская – да, и только 90-е годы ушедшего века вернули ей основания и право называться – российская, это после семи десятков лет, в течение которых у нее пытались

отобрать у нее не только голос, но и неисчислимые жизни.

Значит, всё же российская – да, конечно! – при том, что национальность и вероисповедование у тех, кто может быть к ней отнесен, разнятся. И это, как ни к кому, относится к Александру Гуревичу, рожденному в Азербайджане, еврею по отцу и русскому по матери, говорящему, пишущему и думающему по-русски. Сегодня я прошу Сашу рассказать о том, что не попало в его книги, с которыми я знаком, и не стало темой наших с ним разговоров.

Ну, а почему «не хлебом единым»? Да потому, что он, при всех своих ипостасях, при всех должностях, какие ему приходилось занимать, и при всех видах работы, которую ему довелось выполнять, работы, порой далекой от творческой – до иммиграции и после – он продолжал писать.

На пороге

– Саша, – спрашиваю, когда мы, наконец, собрались записать одну из наших бесед «по душам» на диктофон, – если бы не «Панорама», как могла бы сложиться ваша судьба в Штатах?

– Приехали мы в Штаты в 92-м году, и как-то раз один из моих новых знакомых предложил: «Хочешь, я тебя познакомлю с Половцем?». О «Панораме» я знал ещё в Баку, слышал о ней, как об издании достойном и популярном, только и в мыслях не было, что я буду когда-нибудь в ней работать. Говорят, висит где-то такой колокол, в который, согласно легенде, можно позвонить, чтобы исполнилось загаданное желание. И рядом – объявленьеице: «Трижды подумай, прежде чем загадать желание, потому что оно может действительно исполниться»... Не было у меня случая позвонить в этот колокол, но, что касается «Панорамы», у меня действительно произошла реализация того, о чём я мог думать прежде как о невыполнимом.

И вот после нашего знакомства я оказался на месте помощника главного редактора, о чём, честно говоря, тогда, в Баку, и мечтать не мог. Друзья помогли... Мои друзья вообще сыграли и играют поныне в мой жизни большую роль, – с этого Саша начал свой рассказ...

А до того...

– Вернемся чуть позже к разговору о моих друзьях, без которых меня сегодняшнего просто не было бы... Начнем традиционно – конечно, родители, семья наша – это они, прежде всего, и в первую очередь, определили мой жизненный путь. Я бы ими так же гордился, если бы они и не занимали высоких должностей, и если не имели бы высоких наград...

Отец – крупный врач и организатор медицинской службы в Закавказье – во время войны командовал всеми госпиталями в Азербайджане и в Дагестане... И представьте себе: его не стало в 59 лет, в два дня – врачи в Питере прозевали перитонит после операции, беда... А мама была начальником главка в Министерстве нефтепереработки и нефтехимии. Не забудем, что в войну каждый 3-й советский самолет, танк, самоходка шли в бой на азербайджанском горючем. Мама работала в те годы почти круглосуточно, включая иочные вахты, она весила тогда всего 42 килограмма...

Баку немцы не бомбили: Гитлер его берег для себя – так, 1-2 раза пролетали самолеты-разведчики. Я же появился на свет тогда, когда стало ясно, что приближается победа...

Еще о себе? Моя первая жена Инна умерла совсем молодой, была она журналистка незаурядная, наш с ней сын Роман живет в Израиле, он видный политолог, телеведущий

щий, я им горжусь! У него замечательная жена Ариша, красавица дочь Алиска, а недавно родилась еще одна дочь и ей дали по наследству имя Инна... Род наш продолжается. Вторая моя жена Людмила – филолог, она работала вместе со мной в Союзе писателей Азербайджана, в Литературном фонде. Она – способный администратор, ведь Литфонд был крупной организацией, имевшей всё – от писательской поликлиники до права давать бесплатные творческие командировки в любой конец Союза. Люда писала прозу, которую переводили на азербайджанский и армянский языки... И вот в какой-то момент мы всё бросили и оказались в Америке. С двумя детьми: дочкой Лалой – она теперь отличный психолог, от больных, желающих у нее лечиться, отбоя нет. У нее хорошая семья – муж Юра и чудная наша здешняя внучка Надия. Младший наш сын Яков – или Джек по-американски, превосходный специалист в компьютерном деле, ему сейчас 27.

Почему – Байрон, Хлебников и др...

– Но вот, в прочитанных мною ваших заметках-вспоминаниях, – продолжаю я, – юный Саша Гуревич покупает только что вышедший сборничек Хлебникова. Не популярного тогда Симонова, например, или Долматовского. И там же, в заметках, написано, что Саша с 14 лет переводил на русский Байрона – почему?...

– Насчет переводов – у меня была замечательная учительница английского языка Бронислава Борисовна Янкелевич. Ее муж служил в свое время управляющим нефтяными промыслами, а сама она была такая благообразная седая женщина, с голубыми глазами, а на полу в ее квартире лежала шкура барса с осколенной клыкастой пастью и стеклянными глазами... – до сих пор помню.

Жила она тогда, после уплотнения, уединённо, в одной комнате – там не было случайных вещей, каждая была если ни антикварная, то что-то вроде того. Мои родители отдали меня учить английский к Брониславе Борисовне – у неё был прекрасный язак, британский, конечно, не американский, и она пыталась меня ему научить, – а я не хотел заниматься! Бронислава Борисовна мне говорила: «Саша, я в отчаянии: деньги твоих родителей жгут мне руки, я не могу их принимать – ты же ничего не делаешь!». И вот вдруг... У нее была старинная книга – сборник поэзии, и она предложила мне: «Хочешь почитать её? Вот выучи какой-то кусочек из стихов. А перевести его с английского на русский сможешь?» – и я перевел. И потом – еще и еще... Сначала всё было у нас в учебных целях, но это оказалось таким замечательным занятием, когда сначала учишь стихи на английском языке, потом их переводишь. Постепенно это стало стимулом к переводам английской поэзии на русский... В итоге в газете «Молодежь Азербайджана» взяли мои переводы с английского... А переводы были такие: «В горах мое сердце» – Бернса и «Вечер» Шелли... И меня напечатали! Тогда я учился в 9-м классе.

– А когда пришли свои стихи?

Улыбаясь, Саша вспоминает:

– У нас была большая, по советским понятиям, квартира. Там собирались друзья старшего брата Вячеслава. Он был блистательным химиком, в 30 лет защитил докторскую, в США работал техническим директором компании в Силиконовой долине. Там, в Сан-Матео, и сейчас живут его жена Ира и сын Сергей. Славы, к несчастью, уже нет в живых...

А тогда у него в комнате было шумно. Пели, читали стихи, а я, лёжа за перегородкой, их слушал. Так я выучил стихи Гумилева: «Послушай... далёко, на озере Чад/ Изысканный бродит жираф...» и еще многое.

Наверное, это был первый толчок... И о песнях – отдельно. Когда я был совсем маленький, по утрам каждое воскресенье мы с мамой подолгу пели песни. У меня ни голоса,

ни слуха особого... Но с тех пор чуть не все советские песни, начиная с песен гражданской войны, я знаю наизусть. До сих пор, когда мы начинаем петь в хорошей застольной компании, на меня смотрят, как на ненормального: ну, можно знать один куплет, можно знать строчку-другую, но всю песню «Мы красная кавалерия и про нас..»...

И тут Саша и вправду напевает один куплет за другим! Я подхватываю тему: «Взвейтесь кострами, синие ночи!..». Мы оба смеемся – ну действительно, зачем всё это помнить до последней строчки? Так ведь память сама хранит, ничего не сделаешь...

– А почему всё же Хлебников – не Симонов или Долматовский, например, – возвращается Саша к моему вопросу, – для меня разница уже тогда была очевидной.

Помню, однажды меня послали брать интервью у Евгения Винокурова, от газеты, название которой вызывало, да и сейчас вызывает однозначную реакцию – и по ту сторону границы, и по эту – «Вышка», орган ЦК компартии Азейрбаджана. Но ассоциировалось это название в большей степени не с нефтяной вышкой, а с высшей мерой наказания, иначе говоря – с расстрелом. Обратите внимание, кстати, что и в нашей иммиграции не принято говорить «садитесь» – чаще говорят «присаживайтесь», люди воспринимают сей глагол однозначно. И это тоже – память.

Так вот, почему Хлебников? Евгений Винокуров, когда я на одной писательской встрече к нему подошел, пытался уклониться от беседы: «Ну что вы со мной будете разговаривать, вот там Доризо стоит, интервьюируйте его!» Неохота было замечательному поэту общаться с газетчиком... Но для меня разница между Винокуровым и Доризо была абсолютно ясна. И не просите для читателей подробностей – какая разница и почему. Кто понимает, что я имею в виду – тот поймет, а кто не понимает – благополучно проживет и без этого. Справедливости ради, отмечу: Доризо написал замечательные песни, которые пережили его и, наверное, всех нас переживают.

Но Доризо – одна ипостась, а Винокуров – другая, как и Хлебников. Точно так же Симонов и Долматовский – поэты абсолютно разных «весовых категорий», если уж выражаться по-спортивному. С Винокуровым тогда мне всё же удалось поговорить, и я этому рад – больше нам встретиться не довелось. А Хлебников... Тогда в «Малой библиотеке поэта» вышла его книжечка. Я ее как сейчас вижу: бежевого цвета, шершавый переплет, и я знал, что должен её купить.

– Сможете и Хлебникова процитировать? – не успокаиваюсь я.

– Пожалуйста: «О, засмейтесь, смехачи!.. Что смеются смехами, что смеяночно, о, засмейтесь усмехально!»

Меня в моём сегодняшнем собеседнике не первый год поражает: какое ни начни читать стихотворение, порой самого малоизвестного поэта, или произнесешь строчку из старинного романса, – он тут же, не задумываясь, продолжит текст дословно, совершенно точно воспроизводя мелодию.

– Хлебникова ведь тогда только-только начали издавать... – продолжает Саша. – И того же Гумилева вовсе не издавали... Тогда всё было построено на противоборстве: разрешено-запрещено. И то, что было запрещено, привлекало вдвое. Те, кто запрещал, обладали отменным вкусом: дерзко не запрещали никогда.

И Саша снова цитирует Гумилева: «Старый бродяга в Аддис-Абебе, покоривший многие племена, прислал ко мне черного копьеносца с приветом, составленным из моих стихов...» – и размышляет:

– Вся настоящая литература в шестидесятые годы строилась на противостоянии официальной и новой поэзии и прозы. Помните, молодые поэты-шестидесятники собирали стадионы – никогда в России не было такого... – и, помолчав, добавляет, – никогда, наверное, уже не будет... Повторяю, – вся литература, которую мы читали, была основана на противостоянии двух противоборствующих лагерей – «Нового мира», в нём были Твардовский и Локшин, с одной стороны, и «Октября» с Кочетовым, с другой; «Юно-

сти», которую начинал Катаев и продолжал Полевой, с одной стороны, и – «Молодой гвардии» – с другой. И когда ты что-то писал и сдавал в печать, ты уже думал – а что тебе скажет Главлит, что тебе скажет редактор, и что как-то надо будет защищать написанное, и как это сделать. Словом, в каждом пишущем жил внутренний редактор, который заставлял быть не только оглядчивым, но и требовательным к себе. Последнее особенно важно. Сейчас я думаю, что когда эта требовательность к себе исчезла, стала обесцениваться и литература, и нивелироваться та роль, которую она играла в нашей жизни.

– Думаете – этот процесс неостановим?

Я догадывался, что ответит Саша – и не ошибся:

– Думаю, что те времена ушли безвозвратно, потому что, во-первых, ту ситуацию никогда не вернуть, а во-вторых, непонятно, что будет с печатным словом вообще: я уже сейчас вынужден читать книги в электронном виде, хотя люблю, чтобы книга была книгой, а не «листать» её электронные страницы.

– Но ведь это многократно расширяет доступ к книге, так что, наверное, не обязательно жалеть, что проходит век бумажных изданий, – замечаю я, лукавя, потому что на самом деле и сам жалею не меньше моего собеседника о вроде бы проходящей эпохе книгопечатания... – Хотя, ведь с другой стороны, не будем забывать, – добавляю я вслух, – прочитанное изначально влияет на мозги, на восприятие жизни и, соответственно, на поведение человека... А сейчас в интернете столько мусора, и не всегда безобидного!..

Но и всё же – почему стихи?

– Словом, склонности мои к тому времени определились, – продолжает Саша. – У мамы был замечательный вкус, она пыталась и мне передать своё отношение к хорошей литературе. И всё же родители очень мягко, но и настойчиво мне говорили: ты уж как-то определились, поэзия такое дело – хочешь писать стихи, так ты будешь их писать, а нужно иметь профессию в жизни, самому стоять на ногах. И я пошел по материнским стопам: поступил на химико-технологический факультет нынешней Азербайджанской нефтяной академии – тогда это был очень хороший Институт нефтехимии. Там я учился так: когда стипендию давали с тройками – на тройки, когда с четверками – на четверки, а когда стали давать только с пятерками – на пятерки. А попутно чего только ни делал! И везде мне везло. Писал стихи – и меня печатали. Занимался спортом – стал чемпионом республики по академической гребле. Занимался КВН, и в нем наша команда выступала успешно, тогда бакинцы стали чемпионами Союза. Мы с замечательными братьями Виталием и Савелием Колмановскими составляли сценарную группу. Там родилась наша дружба – на долгие десятилетия. Печально, что недавно не стало Виталия, Вики, как мы его называли... Он был эрудит, знал семь, кажется, языков. Жил в Силиконовой долине. Теперь перезваниваемся с его дочерью Машей. А блистательный остроумец и добрейший человек Савелий с женой Эммой живут в Москве. Их дочь Лена – одна из основателей знаменитого "Яндекса". В той команде КВН играл и мой давний товарищ Эмин Алиев, талантливый физик, лауреат Госпремии (увы, и его уже нет с нами), да и вообще многое у нас было замечательных ребят. Но в какой-то момент из команды я ушел, рассудив, что заниматься КВН до седых волос не стоит. Как выражаются американцы, «не моя чашка чая» – «not my cup of tea».

Ну, а потом, после института – работа во ВНИИОлефин, и еще потом – после того, как я стал регулярно печататься, работая на судоремонтном заводе, и печатался под своей фамилией, мне дали понять, что надо или заниматься тем, чем я занимаюсь на службе, и «отдавать этому все силы и время», или, – как они выражались, – «писать стишкис». Стихи я не собирался бросать ни под каким предлогом, но теперь печатался

уже под псевдонимом. Так появился Александр Грич.

Борис Абрамович Слуцкий, чье добное отношение к моим стихам помогло мне безмерно на первых порах в литературе, был этим псевдонимом недоволен: «Вы бы взяли себе что-нибудь рыбное... Или птичье». Имелся в виду псевдоним – Сомов, скажем, или Скворцов. Но я хотел, чтобы псевдоним был сродни фамилии, хоть и отличался от нее. Упомянутая «Вышка» мне дала многое, но газета к поэзии имеет отношение... далекое, скажем так. Поэтому, когда меня пригласили в Союз писателей, я с радостью перешел в журнал «Литературный Азербайджан», где благополучно последующие 17 лет и отработал – до самого отъезда в Америку... И для Союза писателей никакого Гуревича не существует. А вот Александра Грича, к моей радости, там помнят.

Всё же – книги...

– Ну, вот, вы в Америке – что дальше? – спрашиваю это, конечно же, помня, что Саша и Людмила успели со мной поработать не один год. Успешность «Панорамы» во многом зависела и определялась чёткой работой отдела распространения популярного еженедельника – таким он стал в большой степени и их трудами. Это тогда сократилось многократно число звонков с вопросом «Где моя «Панорама», уже среда (четверг... пятница...), а почтовый ящик пуст!», а в десятках киосков и магазинов на прилавках появилась наша газета.

Но пришло время, и к заботам Гуревичей прибавился книжный магазин «Ковчег» – чуть ли не единственный тогда, предлагавший русские книги. До них магазин назывался «Терек» и работал так: продавались подержанные советские книги (их приносили на продажу новые иммигранты), были и некоторые зарубежные издания русских книг и газет – «Посев», «Границы»; с ними соседствовали рыбные консервы из России, пельмени из Сан-Франциско и духи «Красная Москва». Теперь же своё место там заняли современные издания из метрополии, что (поначалу) в те годы было совсем не просто... Но «Ковчег» стал отличным книжным магазином и пережил добрых три десятка таких бизнесов, возникавших и исчезавших в последние 20 лет. Он и сейчас существует, но уже с другими хозяевами – жизнь не останавливается...

– Так ведь и вы в какой-то степени были причастны к организации «Ковчега», – напоминает мне Саша, – не возражая, чтобы я, работая в «Панораме», помогал «Ковчегу» – но, главным образом, хозяйствала там Люда. И заметьте – за все годы, что у Люды был магазин, мы не скопировали и не продали ни одной видео или аудио кассеты. Мы продавали книги и к нам шли за книгами, а не брать фильмы напрокат...

Теперь, спустя годы, я уже не спрашиваю Гуревича, почему именно книжный магазин стал его детищем, а не что-нибудь по-настоящему денежное.

...Не хлебом единым

– Одним словом, Саша, и после нашей редакции, американская часть вашей биографии была в большой степени связана с печатным словом, не так ли?

– «Панорама», в которую я пришел, была в Лос-Анджелесе первой и единственной авторской газетой, потом появились другие издания, но целиком вторичные – составленные из склеенных отрывков, вырезанных из советских газет, и позже – из интернетных, мягко говоря, «заимствований». Некоторые из них и сейчас как-то выживают. Давным-давно один человек, который сдавал тогда экзамены на доктора, мне сказал: «Замечательно, что ты работаешь в «Панораме», но скажи мне по секрету, сколько у вас подписчиков – миллион есть?» – И ведь он не шутил!

Знал бы он, что в тех, привычных нам, редакциях изданий с их миллионными тиражами – работали сотни сотрудников, там были отделы текущей информации, политического фельетона, культуры, юмора – там сидели редакторы, и всем им за это платили... Там работали журналисты. Они писали! А тут редакции, в которых, в лучшем случае, сотрудники собирают рекламу. Вот и мой опыт был таким, я ведь в дальнейшем работал не в одном журнале и не в одной газете, был и соиздателем, и редактором этих изданий, и сполна испил свою чашу...

Так я пришел к выводу, к которому надо было, наверное, прийти раньше – приобрести американскую специальность. Вы знаете, уже не первый год я занимаюсь торговлей недвижимостью. Не чемпион, но и не аутсайдер. Значительно больше сотни завершенных транзакций. Неплохо, в общем, хотя всегда хочется большего.

– И значит, «жизнь удалась»? – в шутку, но и всерьез привел я известное выражение. – Но ведь не хлебом единым жив человек, не так ли? Вы же продолжаете писать стихи, продолжают выходить ваши книжки...

– Стихи я сейчас не пишу, а вышедший поэтический сборник – это жена мне сделала подарок, из пяти книг, изданных ранее, она отбрала стихи, получилось «Избранное». А потом написалась, я бы сказал, странная книга «Осенняя остановка», которую я имел возможность представить читателям у вас дома, и потом были встречи с читателями в Оранж-каунти, в Силиконовой долине – там вообще был замечательный вечер! Книгу купили по интернету в одиннадцати странах – Англии, Германии, Италии, Алжире, России... Неожиданно и приятно. Конечно, занятие это я не оставляю – пишу постоянно, а вот почему стихи не пишутся, не знаю, – разводит он руками.

– Может, оттого, что «Для поэзии планета наша мало оборудована...», – перефразируя я поэта.

– Да нет, не сравнивая себя с известными всем писателями, просто напомню: Эренбург годами и даже десятилетиями не писал стихов, но были три периода в его жизни, когда он их писал. И его стихи мне нравятся больше его прозы...

– Но вы же, надеюсь, не считаете, что ваш «Хулио Хуренито» уже написан?

– Да нет, абсолютно так не считаю... писать я продолжаю. Что из этого получится – посмотрим.

Повторить дорогу?

Здесь мне показалось уместным вспомнить сюжет из рассказа Александра Грича про «чылтак» – о том, что следует повторить дорогу, в которой случилась неудача, но теперь успешно – чтобы ее исправить в памяти, но и чтобы она не повторилась в жизни, и я спросил его:

– А в вашей жизни здесь, в Америке, да и вообще, остается необходимость в таком «чылтаке», да была ли она – повторить нечто, чтобы исправить что-то в вашей жизни? – спрашивая это, я знал, что в моей жизни такое было... А у Гуревича?

– Знаете, наверное, я ничего бы не стал переигрывать, хотя точно делал в жизни много глупостей, и вообще герой из меня – никакой. Но попытка переделки? Нет. Как бы то ни было, и в плохом, и в хорошем – это был мой путь, мой выбор, как и вся непоследовательность моей жизни. Мой любимый учитель литературы Владимир Портнов говорил: «Гуревич – это лоскунное одеяло! Ну чем ты занимаешься, что ты хочешь сделать? Ты бы сосредоточился на чем-то одном, и может, tolku было бы больше...» И я думаю, что он был прав. А отвечая на вопрос, удалась ли жизнь... Думаю – да! Пусть я и не могу при этом «упасть лицом в черную икру», а сейчас даже и в красную стало несколько проблематично....

- Но остается еще кабачковая, – поддерживаю я шутку.
- Остается – но ведь ее ещё надо приготовить! И я благодарю небо за то нечто, какое оно у меня было и есть, – за многое из того, чего у других, скажем, нет.

Друзья

– Вот теперь самое время сказать о друзьях, – Гуревич очень серьезен. – Это – не поза, не тост, это – моя жизнь. Без этих людей меня сегодня могло бы вообще не быть, во всяком случае, выживать и просто жить – они помогали и помогают. В Москве живет Эльдар Криман – инженер и ученый, лауреат премии правительства России. Мы с ним дружим уже шестьдесят три года, и я благодарен судьбе за эту дружбу. И точно столько же лет нашей дружбе с Багатуром Гаивовым – он в прошлом крупный руководитель, теперь с семьей живет в Хьюстоне, недавно мы летали к нему на семидесятилетие. А они с женой Зулейхой сюрпризом для меня прилетели в Лас-Вегас, куда мы с Людой решили скрыться на юбилейные дни. Много ли людей могут похвастать такими друзьями, с которыми вместе чего только мы не прошли... Когда встречаемся – а это иногда через годы – чувство такое, будто вчера расстались. Теперь дружат наши дети – и я счастлив этим.

В Лос-Анджелесе нам тоже повезло – у нас много добрых знакомых и приятелей. Но помимо этого «большого круга» существует и прекрасный «малый круг» наших друзей. В него уже двадцать лет входят Оля Андриевская и Володя Локшин, Лора и Даник Парижеры, Аркадий Стерн, Наташа и Фима Портман. И когда мы собираемся вместе, один из непременных тостов: «За то, что мы есть друг у друга!» Сами знаете, Америка не любит сентиментов. Тем больше надо дорожить близкими, которые рядом... И наши с вами, Саша, отношения – безусловно, в этом ряду.

Эпилог

Завершая запись нашей беседы с Александром Гуревичем, я себя снова спрашиваю: почему только сейчас, на пороге своего семидесятилетия, он в объявлениях и в листовках, связанных с его именем и с его решительной активностью в нашем Американском Фонде Окуджавы, стал добавлять к своему имени – писатель...

Паустовский, кажется, сказал, что встречаются в жизни чрезвычайно редкие люди, без которых литература невозможна, вне зависимости от того, много или мало они написали, – наверное, сегодня подошло время сказать то же и про Александра Гуревича.

Но он сумел сказать свое слово – и это главное.

И еще: Саша по-человечески надежен – это его качество довелось мне испытать при тех обстоятельствах и в те дни, когда всё и почти всем было неясно: где, в какой стороне скрыты справедливость и истина. А за этим «почти» был он, Саша Гуревич, и остался рядом столько, сколько требовалось. Наверное, это тогда наши добрые и ровные товарищеско-служебные отношения получили право называться дружескими.

Мы знакомы с ним вот уже 22 года, из них 10 лет дружны по-настоящему, хотя и остаемся в разговоре на «Вы», – я бы сказал, что в нашем случае это есть отражение Высшей степени взаимного уважения, доверия и приязни, да простит мне читатель невольный каламбур...

Александр ПОЛОВЕЦ

ИСМАИЛ ИМАНОВ

«Папа говорит»

Автобус затормозил на светофоре и так сильно заскрипел стершимися тормозными колодками, что сам водитель зажмурил один глаз, как будто это могло уменьшить громкость неприятного звука. Он оглядел почти пустой салон, помахал рукой девочке лет десяти, сидящей в последнем ряду, и, дождавшись зеленого сигнала, двинул грузный желтый школьный автобус вперед.

– У него внутри, под полом, – и девочка неслышно топнула ногами, – штук двадцать щенят, перекатываются и скулят, – она засмеялась. – Или даже тридцать.

Рядом с ней сидела девушка в красном берете, из-под которого выбивалась черная волнистая прядь волос. Она улыбнулась в ответ.

– Ты опять придумываешь истории.

– Да. Папа говорит, что это помогает, раскрашивает обычные серые дни, особенно зимой.

– Ты сегодня у папы?

– Да, он меня встретит.

– И как истории? Есть новые?

– Есть, – заговорщически улыбнулась девочка и довольно причмокнула языком. – Есть история про дядю Аманита, дядю Оху и Прыг-Прыга.

– Какие интересные персонажи, – серьезным голосом заметила девушка.

– Это гномы, а Прыг-Прыг – их знакомый зайчик.

– Ну да, он же прыгает.

– Точно. И вот однажды дядя Аманит пошел в лес за грибами, а дядя Ох сидел с Прыг-Прыгом у себя на террасе, курил трубку, а Прыг-Прыг пил чай. И тут как раз вернулся Аманит из леса, с корзинкой, полной грибов, но как только они его увидели, то так удивились: дядя Ох охнул и выронил изо рта трубку, а Прыг-Прыг пролил на себя чай. – Девочка так сильно жестикулировала и так ярко рассказывала, как будто рядом с ними сидели два гнома с окладистыми бородками, а в такт движению автобуса по салону прыгал ушастый заяц.

– И что они увидели? – спросила девушка.

– Его пятнышки! – громко сказала девочка, и невидимые гномы в ужасе схватились за голову, а Прыг-Прыг стал прыгать быстрее. – Они исчезли!

– Исчезли?

– Ну да! Он же Аманит, в красной шапочке с белыми пятнышками, как мухомор, и в лесу они у него пропали. А какой же он тогда Аманит, без пятнышек-то?

– Это как Прыг-Прыг, который не умеет прыгать.

– Точно.

– Безобразие! Наверное, кто-то украл его пятнышки.

– Да! Правда, я еще не решила, кто. Папа говорит, что тут должен быть какой-то поворот, который превращает историю из маленькой в большую.

– Это как?

– Ну, то есть они идут искать его пятнышки, а на самом деле это лишь одно из событий, и есть куда большая опасность, например, угроза всему лесу или что-то в этом роде.

– Папа дело говорит.

– Да, а пока я остановилась на том моменте, когда они отправились в лес, дядя Аманит и дядя Ох пошли искать...

– А Прыг-Прыг? – перебила ее девушка. – Разве он не пошел им помочь?

– Нет, не пошел, он попрыгал в лес. Он же Прыг-Прыг.

И она расхохоталась, а вслед за ней и девушка. Автобус проехал перекресток, а на следующем снова уперся в небольшой затор, и обе собеседницы напряглись, ожидая услышать колодочный скрежет. Когда тридцать щенят, спрятанные в пузе металлического монстра, угомонились и автобус снова поплыл по улицам города, девушка спросила:

– А как твоя сестричка?

– Она такая смешная, такая маленькая, такая кругленькая, – затараторила девочка. – Папа называет ее «Вентилятор».

– Вентилятор? – девушка удивилась, хотя уже догадывалась, о чем речь.

– Потому что она лежит и машет руками, вот так, – и она стала махать руками и вращать глазами так быстро, что дядя Аманит и дядя Ох, сидящие впереди, замерли, а Прыг-Прыг перестал прыгать. – А еще у нее такие длинные ресницы, что когда она моргает, поднимается ветер, и мы с папой делаем вид, что он нас уносит, я обычно улетаю, потому что я – легкая. – Она рассказывала, и глаза ее блестели, а девушка смотрела на нее и улыбалась, лишь иногда поправляя непослушную прядь волос, выбивавшуюся из-под красного берета. – А еще папа называет ее Старый Детский Робот.

– Старый Детский Робот? – в этот раз удивление было неподдельным.

– Потому что она скрипит по утрам, во сне, будто это девочка-робот, только старая модель, нужно смазать шарниры и какие-то там детальки, поэтому она – Старый Детский Робот. – И она опять засмеялась, а потом замолчала и несколько секунд смотрела в окно. – Только бабушка говорит, что это ненастоящая сестричка... Но ее не слушаю. У меня новая придумка в таких случаях – я делаю вид, что ничего не слышу, а про себя пою песенки. Ля-ля-ля.

– Ну и правильно. Это же все равно твоя сестра, папа у вас один.

– Да, это называется «единокровная».

– Именно.

За окном начинался дождь. Прохожие спешили укрыться от непогоды.

– А как в Париже? – спросила девочка.

Девушка улыбнулась.

– В Париже почти весна. Уже цветут деревья. Ты приедешь?

– Папа обещал, что мы поедем.

– Раз обещал, значит поедете.

– Он говорит, что желательно мне немножко подрасти, потому что по Парижу надо много гулять, а я устаю, и еще надо почитать о нем, чтобы знать: где, что и почему. Хотя я уже даже прочитала.

– Вы приедете, я знаю.

Девочка посмотрела в окно, где серый асфальт быстро темнел, перевела взгляд на девушку и качнула указательным пальцем прядь волос, в очередной раз сбежав-

шую из-под присмотра красного берета.

– Папа говорит, что все будет хорошо.

– Так и будет.

Тридцать щенят жалобно заскулили, когда автобус остановился у края дороги и, устало вздохнув, отворил дверцы. Девочка попрощалась с водителем и спрыгнула с подножки автобуса, а вслед за ней два седобородых гнома и зайчик, который не рассчитал прыжок и хлопнулся прямо в лужу. Водитель автобуса оглядел пустой салон и тронулся в путь, думая о стершихся колодках и их срочной замене.

Девочку встретил отец, быстро обнял и поцеловал, потому что дождь только усилился, а зонтика у них с собой не было, провел к подъезду и дальше домой, туда, где вкусно пахло выпечкой, а в детской кроватке лежала еще одна девочка, которая махала руками, а когда часто моргала, то казалось, что кто-то устроил сквозняк. Оставив дочку дома, он спустился вниз и забежал в супермаркет. Там он долго шел мимо стендов, размахивая пустой корзиной и пытаясь вспомнить, что ему надо купить, потом остановился у одной из полок, рассеянно изучая ее содержимое, а когда обернулся, словно чувствуя на себе чей-то взгляд, увидел женщину в красном берете, из-под которого выбивалась посеребренная прядь волос.

Он смотрел на нее и улыбался.

– Как Париж? – спросил он.

– В Париже почти весна.

– Наверное, уже цветут деревья?

– Да, – она улыбнулась в ответ. – Я сидела прошлым вечером в кафе на рю Жакоб. Я замерзла, потому что уже избавилась от зимнего гардероба, и грела свои косточки, забившись в угол и обняв черную резную батарею, а рядом, за соседним столиком, сидел старичок, он заказал себе луковый суп и очень аккуратно ел, отмечая каждую ложку, ни капельки не обронив. Он был гладко выбрит, как те старики, для которых щетина – это неминуемое запустение, забвение и в итоге смерть, будто, если будешь бриться, это продлит тебе жизнь еще на несколько дней, впрочем, наверное, так и есть, он был очень опрятный, только кардиган с немного растянутыми карманами, а когда он уходил и надевал пальто, то гремел мелочью в карманах, и ею я расплатился, подбирая нужные монетки и щуря один глаз. Я наблюдала за ним, и мне было так тепло, не потому, что обнимала эту черную кованую батарею, а потому что думала о тебе, и я подумала, что этот старичок тебе понравится. Я скучала по тебе. По вам. – Он поднял руку и тронул указательным пальцем прядь ее волос, черных с проблеском седины. – Ты боишься потерять ее, но этого никогда не случится. Она – часть тебя, и так всегда будет... Помнишь, вы ездили к морю, и там была пустынная заводь с неровным дном, усыпанным морскими ежами. Ты хотел ей показать этих ежей и взял ее на руки, и ты шел с ней на руках, осторожно ступая по этим кричущим плитам, между которыми лежали черные морские ежи. Она так сжимала тебя за плечи, и ты спросил, чего она боится, ведь ты крепко держишь ее, а она...

– Она сказала, что боится за меня, что еж ужалит меня...

Женщина кивнула:

– А теперь боишься ты.

Солнце искрилось в воде, играло в волнах. Дочка прижималась к нему, обнимая за шею, он чувствовал, как натягивается и ноет обгорелая кожа, но ничего, еще несколько шагов, вон там, в расщелине, смотри...

– Она не забудет... – женщина в красном берете замолчала, потом добавила: –

Все будет хорошо.

– Все уже хорошо, – ответил он и улыбнулся.

Он стоял один в проходе между торговыми стендами, думая о чем-то своем, затем посмотрел на часы и быстро побрал в корзину нужные вещи. Выйдя из супермаркета, он осмотрелся, поднял воротник куртки и, выискивая вздутие островки асфальта среди луж, осторожно шагнул, будто из воды торчали иглы морских ежей.

«Раз, два, три»

Внизу вяло ползли редкие автомобили, лениво передвигались люди, будто у них не было ни единой причины куда-то спешить. Город, который лежал передо мной, жил в непривычном для меня ритме. Я вглядывался в городской пейзаж, пытаясь узнать знакомые детали, найти привычные ориентиры. Но я их не находил.

– Какой сейчас год? – спросил я.

Он как раз вышел на балкон и стоял рядом, медленно и осторожно прикладывая вафельное полотенце к гладко выбритому лицу. На нем были черные костюмные брюки и белая майка.

– Шестьдесят шестой, – ответил он.

– Надо же.

– Ага, май шестьдесят шестого. Четвертое мая.

– У тебя pena осталась на мочке уха, – я указал пальцем.

Он быстро вытер оставшийся после бритья белый след и поманил меня внутрь. Мы вернулись в комнату.

– Это получается, что я тебя старше, – я прикинул в уме, – почти на десять лет.

– Но-но, не заговаривайся, – он улыбнулся. – Завтракать будешь?

– Я уже ел. Пластмассовая самолетная еда.

– Командировка?

– Да, рабочая поездка.

Он подошел к шкафу, снял с вешалки белую сорочку.

– И как полет?

– Шесть часов. Утомительно.

Я присел на тахту. Он застегнул сорочку на все пуговицы, кроме верхней, за правился и быстро прошагал в кухню. Через проем я видел, как он подошел к холодильнику, секунду или две разглядывал его содержимое, затем обернулся ко мне, держа в каждой руке по крупному куриному яйцу.

– Может, омлет?

– Нет, спасибо.

– Точно? – и, не дождавшись ответа, сказал сам: – Тогда я буду яичницу.

Он скрылся из виду, спустя полминуты я услышал резкий щелчок от удара ножом по яйцу, затем еще один такой же, а еще через несколько секунд зашипела яичная смесь на сковороде.

Я слушал это, сидя в другой комнате, и подумал, что теряю время, что скоро нам расходитьсяся, что секунды-предательницы шипят на сковороде, что эта минута невосполнима, что я упускаю момент. Я поднялся, прошелся по комнате. На письменном столе лежала стопка бумаг, а сверху методичка: «Расследование и предупреждение хищений в молочной промышленности». Я заглянул в бумаги, там был

реферат, пролистал его, зацепился за фрагмент текста: «...Практика показывает, что наибольшие ошибки допускаются при осмотре места происшествия. Причем эти ошибки и упущения, как правило, в дальнейшем невосполнимы...»

– Ты только документы мои не переворачивай.

Он стоял за спиной.

– Нет, что ты. Просто взглянул.

– Да я шучу, там ничего особенного, – он присел на тахту, достал из-под нее черные туфли.

– Я перевез с дачи твои документы. Только скрепки заржавели и бумага пожелтела.

– И сыростью пахнет, знаю, – он зашнуровал туфли. – Смотри-ка, новые, югославские. Настоящая кожа, чувствуешь запах? И какие мягкие!

Он довольно выставил ноги, демонстрируя свою обувь. Я непроизвольно улыбнулся. В его действиях было какое-то искреннее ребячество. И ему действительно подходили эти туфли.

– Знаешь, чего не хватает этим туфлям? – он еще больше вытянул правую ступню и носком туфли осторожно нажал на что-то невидимое. – Им нужна педаль автомобиля. – Он засмеялся. – Пойдем, будем завтракать. Мне скоро на работу.

Мы перешли в кухню, сели за узкий стол. Он выложил яичницу на одну тарелку, потому что есть я все-таки отказался.

– И нормально кормили в самолете?

– Нормально, но безвкусно... Как на работе?

– Все в порядке, сегодня дежурство... Долгий день впереди.

Он проткнул вилкой яичницу так, что желтая смесь растеклась по тарелке, насадил белок на вилку, но затем вдруг остановился, будто вспоминая что-то.

– Мы однажды ехали на поезде, – он весело смотрел прямо на меня. – Я, Черкез и еще Расул, а ты же помнишь или, точнее, знаешь, мы часто обращались друг к другу по имени Гасым. Всегда Гасым... Изначально Гасымов было двое, я и Черкез, но и Расул, бывало, становился Гасымом. И вот так получалось, что друг с другом говорим, и только имя Гасым звучит... И вот мы едем в поезде втроем, в Кировабад ехали, а четвертым пассажиром в купе был какой-то мужик, незнакомый нам совершенно, и он всю дорогу на нас очень подозрительно глядел. С недоверием и даже злостью. Только под конец пути мы выяснили, что его зовут Гасым. Бедняга, всю дорогу думал, что мы над ним издеваемся по неизвестно какой причине...

Он улыбнулся. Помолчал. Я думал о том, что яичница остывает и скоро превратится в резину.

– Я всегда думаю, что тебе рассказать, – продолжил он. – Что-то важное, поучительное, более толковое, но почему-то в голову лезут только такие вот дурацкие истории. Как эта, про поезд и друзей-гасымов.

– Она хорошая, – сказал я.

Мы замолчали. Он отложил вилку.

– Ты знаешь, – продолжил он, – нет никаких правил, нет рецептов. Есть только этот момент, и ты им живешь. Он невосполним. Он есть только сейчас, в эту минуту, и его нельзя упускать, потому что завтра все может исчезнуть. Испариться навсегда.

Мне показалось, что этот двадцатишестилетний парень сейчас на самом деле много старше меня.

– Цени эти моменты. Живи ими. Дыши ими. Они могут длиться несколько се-

кунд, может, минуты, эти моменты абсолютного счастья, полного умиротворения, невиданного спокойствия.

Мы снова молчали. Он посмотрел на ручные часы.

– Пора. Уже почти время.

– Эти часы, – сказал я, – они у меня, только царапина на стекле...

Он провел рукой по циферблату, будто пытался сгладить этот еще не появившийся след. Мне подумалось, что эта царапина на самом деле не на часах, а внутри меня, глубокая и длинная, которую не скрыть и не отполировать.

– Время идет, но все расписано уже давно наперед, – говорил он. – Через два года я встречу твою мать, через сорок лет ты назовешь моим именем сына. Но...

– Что? – спросил я.

– Передай маме...

– Мы же не запоминаем эти сны, ты знаешь, – перебил я.

– Вдруг... Мало ли, – он улыбнулся. – Скажи, что я скучаю по ней. По сестре твоей... И по тебе, сынок...

Я смотрел на него, пытаясь хотя бы на этот раз запомнить черты его молодого лица, его улыбку, запомнить историю про друзей, которых зовут Гасым, всех до единого, запомнить черные югославские туфли с их новеньkim скрипом, которым обязательно нужна педаль автомобиля, запомнить это майское утро в далеком шестьдесят шестом году.

– Пора, будильник сейчас зазвенит, – сказал он.

– Что будешь делать?

– Проснусь, побреюсь, позавтракаю, пойду на работу. Сегодня дежурство, долгий день. А ты?

– Я в самолете. Лечу домой. Шестичасовой рейс, немного утомительно.

– Ясно... Проснемся на счет три, каждый в своем году, хорошо?

Я кивнул.

– Раз.

– Два.

На счет три раздался звонок будильника.

* * *

Я пытался разобрать, что говорит капитан, но, как и все пилоты, он что-то бубнил, и только по интонации я понял, что мы пошли на снижение. Я потянулся, насколько мог, зажатый узким креслом, чуть расправил плечи, заглянул в иллюминатор. Внизу приветливо улыбался родной город, рассыпав гроздья ночных огней.

* * *

Ранним майским утром в шестьдесят шестом году он лежал на кровати, вслушиваясь в отзвуки трели будильника. Спустя минуту он быстро поднялся, наскоро побрился и оделся, сделал яичницу из двух яиц, и пока она готовилась на плите, чтобы не терять времени, обулся в новые черные югославские туфли. Он зашнуровал их, сидя на тахте, выставил ноги вперед, довольно оглядывая обувь со всех сторон, затем еще больше вытянул правую ступню и носком осторожно нажал на что-то невидимое, словно это была педаль автомобиля.

ВИКТОРИЯ БУЛАТ

(Азербайджан – Россия)

Неверность

Ты пахнешь женщиной другой.
Такой чужой и горький запах...
И тихо следом за тобой
Крадется ложь на мягких лапах.
И дышит в спину боль моя,
И жжет огнем слепая ревность.
И нелюбовь твою любя,
Приму ее, как неизбежность...

* * *

Я примеряла жизнь чужую,
Себя рисуя в зеркалах,
Не замечая боль немую
В родных (чужих теперь!..) глазах.
Мелькали тени, как мгновенья,
Дышала осень за окном...
Судьба моя случайной тенью
Тебя коснулась влёт крылом.
Звенели в сердце те секунды –
Осколки битого стекла.
Но были жизни неподсудны
Души кривые зеркала...

* * *

У боли нет ни давности, ни срока...
Она живет в заплаканной душе.
Лишь сердце бьется птицей одинокой,
И не кричит, не молится уже.

И тишина, как лезвие тупое,
Не режет больше душу пополам.
А боль кромсает прошлое немое,
Раздав его по вздохам, по мечтам...

Укрывшись зябко этой шалью белой,
Прикрою, что осталось от души.
Иду я тихой поступью несмелой
По краю одиночества в тиши.

А за спиной горят мои надежды,
И пепел тех костищ мне душу жжет.
Чернеют мои белые одежды –
Душа моя здесь больше не живет...

ЭЛИНА МАХМУДОВА

Просто роль...

1

Я на раны свои сердечные
Приложу поэзии пластырь,
Хоть печальные рифмы вечные –
Слабо действующее лекарство...

2

Посиди со мной,
одиночество,
В тихой комнате
без огней.
Ни вещей,
ни лиц мне не хочется,
И ладони
все холодней.
Как вчера грохотала
музыка,
И струился по ветру
шелк,
Взгляды страстные,
розы грустные –
Все вчера мне,
бесспорно, шло.
А сегодня –
одна на сцене я,
Декорации унесли,
Платье сложено –
воскресение.
Нету зрителей –
отдохни.
Отдохнем,
мое одиночество.
Может, чаю,
а может, нет.
Все, что начато, –
то закончится.
Исключений,
к несчастью,
нет...

3

Я – цветок, что, паляще-лаковый,
Средь лугов.
Кто сорвет в полутьме украдкою,
И – таков?
Я – заря, посмотри, раскинулась
И – лежу.
Чтоб красивые сны вам снились
Ворожу.
Я – туман, и во мне – то выстрелы,
То свирель.
Не предскажешь меня, не выстроишь
Теорем.
Я – как жизнь, лихо перемешиваю
С медом боль.
Совершенная? Сумасшедшая?
Просто роль...

4

Все, что в сумерках,
То безумие
И – игра.
Ветки мокрые
Бьются в окна нам
И ветра.
Все, что в сумерках,
Помним смутно мы,
Как мотив.
Были черти там,
Были ангелы –
Ассорти.
Только в сумерках
Мы, что вздумаем –
То творим.
Утром спросят нас,
«Показалось», –
Говорим.

5

Как живу, ты не спрашивай,
И пишуль по ночам,
И горит иль погашена
Вдохновенья свеча.
С кем живу, не поведаю,
Для кого – хороша,
И летает по небу ли
Иль постится душа.
И «зачем», ты не спрашивай –
Без ответа вопрос:

Я бесцельно раскрашиваю
Будни красками грез.
Ни о чем ты не спрашивай,
Лучше тихо скажи,
Превратятся ли наши
В жизнь с тобой миражи?

6

Заходите ко мне в дом,
Всем я рада:
С одиночеством вдвоем,
При параде.
Заходи, моя любовь –
Обогрею.
Улыбнусь, да удержать
Не сумею.
Заходи, моя печаль,
Не стесняйся.
Хоть поранишь невзначай,
Да не кайся.
Моя смелость, что стоишь
У порога?
Мало смелости, увы,
Мне от Бога.
Моя твердость, я тебя
Уважаю,
По твоей вине хожу
Чуть живая.
А надежда – заходи,
Да останься!
Мою душу закружи
В тихом танце.
Всех гостей я приючу,
Да на ночку.
Лишь надеяться хочу
Я бессрочно!

7

Каблуки – против лести,
И слова – против взглядов.
Для чего, вы ответьте,
И кому это надо?
Только, красное платье,
Ты не зря существуешь,
За столетьем столетье
Лихо головы кружишь.
Только стрелки взлетают
Над глазами, как в космос,
И ресницы порхают,
Задевая о звезды.

И любого брутала
Пробивает на рифмы,
Если тонкую талию
Подчеркнуть колоритно.
И поэзии змеи –
В наше бедное сердце.
Нам подвластны все цели
И доступны все средства.
В этих играх прекрасных
Нет потерь, не ищите.
Платьев порванных красных
Вы в расчет не берите.

8

Номер с видом на вечность
И шезлонг на балконе,
И туманы на плечи,
Облака – в изголовье.
Музыкантам блестящим
Предпочту беззаботный
Ручеек, шелестящий
Все из Моцарта что-то.
А камин растопите
Моих недругов гневом.
Ах, как он полыхает,
Ах, как душу мне греет!
Фрукты с привкусом лести,
Вина цвета печали:
Здесь солирует сердце
На фантазий рояле...

9

Ты играешь белыми,
Ты диктуешь правила.
В первый раз такая
Роль меня устраивает.
Капитан на палубе,
Ну, а я – ведомая.
В первый раз не стала я
Что-то надиктовывать.
Ты рули, как сможется,
Думай, да разгадывай.
Потрудись, хороший мой,
Над любви шарадою.
Ты захочешь большего?
Что же, ветер в парус.
Да коли обожжешься,
Я жалеть не стану.
А нажмешь на тормоз,
Выпьем по бокалу

Тишины пьянящей,
Закусив печалью.
Шах тебе, мой милый,
При любом раскладе:
Затевая игры,
Помни о расплате.

10

Унеси меня, такси,
От тоски,
Не стесняйся, обо всем
Расспроси.
Разговоры по душам,
Не спеша,
Ведь не стоят, мой таксист,
Ни гроша.
Мимо тюрем и церквей
Мчи скорей,
Лошадиных сил своих
Не жалей.
Мимо статусов, конфликтов,
Интриг,
Мимо офисов элитных
Барыг,
Мимо лозунгов, разлук,
Площадей,
Мимо тянущихся рук
И людей,
Мимо жизни, что до пят
В мишуре,
Мимо воткнутых в асфальт
Фонарей.
Ты на счетчик не косись –
Расплачусь.
Только не останови –
Не хочу.
Мимо, мимо – вот маршрут
Моих грез.
Не шучу я и не вру,
Все – всерьез.
А когда конца достигнем
Пути,
Пересяду я в другое
Такси.

11

Море, ветер, чайки,
Рдеют паруса –
Алые, как маки...
И – твои глаза!

Вечер, тиши, равнина,
На ступнях роса –
Вечная картина...
И – твои глаза!
Город, смог, спорткары
Роскошью разят.
Город, ждущий кары...
И – твои глаза!
Ночь, дорога, фары
На меня скользят,
Запах дальней гари...
И – твои глаза!
Кто ты, о, владелец
Глаз? Меня – не жаль?
Или ты мне встретишься,
Иль – не искушай.

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

Август-2014
(Попытка сонета)

Розовый отблеск закатного солнца
На недостроенной многоэтажке...
Август – роскошный,
манящий,
вальяжный –
Словно прощается легким поклоном.

В небе – ни облачка, ни дуновенья,
Скованы сосны вечерней истомой.
Жаркое, милое, доброе лето
Тихо скрывается за горизонтом...

Осень настойчиво в двери стучится,
Нетерпеливо минуты считая,
Осень торопится, осень томится...

Лето скрывается, медленно тая,
Отблеск заката дрожит на ресницах,
Как паутинная нить золотая...

Бантик

Если бы знать, зачем нам дается память,
То ли – в награду,
а то ли – во искупленье...
Нас связала жизнь, как ненужный бантик,
Но ощущенье узла сохранила лента...

**Я не посмею вновь твой покой нарушить,
Я никогда твои не встревожу грезы...
Но если вдруг тебе что-то тронет душу,
Знай – это я опять без тебя мерзну...**

**Если смотреть с небес – мы, конечно, мелочь,
Так – на измятой ленте забытый бантик...
Если судьба не знает, что с нами делать –
Стоит ли вновь и вновь о потерях плакать?**

**Я и не стану – зачем мне все это нужно?
Жизнь все равно ничего не дает исправить...
... Но если вдруг тебе что-то тронет душу,
Значит, зачем-то дана человеку память...**

Звук колокольчика

Памяти Яны Кандовой

**Мы и подругами близкими не были –
Время от времени где-то встречаясь:
– Здравствуйте!
– Здравствуйте!
– Как вы?
– По-прежнему...
Просто здоровались и улыбались.**

**Милая девочка, хрупкая, славная,
Русых кудрей непослушное облачко...
Яночка Кандова, Яночка Кандова!..
Звонкое имя –
как звук колокольчика!**

**Облако – словно фата подвенечная,
Вдруг улетевшая в небо нечаянно...
Знать бы заранее, что предназначено,
Знать бы заранее, что предназначено...**

**Сколько ошибок бы не было сделано,
Сколько – исправлено,
сколько – закончено...
Тает на небе фата белоснежная...**

**...А из-за облака –
звук колокольчика...**

РАХМАН БАДАЛОВ **ТОГРУЛ ДЖУВАРЛЫ**

САМОЕ ГЛАВНОЕ В ЭТОМ МИРЕ – ВОПРОШАТЬ...

(О творчестве Камала Абдуллы)

Жизнь и Книга, Книга и Жизнь.

В обыденном сознании это часто непересекающиеся, раздельные миры, живущие своей жизнью. Так и говорят иногда. «В жизни этого быть не может, только в книге», или, мол, такой-то – «книжник» и ничего не понимает в жизни. Жизнь – это одно, Книга – другое.

Между тем, Книга – это не больше и не меньше как спрессованная история человека и человечества. Все началось с запечатленного слова, с Книги, как бы она ни называлась. Жизнь запечатлевалась в Книге, находила в ней свой порядок, Книга поддерживала этот порядок, подсказывала, когда порядок устаревал. Иногда она предчувствовала дорогу вперед.

Она могла и ошибаться. Жизнь могла упереться в Книгу и остановиться, оцепенеть. А Книга могла превратиться в игру в бисер, чураясь живой жизни. «Игра в бисер» Гессе навсегда осталась книгой, которая рассказала, как это случается и каким драматичным может быть столкновение с жизнью. В больших библиотеках еще хранятся фолианты древних книг. Но Книга все чаще перебирается в компьютер, прячется в уголках этого необъятного мира. Все труднее понять, где кончается виртуальное и начинается реальное. И плюс эпоха постмодерна, которая все еще больше запутала. Книга стала сама себя пародировать, Жизнь обнаружила, что она и есть Текст. Сплошь и рядом натыкаешься на книжный вариант Жизни. Многие люди сами того не замечают, что за них говорит и за них поступает безличная Книга. Не прямо, а опосредованно. Через застывшие идеи, которые умерщвляют живую плоть Жизни.

Один из множества вариантов мостов между Жизнью и Книгой – художественная литература, как сегодня говорят, литература вымысла, fiction. Кто-то убежден, писатель должен знать Жизнь, а не Книгу. Его дело наблюдать, описывать, переосмысливать саму жизнь а не пережевывать то, что уже написано в других книгах. Другие убеждены, что все есть в Книге, только надо пойти дальше, еще раз поверить ее жизнью.

На все эти чуть затянувшиеся рассуждения нас подтолкнуло новое знакомство с творчеством Камала Абдуллы, одного из крупных и самобытных прозаиков Азербайджана. А если конкретнее, его книга рассказов «Платон, кажется, заболел...», изданная недавно в Москве, в издательстве «Художественная литература».

Феномен Камала Абдуллы-писателя крайне интересен. Хотя бы потому, что отправной точкой здесь стала Книга. Перед нами тот редкий случай, когда ученый-гуманитарий, написавший много серьезных научных трудов, неожиданно входит в большую литературу, становится автором блестящих художественных текстов. Но что такое ученый-гуманитарий, как не человек, который изучает тексты, сопоставляет их, желая разгадать спрятанные в них смыслы. Он как упорный детектив пытается исследовать (расследовать) эти смыслы, понять время, в котором написаны тексты, время, которое, спрессовавшись, становится эпохой.

Проснувшемуся писателю, как мы понимаем, в какой-то момент стало тесно в этих рамках. Наука требует ограничений, без которых наука перестает быть наукой, она требует сдерживать воображение, если оно выходит за рамки строгих научных процедур. Камалу Абдулле, напротив, захотелось дать волю своему воображению, чтобы свободно переходить от текста к тексту, от эпохи к эпохе. Ему захотелось разгадывать эти тексты не только как замурованные в своей эпохе, но и там, где эти тексты разрывают границы своей эпохи. Так он пришел к Книге. Ему захотелось «разговорить» эти тексты, сделать их своим собеседником, понять, почувствовать, как эти тексты живут в Большом времени, которое можно назвать неэвклидо-

вым пространством культуры. И герой одного из его рассказов так и скажет об этом: «У каждого вика, каждой эпохи, каждой страны, каждого человека есть свое персональное индивидуальное время. Когда времена сливаются, они формируют Единое Великое Время». Так внутри ученого-гуманитария рождался писатель, для которого жизнь походила на Всемирную библиотеку (уроки любимого им Борхеса), но, тем самым, не отдалась от жизни, а обнаруживала в ней глубокие смыслы. Камал Абдулла легко пересекает границу между Книгой, Большой Книгой и собственными сочинениями. Многие годы он изучал эпос «Деде Горгуд», знает в нюансах эту великую книгу тюрков. Как признается писатель, однажды он почувствовал острое желание пойти дальше, продолжить рассказ от той точки, где остановился эпос. Дерзкое заявление, но через годы это выльется в масштабный роман «Неполная рукопись», опубликованный на различных языках во многих странах мира.

Названный сборник составлен из рассказов разных лет. Семнадцать рассказов, включенных в него, напоминают нам старинную искусно изготовленную дверь, которая открывается в его творчество. Эти рассказы как предвестие романов, которые будут еще написаны. Но можно и просто остановиться перед самой дверью и долго любоваться тем, как искусно выделана ее поверхность, как много в ней таинственных узоров-смыслов, подсказанных воображением писателя. Уже по прочтении удивляешься внутренней связи между многими рассказами сборника. Темы, начавшиеся в одном рассказе, вдруг неожиданно возникают в другом рассказе, только это уже немного иная мелодия. Созвучие рассказов иногда удивительное.

Камал Абдулла знает жизнь настолько, насколько может знать ее тонко чувствующий талантливый человек, который напряженно, порой мучительно, пытается разобраться внутри себя, в самом себе в соприкосновении с другими людьми, наконец, в самом себе внутри всей окружающей его жизни. Его цикл рассказов «Происшествия маленького двора» (часть этих рассказов помещена в книгу), – это внимательное наблюдение за жизнью «самой по себе», за жизнью в чем-то спонтанной, изменчивой и неожиданной в этой своей изменчивости. Но «фотографирование» реальности, даже очень искусное, художественное, не по нему. Поэтому в его «происшествиях маленького двора», все время присутствует автор-наблюдатель, своеобразный «книжный червь», который не просто сопереживает тем, о которых он рассказывает, но и обнаруживает, что эти жизни и эти истории почти символические, что, казалось бы, самый неприметный человек, пусть по-своему, но переживает все те же Любовь, Разлуку, Предательство, Раскаяние. Любой другой мог бы здесь и остановиться, ощущив, что ему подвластно слово и он может отразить мир в традиционной художественной форме.

И еще, Камал Абдулла понимает едва ли не главное, что и сделало его писателем со своим абсолютно непохожим ни на кого голосом. Любой текст таит в себе жизнь, потому что Книга, настоящая Книга, всегда полна благовения перед таинством Жизни. Но и любое событие жизни, едва только осознаешь его во всем многообразии и сложности, легко обращается в текст. Поиск этот перманентен. Но едва забрезжит истина и тебе покажется, что ты, наконец, выбрался к ней, как ты попадаешь в новый лабиринт. Лабиринт мыслей, лабиринт чувств? А найдя ответ на одну загадку, ты оказываешься перед десятком новых.

На наш взгляд, один из лучших рассказов сборника так и называется – «Лабиринт». Случилось преступление, и в попытке раскрыть его перед читателем сменяется бесконечное множество мужчин и женщин. Одна пара сменяет другую, и так почти до бесконечности (условно последнюю пару можно обозначить символическими знаками). Они пытаются понять друг друга, прорваться друг к другу, ищут то единственное слово-пароль, которое докажет, что пересечение их судеб не было случайностью, попадают в лабиринт, о существовании которого даже не подозревали, пытаются вырваться из него, некоторые так и застrevают в лабиринте, другие продолжают искать выход. Все эти истории даже не истории, они просто намек, канва историй. Остальное мы с вами должны додумывать. Потому что все эти истории не сами по себе, они аккуратно вплетены в древнегреческий миф о Тесее, Ариадне, Минотавре и лабиринте. Камал Абдулла здесь прямой наследник постмодернистской традиции, где преступление всего лишь повод для погружения в таинственное переплетение человеческих судеб.

В заключение писатель позволяет себе дать несколько советов, но скорее иронических, оставаясь в границах художественного (читай, многосмысленного) слова. Он предупреждает,

что в нужном месте и в нужное время рядом с тобой может не оказаться твоей Ариадны. А можно и наоборот, хорошо бы, чтобы в нужном месте и в нужное время, рядом с тобой оказалась твоя Ариадна, и у нее под рукой оказался клубок нити.

В творчестве Камала вообще нередки отсылы к мифам: к эпическому наследию, к переосмыслинию и развитию мифологических архетипов и мотивов других народов. Писателю нравится быть интерпретатором мифов, которые когда-то завораживали его. Мы часто становимся свидетелями этого переосмыслиния мифов, если хотите даже их своеобразного «приисоединения» как в свободном пересказе египетских или древнегреческих мифов. Иногда это укладывается буквально в пару страниц. Щемящий по чувству рассказ «Харон, милосердный Харон» навеян мыслью Альбера Камю об ужасе беспамятства. (Тема эта не раз повторяется в рассказах Камала). Женщина дает фактически взятку – монетой и мольбой – всегда безжалостному Харону, чтобы в другом, загробном мире сохранить память о жизни земной. И женщина вступает в царство Аида со своей памятью, и на лице Харона появляется нежданная улыбка. Разве не шире это по звучанию, чем этюд на мифологические темы? А Парис из рассказа «Выбор Париса» вопреки первоисточнику выбирает Геру, потому что она обещает власть над миром. Кажется, что это снова писательская ирония, «привет» из нашего времени.

И все же, кто он Камал Абдулла? Верный адепт постмодернизма? Магический реалист? Новатор азербайджанской интеллектуальной прозы? Да, в какой-то мере, действительно магия, действительно элементы фантастики, действительно философские вопросы, но что-то еще, неуловимое, что невозможно поместить в какие-либо «измы». Удобное прокрустово ложе, но каждый раз что-то в него не будет вмещаться, что-то останется за скобками. Бессмысленна попытка очертить смысл, содержание его рассказов (как в зубрежной школьной практике – «в чем главная мысль рассказа?»). Они почти всегда ускользают: мысль быстро становится чувством, а чувство перетекает в неясную зыбкую мысль. Рискнем предположить, и сам писатель не всегда сможет ответить на простодушный лобовой вопрос – о чем рассказ? Ведь его рассказы почти всегда многослойны, и попробуй назови здесь главное. Может быть дело в том, что Камал Абдулла ироничен, именно ироничен, а не пародиен, поскольку его ирония ненавязчива. Порой она откровенна, но чаще печальна, оттого, что думаешь одно, а получается другое, смотришь на себя, а находишь своего двойника, пытаешься отыскать ответ, а обнаруживаешь непроницаемую «тайну тайн времен».

Рассказ, которым начинается сборник, так и называется «Двойники» и посвящен Борхесу. То ли сон, то ли явь, мальчик подпрыгивал на балконе, мать кричала, балкон обвалился; балкон действительно обваливался, но только для того, чтобы взмыть вверх в снах мальчика, а мать только бранилась, перестань шалить. В этом зчине то ли сон, то ли явь, человек ведь может возвращаться в место, где он провел детство, все окажется так и не так, и ты можешь встретить своего двойника, пройти вместе с ним по улице Мирза Фатали и свернуть на Мирзага Алиева, вспомнить прошлое, вспомнить погибшего друга, и расстаться, то ли друг с другом, то ли с какой-то частью своего прошлого. Это вот ощущение жизни как зыбкой границы сна и яви проходит через многие рассказы сборника. В «Камерном театре» к герою рассказа приходит женщина из его снов и возвращает его в «привычный» мир. Но куда – в мир других снов или реальную жизнь, или в свой собственный сон? Печаль по обжитому миру, который навсегда остается позади, в растущем беспамятстве и есть главное в этом рассказе. В одном из своих стихотворений Камал Абдулла так и спросит: неужели мы все – сновиденья Аллаха? В другом рассказе, все они были из одной юности, потом разошлись по жизни, и вот сейчас собрались на поминки по одному из них, у каждого из них в те годы были свои прозвища, ироничные, часто не совпадающие с реальностью, у «лысого Багира» были густые волосы, «джыртдан» Агагулу был настоящим верзилой, «толстячок Ганифа» вовсе не был толстым, только Бабаджана так и называли Бабаджан, никто не называл его карликом, и все удивились, что сейчас на поминках толстячок Ганифа назвал его «карликом», «самым высоким карликом на свете», причём добавил, что сам Бабаджан гордился этим, сам ему рассказывал, и еще рассказывал ему, Ганифе, в подробностях о своей первой брачной ночи. А все молчали, им не очень нравились признания толстячка Ганифы, но они молчали. Ирония приобретает новые краски, она становится веселой, озорной, оставаясь печальной, все-таки поминки, но можно

ведь врать все что угодно, а присутствующие промолчат и не заметят, что за ними пристально наблюдает портрет на стене. И этот Бабаджан в рамке не выдержал: смотрел, смотрел с портreta, а потом не выдержал, выпрыгнул из своей фотографии на пол, подпрыгнул так высоко как мог, и плонул из всех сил в лицо Ганифы. Ну разве может такое случиться? Может, если это акт высшей справедливости, и еще потому, что нельзя рассказывать чужие тайны. И никогда не узнать, было это или не было, но жена Бабаджана, прощаясь с гостями, не подаст руки сплетнику, да и сам толстячок Ганифа, оказывается, довольно несчастный человек. Писатель разматывает историю почти до конца. «Почти», потому что «конец» бывает только в сказках.

Воистину, в рассказах Камала Абдуллы может случиться всякое. А разве может идти «верблюжий дождь» (великолепная история для взрослых, с тонкой ironией и почти детская сказка по нежности)? И может ли джинн из колодца увести девушку лишь пообещав ей, что научит ее летать? Кстати, этот джинн из колодца в рассказе «Научи меня летать» такой живой, теплый, живописный, что впору поверить в его реальность. И совершенно бурлескной становится ironия писателя в рассказе «Ответ древним майя». Уже первые фразы смешны своей нелепостью: «дело происходило на следующий день после объявленного конца света. Еще в начале нашей эры древние майя с удивительной дальновидностью объявили вчерашний день – днем конца света». Самое же удивительное – новый регистр все той же ironии – рассказчик решил, что необходимо попробовать сделать нечто такое, что в другое время и не пришло бы в голову. Почти насилино повел домой обыкновенного попрошайку, паренька лет пятнадцати-шестнадцати, привел домой, накормил, напоил, выслушал его исповедь о предательстве, которое совершили его любимый педагог и любимая девушка. Ситуация, пожалуй, более невероятная, чем прыжок карлика Бабаджана из фотографии, а в остальном, кто будет удивляться, что по словам мальчика, его сосед дядя Мустафа, пожилой человек, который из-за болезни не встает с постели, похож на его отца, которого мальчик никогда в жизни не видел. Для того, чтобы в это поверить, никаких предсказаний древнего народа майя не потребуется.

Еще одна грань ironии, Восток и Запад, которые у Киплинга идут параллельными дорогами и никогда не пересекутся (эвклидово пространство культуры?), а у Камала Абдуллы они просто двойники, и не просто двойники, а такие, которые могут поменяться местами и даже не заметить этого. Хранитель Большой Печати городского Университета, профессор Корнелиус обнаружил центр Земли, который оказался прямо на главной площади столицы, до его открытия было много споров, спорили короли и султаны, Вильгельм Молчаливый из рода Габсбургов и османский Султан Ахмед VI, грозили папы и кардиналы, спорили ученые и псевдоученые, наконец, открытие Корнелиуса признали все ученые мира и правители многих стран, а умирая, Корнелиус вспоминает, что истинное его имя Гаджи Мир Гасан Сайях, что был он действительно сайяхом, путешественником, но теперь на пороге смерти, завещает Гасан Сайяху, что он должен поставить точку в этом деле, но при условии, что он примет его имя. Читатель окончательно запутывается, Корнелиус должен стать Гасан Сайахом, или Гасан Сайях должен стать Корнелиусом, но какое это имеет значение, только глупцы могут спорить, где находится центр Земли, на Западе или на Востоке, он везде, где есть площадь, на которой собираются люди, там, где более всего сконцентрированы боль и страдания. Ironия становится горькой, почти перестает быть ironией, если подумать, сколько копий сломано, сколько крови прошло, чтобы доказать, что «центр Земли» там или тут? Но важна тут не только ironия, но и поэтическая закольцованность образа. Рассказ начинается со снега («Вечерний снег продолжал осыпать густыми хлопьями 1784 год») и тот же снег падает уже в воспоминаниях Корнелиуса-ребенка. В воспоминаниях он проходит мимо мертвого отца, но мальчику нельзя показать, что он узнал его – память здесь гибельна, а притворное беспамятство спасительно. Разве это не самое страшное место на земле?

Своебразие Камала как раз в том, что некоторые его рассказы как будто покрыты неизмой пылью, которая прячет другую глубину. Сдуй ее – и тебе откроется философский пласт рассказа. Смахни еще раз – и под ней настоящая поэзия.

А потом этот же Сайях, вечный искатель истины, мелькнет в рассказе «Тайна тайн времен» и станет Саввабом Тебризи, который открыл формулу счастья и даже формулу бессмертия. Только теперь для этого достаточно пересечь пятьдесят километров от Баку до Мардакяна.

Герой рассказа, ученый, получает из рук немногословного светлого старца старинную по-желтевшую рукопись. Когда в положенный срок, через три дня он вернет ее старцу, на него найдет наваждение и покажется ему, что этот самый старец и есть Савваб Тебризи. «Если таинство счастья обнаружено, оно не может перейти в другое время, оно останется в своем», – скажет ему старец и добавит, что только Савваб Тебризи мог путешествовать во времени. Герою рассказа даже почудится, что этот старик и есть Савваб Тебризи, но тогда почему он не хромает, как хромал автор рукописи? И в последней точке рассказа нам откроется, что старец Хейбар и был Саввабом: «он заметно хромал, подволакивая ногу». И ряд аллюзий тут очевиден: и скрытый имам, и великие суфии, которые уходили, оставив ученикам главный вопрос – почему он ушел. И вообще в любом уходе скрыта тайна. И, отржнувшись от очарования рассказа, где вполне «китчевый» джейран с коврика на стене может теряться о ноги великого старца, заметим шутливо, что он оставляет вполне двойственное впечатление. С одной стороны этот дедушка Хейбар похож на «ученика Рабиндраната Тагора» из Ильфа и Петрова. Но с другой стороны, положа руку на сердце, разве не встречали вы хоть раз в жизни просветленных старцев, которые жили, кажется, всегда и знают ответы на все вопросы жизни?

Камал Абдулла никогда не навязывает одну точку зрения. Он почти непрерывно задает вопросы как в дзен-буддизме, надеясь, что сама медитация, которая заключена в настойчиво повторяемых вопросах, поможет поймать истину. А ирония не оставит места сентиментальности, которой не найти даже в самом нежном рассказе писателя. Его внутренний камертон безупречен.

В прозе Камала много печали, но нет места отчаянию. И, кажется, мы знаем почему. Пространство культуры шире, чем пространство обыденной жизни. Писатель буквально живет в культуре, здесь обжит каждый уголок. И люди в этом его пространстве живут уже после того как истаяли житейские воспоминания о них. Нам кажется, что в его индивидуальном времени продолжают жить все те, кого уже нет. И изящный рассказ под названием «Платон, кажется, заболел...» не только о смешной оправдательной фразе Платона, который мучается, что не посетил умирающего Сократа, смотрит на себя со стороны как на другого и находит только одно оправдание – «Платон, кажется, заболел». И даже не о том, что у Физули был двойник – мальчик, к которому и обращены последние строки его газелей. Он прежде всего об учителе, который вроде умер, но вроде и не умер (и с этим вопросом остается и читатель), но скорее всего жив, потому что в пространстве культуры никто не умирает и все всегда живы.

А может быть все дело в постмодернизме, который открыл дорогу свободе и выдумке. Камал Абдулла как всякий постмодернистский писатель совершенно свободен в выдумке. Вот в этой свободе его огромное писательское обаяние. Камал Абдулла – мистификатор и даже гордится этим. Никогда не поймешь, где он выдумывает, а где правдив. Но так ли уже это важно? Он свободен, когда рассказывает, рассказывает свои истории. Но что важно – свободен и читатель. В трактовке, в понимании того, что он только что прочел. Однажды он сказал: «Как не-понятно – лечь спать ночью, а утром уже не проснуться». И это не был страх смерти. Он боится уйти, не задав все свои вопросы. Он достаточно мудр, чтобы знать, что ответа на них не найти. Но кто может запретить спрашивать? И может, в этом свобода человека?

Камал Абдулла продолжает играть важную роль в нашей культуре, и как ученый, и как писатель, и как общественный деятель. Но, возможно, в еще большей степени как гуманист, точнее как гуманист в Возрожденческом смысле этого слова, который возвращает нас ко всей толще мировой культуры, к текстам, несущим глубинные смыслы, только предостерегает от одного: не сакрализовать ту или иную Книгу, не догматизировать те или иные Смыслы, осознавать, что едва ли не главное занятие человека в этом мире – вопрошать, вечно вопрошать, относиться к миру во всей его сложности и многосмысленности как к Тайне, которую следует восхищаться, замирать перед этой Тайной, которую мы обречены разгадывать, понимая, что нам не дано ее разгадать.
